В. КОРСАКЪ

ПАѢНЪ

ПАРИЖЪ

В. КОРСАКЪ

ПЛѢНЪ

In proelio captus
Capi aut mori
Aufugere turpe.

Isnabel 1674.

(Надпись на стѣнѣ
въ башнѣ Венсеннскаго
замка).

ПАРИЖЪ
1927

Tous droits reservés pour tous les pays
y compris les pays scandinaves.

Copyrright 1927 *by the author.*

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ ЖЕНѢ.

ГЛАВА I.

Въ самомъ концѣ іюня 1914 года, я былъ призванъ изъ запаса на дѣйствительную службу.

На слѣдующій-же день послѣ полученія призывного листа, я явился къ воинскому начальнику.

Предстоявшая война казалась чѣмъ-то, вродѣ увеселительной прогулки, съ ночевками въ полѣ. Это даже было привлекательно послѣ продолжительной городской жизни. Все же остальное пряталось въ неизвѣстномъ будущемъ.

Мой полкъ — 171 пѣхотный Кобринскій — былъ сначала въ Восточной Пруссіи, оттуда онъ отступилъ на Нѣманъ, а съ Нѣмана вся наша 43 пѣх. дивизія была переведена на Варшавскій фронтъ.

На 30 октября 1914 года я былъ назначенъ дежурнымъ офицеромъ по полку.

— Особеннаго ничего нѣтъ, — замѣтилъ старый дежурный, сдавая мнѣ свои обязанности, — только внизу находятся подъ карауломъ шесть лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонажѣ.

Отправились туда. Въ полуподвальномъ этажѣ большого помѣщичьяго дома сидѣло подъ карауломъ шесть человѣкъ — четверо мужчинъ и двѣ женщины.

Большинство арестованныхъ походило на зажиточныхъ нѣмцевъ - колонистовъ. Они, молча, въ разныхъ позахъ, си-

дѣли на табуретахъ вдоль стѣны. Только одинъ изъ нихъ, невысокій, коренастый человѣкъ, съ окладистой бородой, ходилъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и смотря на небольшое окошечко вверху. Черезъ пыльныя стекла ничего не было видно, за исключеніемъ ногъ наружнаго часового. Услышавъ наши шаги, ходившій остановился и взглянулъ на насъ. Въ его свѣтлыхъ, странныхъ глазахъ блеснула надежда, потомъ страхъ; онъ что то хотѣлъ сказать, пошевелилъ губами; затѣмъ снова голова пала на грудь, и онъ опять зашагалъ.

Женщины, низко спустивъ на лица платки, беззвучно плакали.

Въ сторонкѣ отъ этой группы сидѣлъ шестой арестованный. Это былъ глубокій старикъ. На немъ были холщевые штаны и рваный армякъ; черезъ плечо висѣла сума; изъ ея распоровшагося угла выглядывалъ конецъ краснаго платка. Старикъ сидѣлъ, опираясь на липовую палочку.

Босой, безъ шапки, съ длинными вьющимися волосами и ясными, ласковыми глазами, арестованный скорѣе напоминалъ блаженнаго.

Я засмотрѣлся на старика.

— Залюбовались на дѣда, понравился? — окликнулъ меня старый дежурный, молодой и веселый поручикъ, — а на самомъ дѣлѣ онъ скверный человѣкъ. Все время, когда мы окопы рыли, вертѣлся около насъ. Я приказывалъ солдатамъ и впередъ и назадъ его отводить — не помогало. Исчезнетъ на день, на два — глядишь, снова появился. Начнешь говорить — ни бэ, ни мэ, ни по-польски, ни по-русски. Наконецъ, на сосѣднемъ участкѣ арестовали; документовъ, конечно, никакихъ; плететъ что-то несуразное — «германъ, австріакъ», и все. Чортъ его знаетъ, что за человѣкъ.

Дѣдъ ласково смотрѣлъ на насъ, и невозможно было рѣшить, былъ-ли это блаженный или искусный плутъ.

— А кто остальные? — спросилъ я, когда мы вышли изъ комнаты заключенныхъ.

— Тоже вопросъ: жители одной деревни, поляки, донесли, что такіе-то и такіе-то колонисты нѣмцы занимаются

шпіонажемъ. Колонистовъ арестовали. Теперь колонисты утверждаютъ, что поляки обвинили ихъ по злобѣ и подбросили карту, которую нашли у бородатаго; эта карта, какъ будто, была раньше на стѣнѣ въ школѣ.

Я принялъ дежурство.

День прошелъ спокойно, но ночью стало извѣстно, что нашъ полкъ выступаетъ на позиціи. Съ разсвѣтомъ поднялась суматоха, поскакали ординарцы, начали выводить роты и подводить ихъ поближе къ штабу.

Вывели арестованныхъ.

Ихъ родственники, такіе же на видъ колонисты, уже поджидали появленія заключенныхъ во дворѣ.

Женщина въ темномъ платкѣ рыдала на груди коренастаго мужчины, ея мужа; онъ, молча, гладилъ ее по головѣ. Остальные тихо переговаривались между собой, изрѣдка смахивая набѣгавшія слезы. Только одинъ блаженный ласково смотрѣлъ на окружающее, не чувствуя полузамерзшей земли подъ босыми ногами, и улыбался по-прежнему. На эту группу озабоченно смотрѣлъ полковникъ. Штабъ дивизіи, куда слѣдовало направить арестованныхъ, за ночь перебрался на новое мѣсто, но мѣста своей стоянки еще не указалъ. А полкъ долженъ былъ выступить на позиціи.

Чувствуя, что мнѣ, какъ дежурному, придется взять въ свои руки дальнѣйшую судьбу арестованныхъ, я, чтобы уклониться отъ этого, подошелъ къ полковнику и попросилъ разрѣшенія сдать дежурство раньше времени и отправиться вмѣстѣ съ ротой. Онъ разрѣшилъ.

Черезъ часъ - полтора полкъ двинулся въ дорогу. Пройдя съ полчаса, онъ остановился на перепутьѣ, у стараго креста. Здѣсь вынули карты, и каждому батальону былъ указанъ его участокъ. Нашъ батальонъ шелъ нѣкоторое время по широкой проѣзжей дорогѣ, между высокими, полуоблетѣвшими липами, а потомъ свернулъ въ поле налѣво. Изъ сомкнутаго строя батальонъ перешелъ въ по-ротный; затѣмъ каждая рота брала свое направленіе и исчезала среди полей, перелѣсковъ и встрѣчныхъ деревушекъ. Участокъ нашей роты былъ

расположенъ на молодомъ, зеленѣвшемъ полѣ ржи, между фольваркомъ, съ одной стороны, и громадной кучей камней, — съ другой.

Сзади была равнина чуть покатая на насъ, прямо впереди виднѣлась небольшая деревня, полускрытая березовой рощицей. Деревня называлась — Блоне, фольваркъ — Александровъ. Было это, приблизительно, на полъ-пути между Варшавой и Калишемъ.

Справа нашимъ сосѣдомъ оказалась V рота 172 полка. Она пришла на свое мѣсто на два часа раньше насъ и успѣла уже вырыть хорошіе окопы съ блиндажами.

Слѣва, у самаго имѣнія, расположилась наша VI рота. Батальонный занялъ, какъ говорили, помѣщичій домъ.

Первымъ дѣломъ нашимъ, по прибытіи на мѣсто, было вырыть окопы. Къ сожалѣнію, лопатъ было очень мало — большинство ихъ было брошено во время отступленія изъ Восточной Пруссіи; земля была твердая, и наши окопчики вышли и мелкими и тѣсными.

Солдаты сейчасъ-же натаскали въ нихъ соломы изъ сосѣдняго скирда. Подъ вечеръ завязалась гдѣ то перестрѣлка. Стрѣляли долго, неторопливо, видимо, безъ всякой цѣли.

Ночь прошла спокойно. Было холодно, я пошелъ къ скирду, сдѣлалъ въ немъ берложку и продремалъ въ ней до самаго утра; въ соломѣ было много мышей: онѣ забирались подъ шинель, бѣгали по лицу, а одна залѣзла даже въ карманъ. Ночью нѣсколько разъ навѣстилъ ротнаго командира. Наканунѣ выступленія онъ съѣлъ нѣсколько, очевидно, плохихъ сардинокъ, и его болѣе сутокъ мучили ужасныя боли въ животѣ и поносы. Это очень истощило его, и рано утромъ онъ пошелъ на фольваркъ выпить чего нибудь теплаго.

Но отправиться въ госпиталь онъ отказался. На слова Арцышевича, перваго полуротнаго, и на мои, капитанъ Гурчинъ махалъ рукой и говорилъ: — потомъ!.. А самъ былъ зеленый и шатался отъ слабости.

Въ этотъ день дѣло ограничилось перестрѣлкой нашей и нѣмецкой артиллеріи. Сибирскій тяжелый дивизіонъ началъ

первый. Грузно ахнула мортира, загудѣлъ, взвиваясь кверху, снарядъ, потомъ замолкъ; черезъ нѣсколько секундъ донесся мягкій, заглушенный разстояніемъ, разрывъ.

Нѣмцы въ долгу не остались. Въ воздухѣ загремѣло и зазвенѣло, словно по исполинской залѣ ходилъ великанъ и билъ несчетное множество стеклянной посуды. Грохотъ разрывовъ заставлялъ людей прижиматься къ землѣ, а птицъ безпокойно метаться. Пролетѣло нѣсколько стаекъ испуганныхъ куропатокъ, тревожно лопотали индюки на фольваркѣ, и звонко безпокоилась гдѣ то синичка.

Сверху на чистомъ прохладномъ небѣ сіяло солнце; потомъ его заволокло дымкой, и я совершенно не замѣтилъ, какъ оно сѣло.

Въ темнотѣ подъѣхала кухня. Зазвенѣли осторожно котелки, и разнесся запахъ борща и ржаного хлѣба. Когда люди поужинали, я пошелъ навѣстить Арцышевича; по дорогѣ, не замѣтивъ, попалъ въ яму отъ снаряда и чуть не сломалъ себѣ руку.

Арцышевича я нашелъ въ его окопѣ: онъ былъ живъ и невредимъ. Съ разрѣшенія Гурчина, мы побѣжали на фольваркъ — намъ хотѣлось пить и ѣсть. Помѣщичій домъ казался совсѣмъ пустымъ. Только въ одномъ изъ окошекъ мелькалъ слабый синеватый огонекъ. Мы направились къ нему; тамъ были наши деньщики, жарившіе въ кухнѣ гуся. Они разостлали на столѣ газету, положили ножи, вилки и гуся, шипѣвшаго на большой сковородѣ. Мы ѣли торопливо, часто давились и прислушивались, что дѣлается снаружи. Послѣ гуся появился чай; я съ большимъ удовольствіемъ выпилъ нѣсколько стакановъ: мы уже два дня, какъ почти ничего не ѣли и не пили.

На обратномъ пути, проходя черезъ длинную залу, я увидѣлъ даму, сидѣвшую на диванѣ. Передъ ней горѣла свѣчка, лежала книга. На креслѣ, около дивана сидѣлъ мужчина, по виду управляющій имѣніемъ, и уговаривалъ даму, пока еще не поздно, отправиться въ тылъ. Услышавъ наши шаги, женщина подняла голову; у нея были заплаканные глаза и дрожали губы.

Мы съ Арцышевичемъ вышли на крыльцо. Ночь была, какъ чернила; быстрымъ шагомъ мы направились къ нашей ротѣ.

Послѣ короткихъ промежутковъ тишины, ночная темнота наполнялась трескомъ, похожимъ на щелканіе бича; часто небольшей свѣтъ вспыхивалъ надъ головой голубоватой искрой, иногда, взблеснувъ, огненная полоска зарывалась въ землю.

Это стрѣляли нѣмцы не то разрывными, не то свѣтящимися пулями. Пули сильно щелкали и заставляли невольно вздрагивать.

Впереди кто-то зажегъ большой скирдъ. Солома ярко горѣла, и въ освѣщенномъ кругу виднѣлись чьи-то черныя, копошившіяся фигуры. Гдѣ-то поблизости бушевалъ нашъ пулеметъ; нѣсколько подальше ему отзывался нѣмецкій.

Въ темной дали иногда показывались тусклые огоньки; они медленно передвигались, исчезали и снова появлялись. Это бродили нѣмцы съ электрическими фонариками; они не заботились, видитъ ихъ кто-нибудь или нѣтъ.

Несмотря на напряженное состояніе, мои два взвода прекрасно спали въ окопахъ; они звонко храпѣли и не обращали вниманія на перестрѣлку и присутствіе нѣмцевъ. Я со взводнымъ командиромъ пробовали будить спящихъ: мы ихъ трясли, ругали, поднимали за плечи и сажали обалдѣвшихъ спросонокъ людей. Но все это было напрасно. Качнувшись нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону, посаженныя тѣла снова падали на солому. Сначала одинъ начиналъ пѣть носомъ, къ нему присоединялся другой, и вскорѣ могучій храпъ покрывалъ перестрѣлку, пулеметы и далекіе крики ура.

Таково было дѣйствіе усталости и хорошаго ужина. Нашей ротѣ было приказано оставаться на мѣстѣ и въ перестрѣлку не вмѣшиваться.

Ночью Гурчинъ нѣсколько разъ самъ обошелъ окопы. Его по-прежнему мучили боли въ животѣ, и онъ иногда со стономъ опускался на землю. Онъ ходилъ, не обращая вниманія на опасность, и его спокойствіе передавалось другимъ.

Небо было черное. Съ фольварка доносилось неспокойное

мычаніе коровъ, а гдѣ то вблизи отчаянно замяукалъ котенокъ. Я пошелъ искать его. На мой зовъ изъ травы прикатился маленькій, пушистый комокъ, быстро поднялся по шинели до самаго лица, ткнулся холоднымъ носикомъ въ щеку, пискнулъ на ухо, какъ будто на что-то жалуясь, и сейчасъ же замурлыкалъ весело. Я засунулъ его подъ шинель, на грудь, и быстро побѣжалъ къ фольварку; тамъ нащупалъ дверь, открылъ и бросилъ въ темноту котенка.

Подъ утро я пошелъ навѣстить Гурчина. У него былъ окопъ побольше, съ массой соломы. Ее натащили любившіе своего командира солдаты. Гурчину было лучше. Я легъ рядомъ съ нимъ и мы заговорили, выставивъ головы изъ соломы. Поговорили обо всемъ: о ночныхъ событіяхъ, о грядущемъ днѣ, о томъ, какъ храпятъ наши солдаты. Потомъ разговоръ сразу оборвался. Я подумалъ, что Гурчинъ уже спитъ, когда онъ вдругъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Какъ то очень не хорошо. Должно быть, скоро буду убитъ.

Я не нашелся, что сказать ему, и вглядывался въ ночь; ничего, кромѣ мрака, не было.

Въ теплѣ я незамѣтно заснулъ. Спалъ я крѣпко и хорошо, какъ рѣдко когда. Снились прохладные источники, слышалась отдаленная музыка, растилались луга, и на нихъ съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетали большія, сверкающія бабочки, иногда слышалась музыка — тихая и грустная, какъ прошедшая молодость.

Потомъ вдругъ проснулся. Было еще рано, и висѣлъ туманъ. Кто-то спрашивалъ:

— Гдѣ ротный командиръ?

Гурчинъ откликнулся. Къ краю окопа подошла сѣрая солдатская фигура: принесли телефонограмму отъ батальоннаго командира.

При свѣтѣ электрическаго фонарика, Гурчинъ прочиталъ ее вслухъ.

Въ ней сообщалось, что приказа объ отступленіи не будетъ; поэтому, приказывалось держаться до послѣдняго и,

кромѣ того, въ 8 часовъ утра аттаковать и занять деревню Блоне.

Гурчинъ поднялся.

— Схожу въ сосѣднюю роту, спрошу, что имъ приказано. Неужели, намъ однимъ наступать? Во всякомъ случаѣ, въ 8 часовъ надо начинать.

Онъ вылѣзъ изъ окопа, отряхнулъ солому и зѣвнулъ.

— А я разоспался, забылъ, что война. Оставайтесь тутъ до моего возвращенія и ничего не дѣлайте безъ моего приказанія.

Съ этими словами онъ исчезъ въ туманѣ.

Въ восемь часовъ ровно рота повела наступленіе. Къ этому времени туманъ разогнало, и нѣмцы видѣли, какъ стали прыгать изъ окоповъ наши солдаты. Нѣмцы сейчасъ же открыли пулеметный и ружейный огонь.

Звенящая, невидимая волна разостлалась надъ самой землей; злая, неудержимо - быстрая она сбивала былинки, бороздила землю, зарывалась въ желтую насыпь окоповъ.

Много людей, задѣтыхъ этимъ неотвратимымъ потокомъ, падали тутъ же, на насыпь. Кто могъ — ползъ обратно, а другіе, упавши, больше уже не поднимались.

Уцѣлѣвшіе не обращали вниманія на павшихъ.

Мелко и часто крестясь, каждый ждалъ своей очереди. Метнувшись изъ окопа и пробѣжавъ 30-40 шаговъ, люди падали, потомъ вставали, бѣжали и снова падали. Чѣмъ дальше продвигалась цѣпь, тѣмъ больше оставалось на землѣ лежавшихъ и уже не шевелившихся шинелей.

Стальная воющая волна становилась все безпощаднѣе. Грудь, животъ не чувствовались. Вся жизнь перешла въ глаза. Не пройдя половины пути, рота повернула обратно. Стало еще хуже. Прикрывая отступленіе, наша батарея выпустила лишь двѣ шрапнели; онѣ зло просвистѣли надъ головами и разорвалась въ полѣ, у мельницы. Это была вся артиллерійская поддержка. Когда мы были уже недалеко отъ окоповъ, кто-то закричалъ:

— Ротный командиръ убитъ!..

Я вглядывался въ лежавшія на зеленой ржи тѣла, но ротнаго командира найти не могъ.

Вернулись.

Около половины людей уже не было.

А день только что начинался.

Черезъ нѣсколько минутъ журчащій звукъ послышался сверху; потомъ секунда молчанія. Я выглянулъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Черезъ мгновеніе донесся страшный взрывъ въ два такта. Тяжелый снарядъ попалъ въ скотный сарай. Крыша, балки, стропила — все полетѣло кверху... Еще такой же снарядъ, въ то же мѣсто.

Взлетѣла снопомъ земля, и высоко въ воздухѣ мелькнуло небольшое животное, должно быть, баранъ. Сарай загорѣлся. Испугано мычали коровы, жалобно блеяли овцы. Густой дымъ заволокъ строенія.

Послѣ фольварка наступила наша очередь. Земля дрожала. Гранаты поднимали столбы песку и камней, вверху рвались шрапнели, по низу стлались ружейныя пули.

Потомъ все сразу смолкло, вдали показались нѣмецкія цѣпи, шедшія на насъ въ аттаку.

Мы стали отстрѣливаться. Арцышевичъ, принявшій команду, бѣгалъ вдоль окоповъ, отдавая приказанія. Нѣмцы залегли снова. Ихъ пулеметъ мѣрно заработалъ. Опять появились гранаты, шрапнель.

Потомъ снова передышка, снова цѣпи, снова мы отстрѣливаемся. Сколько такъ прошло времени, я не могу сказать. Выглянувъ въ одну изъ минутъ, когда нѣмцы особенно усердно барабанили по нашимъ окопамъ, я увидѣлъ, что 172 полкъ, бывшій у насъ справа, отступаетъ. Солдаты бросали окопы и быстро бѣжали къ деревнѣ, стоявшей сзади у лѣса.

Я посмотрѣлъ на часы — было около одиннадцати.

Бросивъ насъ, нѣмцы перенесли огонь на отступавшихъ. И много полегло на полѣ сѣрыхъ комковъ прежде, чѣмъ имъ удалось скрыться въ лѣсу, за деревней. Иногда, среди кучки бѣжавшихъ появлялся длинный черный столбъ. И, когда дымъ разсѣивался, отъ людей не оставалось и слѣда.

Но что-жъ было дѣлать намъ?

Оставаться, бѣжать?

Я посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ должна была находиться наша VI рота, но тамъ уже никого не было. Такимъ образомъ, мы были открыты и справа и слѣва.

Вспомнился приказъ — держаться до конца, отступленія не будетъ. Солдаты вопросительно смотрѣли на меня. Лично я рѣшилъ остаться. Но, кто хотѣлъ бѣжать, тотъ могъ. Этимъ разрѣшеніемъ воспользовалось нѣсколько человѣкъ. Они выскочили изъ окопа и, низенько пригибаясь, быстро побѣжали назадъ.

Мы остались сиротами въ полѣ. Бросивъ отступавшихъ, нѣмцы обрушились на насъ.

Земля закипѣла. Невозможно было высунуть голову изъ окопа. Арцышевичъ, сдѣлавшись лилово - сѣрымъ, съ глазами, ушедшими глубоко внутрь, бѣгалъ по окопамъ, заставляя солдатъ стрѣлять. Съ каждой минутой становилось меньше людей; съ каждой минутой оставалось меньше винтовокъ. Пули и осколки снарядовъ попадали въ затворы, разбивали ложа, сгибали штыки, поражая иногда сразу и человѣка и оружіе. Патроны быстро убывали. Отъ частаго куренія хотѣлось пить. Губы ссохлись. Говорить приходилось, громко крича на ухо, — постоянные разрывы сдѣлали насъ глухими.

Ко мнѣ обратился молодой, славный солдатикъ:

— Одолжите папиросочку, въ послѣдній разъ передъ смертью покурить...

Послѣ небольшой передышки, нѣмцы, собравшись съ силами, снова ударили по насъ. Они били на этотъ разъ не только по окопамъ, но и въ тылъ, чтобы помѣшать подойти резервамъ.

Среди общаго гула я вдругъ уловилъ одно приближающееся журчаніе; не было сомнѣнія, — это былъ самый близкій изъ всѣхъ снарядовъ. Сидѣвшій рядомъ со мной унтеръ-офицеръ закрылъ глаза. Закрылъ глаза и я. Прошелъ моментъ жуткаго ожиданія. Приближавшійся звукъ сразу оборвался.

Что то мягко колыхнулось. Съ откоса окопа посыпался песокъ. Воздушная волна, тяжелая какъ бревно, больно ударила по тѣлу, а особенно по головѣ. Съ неодолимой силой меня прижало книзу, швырнуло въ одну, потомъ въ другую сторону. Несказанная тяжесть навалилась на грудь. Воздухъ сталъ тверже чугуна. Нельзя было вздохнуть. Поплыли волны; на нихъ поплавкомъ заколыхалось тѣло, сдѣлавшееся невѣсомымъ. Въ головѣ вспыхнули образы; они завертѣлись такъ быстро, что не было возможности ихъ разглядѣть. Потомъ все сплющилось и превратилось въ широкій лучъ свѣта; суживаясь, онъ помчался куда то съ невѣроятной быстротой и закончился ярко сверкнувшей точкой. Она освѣтила всю жизнь. Поднялась высокая гора. Зазвенѣли колокола. Все исчезло.

Сколько я пробылъ въ безсознательномъ состояніи — не знаю. Когда я пришелъ въ себя, по тѣлу бѣгали мурашки, лѣвая половина лица была, словно чужая, во рту ощущался непріятный вкусъ, а голова была слабая, больная и совсѣмъ пустая.

Унтеръ-офицеръ, находившійся рядомъ со мной, сидѣлъ въ прежней позѣ; изъ угловъ рта, изъ носа текли тоненькія струйки крови. Я тронулъ его за руку, онъ качнулся и упалъ лицомъ на землю, выпустивъ винтовку.

Оказалось, что снарядъ упалъ въ двухъ шагахъ впереди окопа и зарылся, не разорвавшись. Насъ задѣло только воздушной волной.

Нѣмцы обстрѣливали насъ по-прежнему. Невдалекѣ сошелъ съ ума солдатъ. Сначала онъ кричалъ дикимъ звѣринымъ голосомъ, а потомъ выскочилъ и побѣжалъ въ сторону нѣмцевъ. Въ ту же минуту онъ былъ убитъ.

Справа кричали:

— Патроновъ нѣтъ, дай патроновъ!..

Все отчаянное мужество, которое проявлялъ Арцышевичъ, было ни къ чему. Нѣмецкія цѣпи подходили ближе и ближе; въ промежуткахъ между ними тащили пулеметы. Смертная тоска сжала сердце. Но даже и въ эти тяжелые моменты соб-

ственная жизнь была все-таки прекрасной, а чужая — священной.

Для рѣшенія споровъ человѣчество обязано было найти другой выходъ. А нѣмцы были совсѣмъ близко. Насъ они уже больше не боялись. Поднимаясь, они шли въ ногу, ложились и снова вставали. Каски у нихъ были въ полотняныхъ чехлахъ, одѣты они были въ черныя шинели.

Я посмотрѣлъ на часы. Было около четырехъ.

Вдругъ озарила мысль — вѣдь, можно покончить съ собой. Мнѣ стало радостно и свѣтло; я только не понималъ, какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову. Такая смерть была бы только желанной. Я вынулъ револьверъ и поднесъ его къ головѣ. Почувствовавъ себя господиномъ собственной жизни, я рѣшилъ прожить еще десять секундъ; онѣ медленно уплывали въ невозвратное и совсѣмъ близко нащупывалось самое дно жизни. Вдругъ, на седьмой или на восьмой секундѣ, время словно запнулось и стало. Я позабылъ счетъ, прислушался. Стрѣльба прекратилась, наступила страшная тишина, я слышалъ, какъ бьется мое сердце...

Раздалось ура — одно жидкое, слабое, другое твердое, увѣренное.

Новыя мысли хлынули въ сознаніе. Я выбѣжалъ изъ окопа съ револьверомъ въ рукахъ. Невдалекѣ, схвативъ другъ друга за горло, русскій и нѣмецъ переступали то взадъ, то впередъ, точно въ танцѣ, перебирая ногами. Оба уже задыхались и хрипѣли, широко открывъ рты.

Подъ пальцами у каждаго хрустѣло и трещало, словно рвали матерію. Нѣмецъ былъ уже совсѣмъ сизымъ, а у русскаго вылѣзъ на-сторону одинъ глазъ. Потомъ оба тяжело рухнули на землю. Хрипъ и хрустъ стали еще слышнѣе. Нѣмецъ дернулся ногами, согнулся въ дугу, какъ въ припадкѣ падучей. Кто то изъ нихъ коротко всхлипнулъ.

Я понесся дальше. Около одного куста стоялъ нѣмецкій пулеметъ: лицомъ къ землѣ лежалъ убитый нѣмецъ, сбоку валялась каска. Я запнулся о пулеметную ленту и упалъ. Какъ молнія, выскочили откуда-то нѣмцы и бросились на меня. Про-

изошла безобразная сцена. У обѣихъ сторонъ дѣйствовалъ только законъ самосохраненія...

Обезоруженный, я сидѣлъ на землѣ, поджимая ушибленную въ свалкѣ руку.

Тяжелый прикладъ занесся надъ моей головой.

— Er ist Offizier!.. — закричалъ кто то изъ нѣмцевъ. Бросившись ко мнѣ, онъ сорвалъ сѣрый погонъ, подъ которымъ блеснулъ золотой.

Другой нѣмецъ сорвалъ второй погонъ. Остальные стали срывать золоченыя пуговицы на шинели, забрали кокарду съ фуражки.

— Zum Andenken, — говорили они.

Распахнувши шинель, они оставили черныя пуговицы на кителѣ, но стянули съ него погоны. Сняли ремни отъ снаряженія, залѣзли въ карманы, осмотрѣли бумажникъ, кошелекъ; денегъ со мной не было, только въ кошелькѣ звенѣло нѣсколько мелочи; этого они не тронули.

Незамѣтно, какъ опытные воры, они вытащили изъ бокового кармана серебряный портсигаръ съ золотой монограммой — подарокъ сослуживцевъ. Исчезъ и носовой платокъ.

Первый моментъ я ничего не понималъ. Все скользило по поверхности, какъ вода по камню. Повертываясь подъ принудительными нѣмецкими лапами, я не думалъ ни о позорѣ сдачи, ни о славѣ быть взятымъ въ плѣнъ послѣднимъ. Но было что-то во внѣшней природѣ, что остановило мое вниманіе.

Этотъ лѣсокъ, это сѣрое небо, эти сумерки, черныя фигуры, выходившія отовсюду изъ перелѣсковъ, даже вотъ это чувство, заключенное въ границахъ моего тѣла, все это было мной уже видано и испытано. Но гдѣ и когда? Память сильно работала, воспоминанія шли въ глубь минувшаго по чуть замѣтнымъ слѣдамъ. А потомъ сразу все вспомнилось. За девять мѣсяцевъ до этого событія, въ ночь съ 1 на 2 февраля (я запомнилъ дату потому, что въ этотъ день покончилъ съ собой одинъ знакомый), я видѣлъ во снѣ эту деревню, лѣсъ, черныя фигуры и пережилъ все то, что пришлось пережить нѣсколько мгно-

веній тому назадъ. Отъ того, что я вспомнилъ это, мнѣ стало легче, я вернулся къ дѣйствительности.

Мнѣ захотѣлось увидѣть тѣло Гурчина и взять съ его руки обручальное кольцо, чтобы потомъ, при случаѣ, возвратить его женѣ.

Но я не зналъ языка. Когда-то, давно, я немного говорилъ по-нѣмецки, но это уже было утеряно.

Опять мучительно заработала голова. Воля напряглась до крайности и сгустилась, принявъ форму собственнаго моего тѣла. Отъ этого необычнаго усилія протянулись тоненькія ниточки между настоящимъ и прошлымъ. Его темная, однородная, неразличаемая масса вдругъ распалась на множество картинъ и образовъ. Потокъ жизни, несшійся до сихъ поръ въ одну сторону, заколебался, остановился и повернулъ вспять. Мелькнули недавнія событія, потомъ — болѣе раннія. Съ быстротой, изъ которой было исключено время, я приближался къ моему дѣтству. Одна картина въ немъ удержала мое вниманіе: я увидѣлъ свою гувернантку-нѣмку и рядомъ съ нею самого себя; мы идемъ по дорогѣ и говоримъ по-нѣмецки.

Я напрягъ все вниманіе, чтобы услышать нашъ разговоръ. И я услышалъ его. Онъ раздался внутри меня, — глухо, но ясно и отчетливо. И съ трудомъ вспоминая звуки забытаго языка, медленно произнося слова и не спуская глазъ ни съ гувернантки, ни съ самого себя, я заговорилъ по-нѣмецки. Нѣмцы обрадовались. Понявъ, въ чемъ дѣло, они повели меня по полю. По дорогѣ я встрѣтился съ Арцышевичемъ. Его вели два другихъ солдата съ той же цѣлью. Коротко было наше привѣтствіе: мы, молча, пожали другъ другу руку. Я былъ очень радъ, что онъ живъ, не раненъ. Оружіе и бинокль были у него уже отобраны, но черныхъ пуговицъ на шинели не тронули.

Вдвоемъ, подъ нѣмецкимъ конвоемъ, мы обошли поле боя. Много раненыхъ и убитыхъ. Около одной кучи камней мы нашли Гурчина. Онъ лежалъ лицомъ внизъ, на винтовкѣ, руки были раскинуты, огромная лужа крови застыла подъ нимъ. Мы указали нѣмцамъ на него. Одинъ изъ нихъ перевернулъ

Гурчина. Шинели на немъ уже не было; лицо стало синее, и тѣло начало уже коченѣть. Обручальное кольцо исчезло, китель былъ растегнутъ, всѣ карманы выворочены.

— Er ist tot — сказалъ нѣмецъ.

Мы сняли шапки и перекрестились. Пошли вдоль окоповъ. Тамъ оставались лишь убитые и раненые. Пожилой взводный, прижимая руку къ паху, со смертельной тоской, просилъ насъ прислать доктора.

Снаряды, попавшіе въ наши нехитрыя укрѣпленія, понадѣлали въ нихъ много желтыхъ воронокъ. Иногда изъ подъ сползшаго пласта торчала рука, иногда сапогъ; въ нѣкоторыхъ, на днѣ, проступала темная, густая кровь; около одной валялась чья-то папаха. Отъ нашего приближенія стала осыпаться стѣнка большой, крутой воронки. Мнѣ почудилось, что изъ земли лѣзутъ убитые. Внутри все дрогнуло и остановилось. Никогда безумье не подходило ко мнѣ такъ близко.

Одинъ изъ конвойныхъ спрыгнулъ въ яму, но въ ней ничего не оказалось. Какъ живой, сидѣлъ, прислонившись къ задней отлогости окопа, здоровый бородатый сибирякъ. Въ рукахъ онъ держалъ еще винтовку. Осколокъ снаряда снесъ ему верхнюю часть черепа и торчалъ изъ мозга короткимъ сѣрымъ кускомъ, съ неправильными зазубринами. Убитый недавно прибылъ въ полкъ, на пополненіе. Онъ былъ отцомъ пятерыхъ дѣтей и отличался сдержаннымъ и замкнутымъ характеромъ. За необычайную способность храпѣть солдаты прозвали его «храпоидоломъ» и жаловались, что около него нельзя спать — будитъ. Минувшей ночью онъ немало надѣлалъ мнѣ хлопотъ.

Невдалекѣ лежали рядомъ два убитыхъ друга - добровольца. Одинъ изъ нихъ только что кончилъ Инженерное Училище, другой былъ студентомъ Коммерческаго Института. Фамилій ихъ, къ сожалѣнію, не помню. Во время неудачнаго наступленія инженеръ былъ раненъ и остался лежать въ полѣ. Несмотря на огонь и на уговоры Арцышевича, коммерсантъ выскочилъ изъ окопа и отправился на поиски пріятеля. Тотъ лежалъ шагахъ въ 100 впереди. Студентъ взвалилъ своего дру-

га на плечи и потащилъ въ окопъ. На самомъ краю его оба были почти перерѣзаны пулеметнымъ огнемъ. Кровь, песокъ, внутренности — все смѣшалось вмѣстѣ.

Мы съ Арцышевичемъ, молча, стояли надъ тѣлами двухъ друзей. Въ томъ глубокомъ душевномъ смущеніи, когда, стремясь познать жизнь и увидѣть ея настоящее лицо, человѣкъ чувствуетъ ограниченность своего разума и обманчивость чувствъ, мнѣ неожиданно припомнились евангельскія слова:

— Никто больше сея любви не имать, да кто душу положитъ за други своя.

Въ томъ-же положеніи лежалъ мой бывшій сосѣдъ, унтеръ - офицеръ, убитый воздушной волной неразорвавшагося снаряда. Кровь перестала итти, лицо было тихое, покойное, какъ у спящаго.

Окопы были съ верхомъ полны тѣлами. Въ одномъ мѣстѣ со дна, черезъ неподвижную груду, пробивался стонъ.

При видѣ дѣйствія артиллерійскаго и пулеметнаго огня, наши конвоиры говорили: «kolossal».

По ту сторону окопа лежала небольшая фигурка. Когда мы поравнялись съ ней, она приподнялась. Вмѣсто лица было голое мясо. Кожи не было. Черепъ былъ на половину оскальпированъ; остатки волосъ висѣли слипшимися, черными лохмотьями. Несчастный оперся о землю темными отъ крови руками и завылъ: тихо, жалобно, невыносимо. Сердце надрывалось отъ этихъ звуковъ. У Арцышевича показались слезы. Побѣдители и побѣжденные остановились.

— Wie schrecklich!.. — сказалъ сильно поблѣднѣвшій нѣмецъ.

По голосу это была еще совсѣмъ молодая жизнь. Мнѣ вспомнился солдатикъ, просившій у меня покурить съ часъ тому назадъ.

Но узнать не было никакой возможности.

Все было изрыто снарядами. Повсюду кровь, шрапнельные стаканы, патронныя гильзы и человѣческія лохмотья. Мы прошли до конца нашихъ окоповъ и остановились здѣсь на минуту. Я бросилъ послѣдній взглядъ вокругъ.

Острымъ, рвущимъ клиномъ прошло черезъ душу сознаніе и моей собственной, невольной вины передъ тѣми, кто палъ здѣсь.

Обыкновенныя мысли отпали и унеслись, какъ дорожная пыль. Изъ глубины появились другія. Онѣ налились жизнью и правдой. Внутри, изъ конца въ конецъ сотрясая все тѣло, прокатилось

— « *Не убій !* . . »

И прежде, чѣмъ я могъ что нибудь понять, Арцышевичъ сталъ на колѣни, сдѣлалъ земной поклонъ и поцѣловалъ это мѣсто отчаянія и скорби.

ГЛАВА II.

Всѣхъ плѣнныхъ построили около дороги. Отъ нашей роты, которая выступила на позиціи въ составѣ 253 человѣкъ, уцѣлѣло человѣкъ 18. Одинъ изъ конвоировъ, по собственному побужденію, далъ мнѣ папиросу; я закурилъ ее съ жадностью, а половину отдалъ своему сосѣду — солдату.

Отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ мимо нѣмецкихъ частей иногда отрывались отдѣльныя лица и вмѣстѣ съ конвоирами дѣловито осматривали насъ. Если у кого были хорошіе сапоги, у того они снимались безъ всякихъ разговоровъ. Хорошо, если давалось при этомъ что нибудь взамѣнъ. Промедленіе или выраженіе неудовольствія вызывало угрозы; боясь быть заколотыми, наши покорно отдавали свои вещи. Тутъ же, у дороги, нѣмцы примѣряли сапоги. Ихъ офицеры не обращали на это вниманія, а одинъ изъ нихъ даже забралъ у меня послѣдній уцѣлѣвшій ремень отъ снаряженія. Вещевые мѣшки выворачивались наизнанку. Бѣлье, махорка, выданные передъ боемъ консервы — все быстро исчезало въ бездонныхъ нѣмецкихъ карманахъ. Стоявшій рядомъ солдатикъ вынулъ ножъ и разрѣзалъ сапогъ:

— Чтобы не польстились, — объяснилъ онъ.

Одному русскому нѣмецъ далъ взамѣнъ такіе узкіе башмаки, что тотъ не могъ ихъ надѣть и рѣшилъ итти босикомъ.

Отъ проѣзжавшей по близости тяжелой батареи отдѣлился нѣмецъ - солдатъ, здоровый рыжій парень на громадной лошади, и направился къ намъ. Упитанный, тупой, съ вечно-щатой мордой, въ сапожищахъ неимовѣрной крѣпости, онъ казался воплощеніемъ нѣмецкаго военнаго кулака.

Мы съ Арцышевичемъ вдругъ почувствовали, что вмѣстѣ съ всадникомъ къ намъ приближается большая опасность. Нѣмецъ ѣхалъ, какъ разъ на меня; его глаза съ бѣлыми рѣсницами не отрывались отъ моихъ. Не отдавая себѣ отчета, я ковыльнулъ въ сторону.

Передъ всадникомъ очутился Арцышевичъ. Нѣмецъ натянулъ поводъ и, раскачавъ ногу, нанесъ страшный ударъ Арцышевичу въ область сердца.

Отъ этого удара у того внутри что то коротко екнуло и рѣзко оборвалось. Арцышевичъ пошатнулся. У меня мелькнула мысль, что ему пришелъ конецъ. Но онъ только страшно поблѣднѣлъ и, качнувшись, все-таки остался на ногахъ.

На эту сцену смотрѣлъ мальчишка лѣтъ 12. Онъ улыбался, разинувъ отъ уха до уха темный, беззубый ротъ.

Ноги у него были совсѣмъ кривыя, въ видѣ сплюснутаго нуля; длинными, тонкими руками онъ придерживалъ на груди деревянный ящичекъ. Цвѣтъ лица мальчишки напоминалъ цвѣтъ жабьей спины, а вся фигура — тарантула. Это былъ служка пастора. Самъ же пасторъ ходилъ по полю и искалъ раненыхъ нѣмцевъ.

Отступи Арцышевичъ въ сторону, можетъ быть, ничего бы не случилось, можетъ быть, ударъ пришелся бы мнѣ. Но, вѣроятно, зная, что мнѣ сегодня уже досталось, и, не желая подвергать меня новой опасности, онъ не отступилъ передъ нѣмцемъ.

Вскорѣ, послѣ прибытія въ Германію, Арцышевичъ почувствовалъ сильныя боли въ сердцѣ, стала показываться кровь

горломъ, развилась нейрастенія. Докторъ нашелъ у него органическое страданіе сердца.

Намъ приказали построиться «zu vier Mann». Потомъ окружили со всѣхъ сторонъ конвоемъ. Раздалась рявкающая, похожая на собачій лай, нѣмецкая команда. Мы тронулись. Въ послѣдній разъ я оглянулся на поле, на окопы, на лежавшія повсюду тѣла.

Наступалъ вечеръ. Мы шли быстро и молча. Ко всѣмъ переживаніямъ дня прибавилось новое чувство неловкости и неудобства; сперва я не могъ сообразить, откуда оно взялось, пока не догадался, что это было сознаніе плѣна, сознаніе неволи.

По дорогѣ намъ попадалось много деревень. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ насъ останавливали на улицѣ; черезъ минуту открывались ворота въ какомъ нибудь дворѣ, и оттуда подъ конвоемъ показывались взятые раньше плѣнные.

Они шумно привѣтствовали насъ. Первымъ вопросомъ было:

— Когда взяты, земляки?

И, услышавъ, что совсѣмъ недавно, очень удивлялись. Среди присоединившихся къ намъ, одни попались еще наканунѣ, другіе — сегодня утромъ. Насъ же ругали дураками.

Второй вопросъ былъ:

— Какъ кормятъ нѣмцы?

Но на этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить: нѣмцы еще никого не накормили.

Плѣнъ дѣйствовалъ на людей по разному: были подавленные, были равнодушные. Въ тонѣ нѣкоторыхъ чувствовалась даже скорѣе радость, что война осталась позади.

— Въ Германіи люди живутъ получше нашего: страна культурная и чивилизованная, — говорилъ кто то въ темнотѣ.

Въ первый моментъ плѣна наши солдаты колебались, какъ держать себя съ офицерами — «по цивильности» или нѣтъ. Но, увидѣвъ, что сами нѣмцы дѣлаютъ различіе въ чинахъ, наши рѣшили сохранить прежнія отношенія.

Люди были всѣ голодны и, когда мы проходили черезъ деревни, наши солдаты, по старой привычкѣ, стали было захо-

дить въ избы. Сначала нѣмцы кричали; но для плѣнныхъ это было пипочемъ; тогда конвоиры пустили въ ходъ приклады.

Это очень удивило нашихъ солдатъ. Для нихъ выйти во время похода изъ рядовъ, заглянуть въ избу, натрясти яблокъ, забѣжать впередъ — было дѣломъ естественнымъ.

Въ германской арміи, гдѣ они думали найти больше свободы, дисциплина оказалась тверже, чѣмъ въ русской.

— Вотъ тебѣ и чивилизованная!.. — ворчалъ кто то изъ задѣтыхъ прикладомъ.

Я шелъ съ Арцышевичемъ впереди. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ мѣста боя, недавнія переживанія начали уступать мѣсто другимъ, болѣе обыкновеннымъ, житейскимъ; внутри все стало становиться на свое мѣсто. То, что не было больше опасности, не было слышно разрывовъ, пуль, стоновъ, понемногу возвращало прежнія формы и отношенія внѣшнему міру. Сознаніе, поднявшееся за этотъ день на самую высокую степень напряженія, рѣзкими толчками опускалось до прежняго уровня. Эти душевные толчки сопровождались необыкновеннымъ чувствомъ облегченія, почти блаженства.

Всякій, кто избѣжалъ смертельной опасности, знаетъ, о чемъ я говорю.

Затѣмъ, неожиданно, изъ всѣхъ перемѣшавшихся чувствъ, изъ которыхъ одни словно шли кверху, другіе книзу, сталкиваясь и исчезая раньше, чѣмъ ихъ можно было охватить сознаніемъ, выдѣлилось и стремительно стало наростать одно. Это былъ голодъ.

Онъ покрылъ собой все; онъ сдѣлался моимъ владыкой, тираномъ, а я — нѣмымъ его рабомъ. Я рылся въ карманахъ, но ничего не находилъ. Шедшій рядомъ со мной унтеръ - офицеръ открылъ случайно уцѣлѣвшую банку мясныхъ консервовъ. Я ѣлъ, запуская пальцы въ коробку и вытаскивая оттуда кусочки мяса. Трудно описать, какъ это было вкусно, а еще труднѣе — оторваться отъ такой благодати. Надо было оставить и другимъ. Послѣ такой закуски собачья ножка съ махоркой, предложенная тѣмъ же унтеръ - офицеромъ, довершила мое благополучіе.

Уже совсѣмъ темнымъ вечеромъ нашу колонну, достигавшую теперь, приблизительно, 200-300 человѣкъ, остановили посрединѣ одного посада, чтобы пропустить безконечную вереницу автомобилей.

На базарной площади ярко горѣлъ газо - калильный фонарь. Всѣ лавки и лавочки были освѣщены и торговали. Нѣсколько лабазовъ было открыто недалеко отъ насъ. Оттуда пахло свѣжевыпеченнымъ хлѣбомъ. У самаго ближняго ларя, опершись обѣими руками на прилавокъ, стояла молодая, здоровая торговка. У нея было румяное лицо, пышная грудь, черные волосы. Она разсказывала нѣмецкому кавалеристу про дорогу на какой то фольваркъ.

— Только берегитесь, тамъ совсѣмъ недавно была русская кавалерія, — предупредила она.

Темными, робкими фигурами показывалось вдали неторговое населеніе. Оно не смѣло приблизиться къ намъ: его, очевидно, запугали нѣмцы.

У костела, на одномъ изъ домовъ, медленно развѣвался флагъ — тамъ, вѣроятно, находилась квартира коменданта.

Изъ насъ никто даже крошкой не поживился въ этомъ посадѣ; за всякую попытку пройти за цѣпь конвойные нещадно били прикладами. Сами же торговцы дѣлали видъ, что не замѣчаютъ плѣнныхъ.

Постоявъ минутъ пять, мы двинулись снова. Остановка въ посадѣ плохо подѣйствовала на меня. Напряженіе двухъ дней, одеревенѣніе послѣ контузіи всей лѣвой половины тѣла, ушибленная рука, голодъ, жажда, — все это сложилось вмѣстѣ и сказалось непобѣдимымъ чувствомъ усталости, появилось желаніе покоя, во что бы то ни стало. Ноги шагали сами по себѣ, словно заведенныя, безъ всякаго участія воли и разсудка; все тѣло стало неудобное, тяжелое, какъ будто чужое.

Я нѣсколько разъ споткнулся. Замѣтивъ, что я слабо держусь, Арцышевичъ, самъ едва оправившійся послѣ удара, и еще кто то взяли меня подъ руки. Такъ мы шли молча, торопливо, съ одной мыслью объ отдыхѣ.

Среди насъ было нѣсколько раненыхъ. Обезсилѣвъ отъ

скорой ходьбы, они кончали тѣмъ, что падали на дорогѣ. А потомъ, когда вся колонна проходила впередъ, кто нибудь изъ заднихъ конвойныхъ отставалъ; слышался черезъ минуту выстрѣлъ, и коновойный снова возвращался на свое мѣсто.

Наконецъ, часовъ въ десять вечера, мы прибыли въ какое то большое мѣстечко. Насъ остановили на площади; посрединѣ горѣлъ высокій, сильный фонарь, поставленный, очевидно, нѣмцами. Здѣсь уже было много плѣнныхъ. Всѣ улицы были загорожены караулами, въ воротахъ домовъ тоже стояли часовые. Плѣннымъ не было куда дѣваться, и они оставались подъ открытымъ небомъ. Я присѣлъ на кучу бревенъ, недалеко отъ фонаря, надвинулъ фуражку, поднялъ воротникъ, засунулъ руки въ каманы и приготовился ждать, неизвѣстно чего.

Сначала прошелъ слухъ, что будутъ кормить; и, дѣйствительно, подъѣхала полевая кухня, но накормили не насъ, а нашихъ конвоировъ. Потомъ, черезъ солдата - латыша, кликнули кличъ собраться раненымъ гдѣ-то на площади, у костела. Нѣкоторые изъ раненыхъ не пошли.

— Видѣлъ я, какъ они лечатъ раненыхъ: одинъ патронъ, и все... — говорилъ молодымъ, срывающимся голосомъ солдатикъ съ обмотанной платкомъ рукой.

— Да и я подожду, пока мы къ нимъ подальше въ тылъ не заберемся; авось, тамъ подобрѣютъ. — Говорившій, спустивъ штаны, при свѣтѣ фонаря, дѣлалъ себѣ перевязку при помощи грязной тряпицы.

— Слава Богу, садануло то въ мякоть, кости не задѣло...

— Ѣсть то ужъ больно хочется, хоть бы маленькій кусочекъ хлѣба, — жаловался кто то въ темнотѣ.

— Попроси у нѣмца — онъ тебѣ дастъ, — отозвался холодный и жесткій голосъ.

— Дасть-то дастъ, — согласился голодный, — да только либо прикладомъ по башкѣ, либо штыкомъ въ брюхо!..

— Вначалѣ-то, какъ повели насъ, мой товарищъ въ хату хотѣлъ забѣжать — хлѣба попросить; а нѣмецъ на него —

«los, los»; ну, значитъ, русскій-то пальцемъ въ ротъ показываетъ:

— «Истъ, молъ, хочу».

А нѣмецъ какъ саданетъ его штыкомъ, такъ тотъ скрозь шею прошелъ, кровища хлынула. Упалъ, убитый, такъ на улицѣ и остался; а насъ дальше погнали... — разсказывалъ кто то.

Прошла минута молчанія.

— Надысь, мы были въ развѣдкѣ въ посадѣ, — нарушилъ чей то голосъ тишину, — такъ намъ одинъ торговецъ говорилъ: «чего вамъ, рєбята, воевать, сдавайтесь въ плѣнъ. Въ плѣну хорошо будетъ: у нѣмца законъ, порядокъ, чистота. Будете жить припѣваючи...»

— А ты повѣрилъ и сдался, — раздался снова жесткій голосъ.

— А развѣ я одинъ?!. — огрызнулся развѣдчикъ.

Фонарь, подвѣшенный къ желѣзной полосѣ, прибитой къ верхушкѣ телеграфнаго столба, громко шипѣлъ и качался отъ вѣтра. Отъ этого качанія наши тѣни то удлинялись, то укорачивались, прыгали вправо, влѣво, моментами исчезая, моментами заполняя всю площадь. Онѣ были похожи на уродливыхъ ночныхъ птицъ, вылетѣвшихъ изъ нѣдръ земли и въ испугѣ безшумно метавшихся по ея поверхности. Я дрожалъ отъ озноба, жался къ Арцышевичу и старался припомнить, гдѣ я встрѣтилъ слово — General - Musik - Director — и что оно означаетъ: директора консерваторіи или начальника нѣмецкихъ военныхъ капельмейстеровъ. На одинъ мигъ увидѣлъ мать. Припомнилось наше прощаніе. Когда я подошелъ къ ней въ послѣднее мгновеніе, она коснулась губами моего лба, и, положивъ мнѣ на плечи свои руки, съ минуту смотрѣла мнѣ въ глаза. Все было въ этомъ взглядѣ: звѣрь, у котораго берутъ дѣтеныша, нѣжная мать, христіанка...

Что ей было сказать мнѣ: «Береги себя и убивай другихъ», или: «не убивай никого...»? — не договаривая: «пусть ужъ лучше тебя убьютъ...». Что лучше и легче для матери: видѣть своего ребенка, зачатаго въ любви и рожденнаго съ

великой надеждой, убитымъ, или живымъ, но измазавшимся въ чужой крови?

Отъ непримиримыхъ противорѣчій ея лицо стянулось, стало суровымъ; чуть прыгали кончики губъ. А взглядъ былъ глубокій, какимъ смотритъ только любовь. Въ трепетномъ молчаніи она взывала ко мнѣ, къ моей совѣсти. И въ такомъ же молчаніи я отвѣтилъ ей, что сдѣлаю, какъ велитъ совѣсть. Она прочла отвѣтъ въ моихъ глазахъ и тихо, какъ опавшій лепестокъ, коснулась губами моей головы.

Незамѣтно она опустила въ карманъ шинели небольшое евангеліе. Читая его, передъ первымъ боемъ, я нашелъ слова, подчеркнутыя ею:

«Азъ есмь воскрешеніе и жизнь. Вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ»...

Мои воспоминанія неожиданно были прерваны Арцышевичемъ.

— Нѣтъ, такъ невозможно, — сказалъ онъ, — пойду посмотрю, нельзя-ли гдѣ переночевать. Онъ поднялся и ушелъ.

Разговоръ вокругъ затихалъ: холодъ ноябрьской ночи донималъ всѣхъ. Я впалъ въ забытье — мнѣ мерещились окопы, кровати съ холодными простынями, черные сухари и темныя, извилистыя дороги. Потомъ я почувствовалъ, что меня кто то тянетъ за рукавъ: это вернулся Арцышевичъ.

— Идемте, — сказалъ онъ.

Мы пошли черезъ площадь къ костелу и остановились у одного домика съ запертыми ставнями. У калитки нѣмецъ-часовой остановилъ насъ. Арцышевичъ что-то сказалъ ему, и мы вошли во дворъ, поднялись по небольшой лѣстницѣ, въ темнотѣ пощупали ручку и открыли дверь. Жестяная лампа съ рефлекторомъ освѣщала чистую, большую кухню. Мы вошли. Изъ сосѣдней комнаты показалась высокая женщина въ темномъ платьѣ.

— Вы уже съ товарищемъ? — спросила она. — Хорошо, я вамъ уступлю большую кровать. Вы можете спать на ней вдвоемъ. Но больше я уже никого не могу принять.

Она провела насъ въ опрятную, нетопленую спальню и по-

казала на широкую никелированную кровать, застланную голубымъ атласнымъ одѣяломъ.

— Вотъ вамъ, — сказала хозяйка и ушла.

Немного подальше, у печки, стояли еще двѣ кровати, поменьше. На нихъ, къ моему удивленію, лежали офицеры нашего полка. Увидѣвъ насъ, они тоже удивились. Поднялся разговоръ: кто, когда, гдѣ... Они намъ сообщили, что по всей II арміи былъ отданъ приказъ — начать отступленіе въ 10 часовъ утра. Приказъ этотъ и былъ исполненъ точно. Въ отвѣтъ на это, Арцышевичъ могъ имъ сообщить противоположное — «держаться до послѣдней капли крови, приказа объ отступленіи не ожидать». Они подивились.

Въ спальню во время нашего разговора вошли хозяйка и нѣмецкій унтеръ - офицеръ.

— Господа, — сказала она, — мнѣ разрѣшили пріютить васъ; но, если кто нибудь изъ васъ убѣжитъ, меня разстрѣляютъ.

Послѣ этого унтеръ - офицеръ пересчиталъ насъ, записалъ число на бумажкѣ и, пожелавъ «Gute Nacht», ушелъ.

А мы разговорились съ хозяйкой: она оказалась вдовой лютеранскаго пастора и много говорила о своей привязанности къ Россіи, жалуясь, что мѣстное населеніе считаетъ ее шпіонкой и относится очень недружелюбно. Пожелавъ спокойной ночи, она ушла къ себѣ. Отъ возбужденія мы долго не спали.

Дрожиловскій, молодой прапоршикъ, разсказывалъ, какъ во время перебѣжки его ближайшій сосѣдъ - солдатъ вдругъ закричалъ: «Ваше Благородіе, я — убитъ!..» и вслѣдъ за этими словами крикнувшій упалъ, и на немъ сначала задымился, а потомъ и загорѣлся синимъ огонькомъ вещевой мѣшокъ. Описывая это событіе, Дрожиловскій волновался, путалъ слова, часто ихъ не находилъ, изъ глаголовъ дѣлалъ существительныя, а существительныя спрягалъ и иногда, размахивая руками, задѣвалъ спинку желѣзной кровати; неожиданный гулъ заставлялъ насъ всѣхъ вздрагивать, а самого разсказчика пугливо подпрыгивать.

Штейнбергъ, длинный, рыжій пулеметный прапорщикъ, сообщилъ, что, получивъ приказаніе отступать, онъ долженъ былъ тащить пулеметы по вспаханной землѣ. Въ этотъ моментъ и онъ и пулеметы были захвачены нѣмцами. Дрожиловскій и Штейнбергъ оба заплатили дань нѣмецкому «zum Andenken». У Дрожиловскаго, кромѣ пуговицъ и погонъ, забрали также роскошную, пушистую папаху — самую лучшую, кажется, во всемъ полку. Но обобравшій его нѣмецъ былъ человѣкъ совѣстливый: онъ не пожелалъ оставить бывшаго владѣльца папахи съ непокрытой головой и нахлобучилъ ему на голову фуражку, сорванную съ ближайшаго русскаго солдата. Дрожиловскій подробно разсказывалъ, гдѣ стоялъ онъ, гдѣ нѣмецъ, гдѣ русскій солдатъ, и примѣривалъ громадную, какъ колесо, фуражку: она налѣзала ему на носъ и дѣлала очень смѣшнымъ. Огарокъ свѣчи пришелъ къ концу: кто то дунулъ на него; стало темно. Я лежалъ на кровати и перебиралъ въ памяти событія прошедшаго дня, чувствуя, какъ за моей спиной не спитъ Арпышевичъ.

До сихъ поръ я все еще не освоился съ положеніемъ военно - плѣннаго и не понималъ, что оно можетъ дать и чего потребовать. Потомъ чувство раздраженія стало постепенно охватывать меня. О самомъ плѣнѣ ничего еще нельзя было сказать, но что его можно было избѣжать — я въ этомъ былъ глубоко увѣренъ. Если бы до насъ, какъ до всѣхъ, дошелъ приказъ начать отступленіе въ 10 часовъ утра, мы сдѣлали бы это, потерявъ не 200 съ лишнимъ человѣкъ, а разъ въ 10 меньше.

Вскорѣ я заснулъ.

Ночью нѣсколько разъ приходилъ нѣмецъ съ фонарикомъ и всякій разъ пересчитывалъ насъ. Утромъ хозяйка дала намъ холодной воды и твердаго, какъ камень, хлѣба. Мы выпили воды, погрызли хлѣба и, поблагодаривъ за ночлегъ, вышли на площадь. Нашихъ плѣнныхъ тамъ было около 2000 человѣкъ.

Было прохладно, но сухо; проглядывало солнце. Солдаты провели всю ночь на площади. Чтобы согрѣться хоть немного и поспать, они ложились одинъ на другого, какъ дрова.

Около дома съ германскимъ флагомъ ходилъ сильно задумавшійся майоръ. Онъ не обращалъ на насъ никакого вниманія.

— Не охота, видно, на фронтъ итти.. — сказалъ кто то про него.

Тутъ же съ растеряннымъ видомъ бѣгалъ среди плѣнныхъ нѣмецкій солдатъ.

Вчера, во время дороги, почти всѣ наши конвоиры поснимали съ себя ранцы и понадѣвали ихъ на плѣнныхъ. По прибытіи на мѣсто, оказалось, что одного ранца не хватаетъ. Владѣлецъ долго, но безъ успѣха, искалъ его еще вчера вечеромъ. И теперь онъ метался среди плѣнныхъ, всматриваясь въ лица. Но лица были одинаково небриты, немыты и, вѣроятно, нѣмецкому глазу казались очень похожими одно на другое. Онъ хватался то за одного плѣннаго, то за другого, всматривался, бросалъ и бѣжалъ къ слѣдующему. Нѣмцы съ сожалѣніемъ посматривали на своего камрада и что то говорили о «Kriegsgericht».

Плѣнные смѣялись.

— Надо полагать, бросилъ нашъ-то евонный ранецъ, — догадывался высокій, здоровый солдатъ, — тоже сласти то нѣтъ нести. Пуда 2½ въ немъ, если не больше. Какъ мой нѣмецъ навьючилъ эту штуку на меня, такъ я думалъ въ землю вросту, инда шатался, пока не разошелся. Спасибо, что хоть накормилъ за это, да спать въ хату отвелъ.

— Штука эта ихняя агромадная, — согласился маленькій, бѣленькій солдатикъ, — нашъ не сдюжитъ столько стащить. Глядикось, винтовка, отдѣльно штыкъ съ чехломъ, два патронташа полные, сумка съ патронами, фляга съ водой, да еще этотъ горбъ ихній. У насъ то все полегше было.

— А я на ихъ мѣстѣ побросалъ бы все, да ходилъ бы на легкѣ, — сказалъ какой то солдатъ, походившій на фабричнаго.

— Шалишь - мамонишь, — отвѣтилъ высокій: — у нихъ, надо полагать, все по счету выдается, а потерялъ — отвѣчай.

— Онъ то вотъ изъ Восточной Пруссіи налегкѣ подъ Варшаву заявился, а какъ понадобилась лопата, такъ у какого то пана деревянную стянулъ, что хлѣбъ въ печь сажаютъ, да такъ и ходилъ съ ней, — разсказалъ про фабричнаго однополчанинъ.

— Выходитъ, что какъ бы на лопатѣ въ плѣнъ попалъ, землякъ, — замѣтилъ степенный бородачъ, похожій на церковнаго старосту. Всѣ засмѣялись.

Этотъ разговоръ напомнилъ мнѣ, какъ мы съ Арцышевичемъ незадолго до боя видѣли въ одной деревнѣ солдата съ винтовкой черезъ плечо, съ большимъ эмалированнымъ кувшиномъ для умыванія на поясѣ и несуразной хлѣбной лопатой въ рукахъ. На вопросъ Арцышевича, — откуда кувшинъ и лопата? — солдатъ безъ запинки отвѣтилъ:

— Такъ что покупилъ, Ваше Благородіе...

Нѣмцы зарявкали, плѣнные пришли въ движеніе. Когда мы выстроились, наши конвоиры снова одѣли на плѣнныхъ свои ранцы, заключивъ на этотъ разъ съ ними какую то сдѣлку, гдѣ былъ помянутъ «Brot». Офицеровъ построили впереди колонны. Мы тронулись.

Жители смотрѣли на насъ изъ оконъ; нѣкоторые повыходили за ворота и, молча, провожали насъ глазами. Многія женщины плакали.

Вздохнулось легче, когда мы вышли, наконецъ, за окслицу. По дорогѣ, навстрѣчу намъ, двигались нѣмецкіе обозы; лошади были кряжистыя, здоровенныя, впору хоть самому Святогору; повозки — циклопической прочности. Разстояніе между колесами и ширина шинъ нѣмецкихъ повозокъ были больше мѣстныхъ. Поэтому, гдѣ проходили нѣмецкіе обозы, они должны были однимъ колесомъ выходить за старую колею и проводили сбоку третью. Обозные, завернувшись въ бѣлые тулупы, молча сидѣли на козлахъ и сосали громадныя фарфоровыя трубки. Къ намъ они не выражали никакихъ особенныхъ чувствъ. Провозили много снарядовъ въ плетеныхъ ивовыхъ корзинахъ; складные, желѣзные наблюдательные артиллерійскіе пункты; были также тяжелые, заваленные посылками, почтовые рыдваны съ надписью на боковыхъ дверяхъ — «Kaiserliche und Koenigliche Post».

Мы остановились на четверть часа въ полѣ.

Было уже около полудня, когда плѣнные и конвой усѣлись по обочинамъ дороги. Нѣмецъ, шедшій около насъ, вы-

нулъ ножъ, досталъ изъ сумки хлѣбъ, отрѣзалъ два большихъ куска, намазалъ ихъ топленымъ саломъ; потомъ одинъ взялъ себѣ, а другой протянулъ плѣнному, который несъ его ранецъ. Голодный русскій и глазами и зубами впился въ кусокъ.

— Не ожидалъ поди, землякъ, что нѣмецкимъ халуемъ станешь?!. — враждебно сказалъ одинъ изъ его сосѣдей.

— Небось, завидно самому, что нечего на зубъ положить! — нашелся неожиданно взъерошенный защитникъ, — такъ и лаешься...

— Не съ тобой говорятъ, — отвѣчалъ первый, — ну и не лѣзь!..

— Не лѣзь, не лѣзь!.. — передразнилъ его второй, — дать бы тебѣ самому въ морду, чтобы отсталъ...

Но ѣвшій ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ осторожно подносилъ хлѣбъ ко рту обѣими руками и откусывалъ сразу по-многу. Бѣлые, здоровые зубы чертили правильный овалъ на остававшейся долѣ; челюсти приходили въ движеніе: онѣ со страшной силой смыкались и размыкались, разрывая и перетирая пищу.

Я самъ засмотрѣлся на эту картину, чувствуя, какъ во рту собирается слюна.

Отдохнувъ, мы двинулись снова. Въ какой то деревнѣ одинъ изъ плѣнныхъ, не обращая вниманія на крики, свистки и другія предупрежденія, направился къ хатѣ. Нѣмецъ со штыкомъ на перевѣсъ бросился за нимъ. Почуявъ погоню, плѣнный остановился и, въ отвѣтъ на угрозу штыкомъ, замахнулся жестянымъ чайникомъ; оба кричали и оба не понимали другъ друга. Ворча, каждый вернулся на свое мѣсто.

Всѣ мы были голодны. Но въ деревняхъ, гдѣ можно было хоть что нибудь достать, мы почти не останавливались и, кромѣ того, конвоиры отгоняли прикладами жителей, подходившихъ къ намъ съ хлѣбомъ и водой.

Въ одномъ изъ посадовъ, гдѣ мы остановились на нѣсколько минутъ, пропуская артиллерію, одной молодой еврейской дѣвушкѣ все-таки удалось подойти къ намъ побли-

же. Она глядѣла на плѣнныхъ и плакала; одному она дала большой бѣлый хлѣбъ, другимъ немного денегъ.

— Я люблю Россію, я люблю русскихъ, и мнѣ тяжело видѣть ихъ въ такомъ положеніи, — говорила она. У нея были скорбные, темные глаза; они говорили то же, что и ея слова.

Когда мы пошли опять, она отошла въ сторонку и провожала глазами нашу длинную, съ версту, колонну.

Я нѣсколько разъ обернулся посмотрѣть на нее; у меня надолго осталась въ памяти тонкая фигурка съ накинутой на плечи шубкой и блестѣвшими отъ слезъ глазами.

Когда же пришла минута дѣлить хлѣбъ, поднялось волненіе.

— Она его мнѣ дала, шабашъ, — заявилъ плѣнный, держа хлѣбъ за пазухой.

— Не одному тебѣ, — уговаривали его сосѣди, — не ты одинъ голоденъ.

— Дѣлиться то резону нѣтъ — посмотрика-сь, сколько тутъ насъ; самому то тогда ничего не достанется! — Но онъ все-таки подѣлился, забравъ себѣ часть побольше.

На закатѣ солнца мы прибыли въ какой то посадъ. На площади стояло уже тысячи полторы военноплѣнныхъ, взятыхъ, очевидно, на другомъ участкѣ. Со всѣхъ сторонъ насъ окружили ландштурмомъ; онъ состоялъ изъ людей болѣе пожилого возраста, чѣмъ конвой. На головахъ у нихъ были неуклюжія, клеенчатыя фуражки; большіе, рыхлые животы стягивались ремнями; на пряжкѣ было выбито: «Gott mit uns». По всей площади носился запахъ сигаръ и пива. Мы лѣниво и устало бродили среди цѣлой чащи штыковъ.

Черезъ минуту послышалась команда: «Офицеровъ на середину!» — пошли туда. Тамъ, у гранитнаго подножія креста, стоялъ нѣмецкій генералъ. Взгляувъ на эту фигуру, я обмеръ: мнѣ почудилось, что передо мною самъ богъ войны въ каскѣ, съ усами кверху, въ свѣтлой шинели съ красными отворотами, со шпорами на необыкновенныхъ ботфортахъ.

Около генерала, засунувъ руки въ карманы, уныло сто-

ялъ прапорщикъ Штейнбергъ. Офицеровъ собралось около восьми - десяти человѣкъ, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ своего положенія.

Обратясь къ Штейнбергу, генералъ началъ говорить, медленно чеканя каждое слово.

— Господа, — объявилъ Штейнбергъ, — генералъ заявляетъ, что мы являемся заложниками: если наши солдаты сдѣлаютъ какой нибудь безпорядокъ, то въ первую голову будутъ разстрѣляны офицеры.

Скажите этому чучелу, — сказалъ одинъ изъ заложниковъ, — что мы не ѣли три дня.

— Всѣ офицеры будутъ собраны вмѣстѣ, — сказало его Грозное Превосходительство, — и они смогутъ купить себѣ поѣсть. Это разрѣшается.

— Ваше Благородіе, — запищалъ кто то около меня, — скажите генералу, что у меня сапоги нѣмцы взяли, что я босой иду.

Штейнбергъ перевелъ.

Генералъ покраснѣлъ, блеснули молніи, загремѣлъ громъ:

— Нѣмецкій солдатъ не крадетъ, — было намъ откровеніе во грозѣ и бурѣ: — Пусть выйдутъ впередъ тѣ, кто жалуются. Мародеры будутъ наказаны, виновные въ невѣрной жалобѣ будутъ разстрѣляны.

— У нихъ меньше наказанія нѣтъ, — пробормоталъ сзади меня Дрожиловскій.

На генеральское приглашеніе дружно выступило человѣкъ 80. Грозно глянулъ на нихъ генералъ, но, увидѣвъ одного босикомъ, а другихъ въ типичныхъ нѣмецкихъ сапогахъ, ничего не сказалъ и сейчасъ же скрылся. Были ли наказаны мародеры, неизвѣстно, но никто обратно своихъ сапогъ не получилъ, и что сталось съ разутымъ плѣннымъ — я не могъ узнать.

Благодаря переговорамъ Штейнберга, насъ перевели въ одинъ изъ домовъ на площади и помѣстили въ билліардной комнатѣ мѣстнаго ресторанчика. Въ корридорѣ поставили часового, подъ окномъ тоже. Старшій въ караулѣ пересчиталъ насъ и записалъ число къ себѣ въ книжечку. Черезъ четверть часа къ

намъ привели еще трехъ офицеровъ; двое изъ нихъ были ранены — одинъ въ правую руку, другой въ лѣвую; но оба сравнительно легко, безъ поврежденія кости.

Начались хлопоты о пищѣ. Хозяинъ ресторана отнесся къ намъ съ симпатіей и объявилъ, что можетъ намъ дать кое чего поѣсть за самую умѣренную плату. Но нѣкоторые изъ насъ ничего не имѣли; имущіе рѣшили подѣлиться съ неимущими. Штейнберга во время переговоровъ вызвали въ качествѣ переводчика къ нашимъ солдатамъ, оставшимся на площади. Распорядителемъ у насъ сдѣлался одинъ изъ вновь прибывшихъ, капитанъ Добротворскій. Онъ вступилъ въ длинные переговоры съ хозяиномъ ресторана, что и какъ приготовить, кто за кого платитъ; по пути разсказалъ, что самъ онъ дважды раненъ — на этой войнѣ и на японской — и что только чудомъ ему удалось избѣжать ампутаціи обѣихъ ногъ. Словомъ, черезъ пять минутъ хозяинъ зналъ всѣ главнѣйшія событія изъ жизни капитана.

Намъ скоро принесли заказанную ѣду. Да, сидѣть въ теплѣ, ѣсть горячую колбасу съ капустой, картофель съ поджаренымъ саломъ, пить чай съ сахаромъ и лимономъ — это было чудесно! Но мелькала мысль, что дѣлаютъ теперь наши солдаты. На это отвѣтилъ Штейнбергъ, пришедшій къ самому концу ужина; онъ сообщилъ, что плѣнныхъ размѣстили гдѣ то у стоговъ соломы, но ѣсть имъ ничего не дали.

Спали мы крѣпко. Утромъ насъ разбудили рано и вывели на площадь. Тамъ уже были наши солдаты. Раздалась снова лающая, сдѣлавшаяся ненавистной, команда; сѣрая масса заколыхалась, прійдя въ движеніе, и образовала длинную колону по 4 человѣка въ рядъ.

Какой то сострадательный полякъ подошелъ ближе и, черезъ голову конвойныхъ, бросилъ длинный бѣлый хлѣбъ. Его налету поймалъ весь заросшій щетиной, сухо кашлявшій солдатъ; почти въ тотъ же моментъ въ хлѣбъ вцѣпились пальцы его сосѣдей. Каждый тянулъ хлѣбъ къ себѣ. Раскрылись рты, посыпалась ужасная ругань. Полякъ отъ страха убѣжалъ. Конвойные съ любопытствомъ смотрѣли на эту свалку. Они ничего не понимали, но нѣкоторыя слова поражали ихъ своимъ то-

номъ, и они машинально начали повторять ихъ. Это были самыя низкія, самыя подлыя слова. И наши солдаты, слыша, какъ старательно нѣмцы повторяютъ русскую ругань, разсмѣялись. Они забыли на минуту голодъ, забыли все и смѣялись, какъ дѣти.

При этой картинѣ мнѣ вспомнился одинъ знакомый монашекъ. Онъ безпредѣльно страдалъ отъ нашей ругани и утверждалъ, что за нее русскій народъ долженъ претерпѣть семь жупеловъ: татарскій, нѣмскій, какъ онъ выразился, еврейскій, и ужъ не помню остальныхъ.

Мы двинулись. Капитанъ Добротворскій, взявъ Штейнберга, какъ переводчика, говорилъ съ начальникомъ конвоя — нескладнымъ лейтенантомъ, чернымъ, какъ галка, и похожимъ на молодого раввина. Капитанъ показывалъ руку и просилъ, чтобы его посадили на повозку. Лейтенантъ отказывалъ, Добротворскій настаивалъ, Штейнбергъ переводилъ. Въ концѣ концовъ пришлось Добротворскому идти все-таки пѣшкомъ.

И такъ мы шли нѣсколько дней съ утра до самой ночи. За все время нѣмцы ни разу не накормили плѣнныхъ. Только въ одномъ мѣстечкѣ, при свѣтѣ факеловъ, они выдали каждому изъ насъ по мѣшочку съ бисквитами; бисквиты были бѣлые и походили и видомъ и вкусомъ на вяземскіе пряники; ихъ было въ мѣшечкѣ всего 15-20 штукъ. Что это значило для безумно - голодныхъ людей?! Какой то солдатъ, получивъ мѣшочекъ, вернулся и снова сталъ въ очередь; одинъ изъ конвоировъ замѣтилъ это и вышибъ его изъ очереди ударомъ штыка. Штыкъ прошелъ наискось изъ бока въ бокъ. Солдатъ хотѣлъ что то крикнуть, открылъ ротъ, но, вмѣсто голоса, фонтаномъ хлынула кровь. Плѣнный свалился, подергалъ ногами и вытянулся. Ближайшіе сосѣди пугливо смотрѣли на убитаго и на убійцу.

Солдаты стали задумываться. Все, что они видѣли въ плѣну, было далеко не такимъ, какъ они себѣ представляли: вмѣсто безконечной кормежки и обращенія на «вы», они видѣли суровое и безпощадное къ себѣ отношеніе. Такимъ пре-

краснымъ казался теперь русскій борщъ, гречневая каша, черный хлѣбъ.

— Ужъ больше въ плѣнъ не попадусь, — говорилъ прикащичьяго типа солдатъ, — чудесъ-то намъ про плѣнъ много наплели. Салфетка каждому будетъ и приборъ отдѣльный...

— Кто это тебѣ вралъ то? — съ неожиданной злобой перебилъ его мужиченко съ рѣдкой бородой. — Такого бы сомустителя приколоть бы съ тобой вмѣстѣ, чтобы народъ не булгачили...

— Что ты, дядя, на меня то взъѣлся, — спокойно отозвался первый: — вѣдь, это нѣмцы фифишки всюду разбрасывали, — чего тамъ не было написано!

— Были и изъ насъ, которые говорили — сдавайся нѣмцу! — угрюмо замѣтилъ высокій плѣнный съ запавшими глазами.

— Были, вѣрное слово, были!.. — раздался звонкій голосъ позади, — еще такъ совѣтывали: перебейте сначала офицеровъ, а потомъ и къ нѣмцамъ.

Въ эти непередаваемыя и незабываемыя минуты униженія и голода, польскій народъ выходилъ намъ навстрѣчу — мужчины приносили хлѣба и сала, прося распредѣлить все это между ранеными и особенно ослабѣвшими; женщины поили чаемъ, молокомъ, давали раненымъ на перевязки чистыя тряпки; словомъ, населеніе дѣлилось всѣмъ, чѣмъ могло, отъ своего небольшого достатка.

— Пріятный народъ паны, — замѣтилъ кто то сзади послѣ одной остановки въ деревнѣ..

— Хозяева они тоже хорошіе, хлѣба и картошки у каждаго есть, — добавилъ другой.

При словѣ картошка, мнѣ вспомнилась небольшая исторія. Случилась она, когда мы еще стояли подъ Варшавой. Одинъ разъ утромъ вдова, у которой мы жили съ Гурчинымъ, пришла, когда мы пили чай, и, какъ подкошенная, повалилась ему въ ноги. Мы подняли ее и стали разспрашивать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что у нея неподалеку отъ избы было спрятано на зиму около 20 пудовъ картофеля. Въ какіе нибудь два-

три дня наши солдаты растащили все. Этотъ запасъ былъ единственнымъ достояніемъ вдовы. Гурчинъ заплатилъ за картофель изъ собственыхъ денегъ, но онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ это дѣлалось, такъ какъ въ то же время солдаты не съѣдали всего, что имъ готовилось; остатки пищи раздавались жителямъ или же, если дѣло было въ полѣ, просто выбрасывались. Мы сами очень часто брали обѣдъ и ужинъ изъ общаго котла, предпочитая солдатскій борщъ неумѣлой стряпнѣ нашихъ деньщиковъ.

Мы приближались уже къ границѣ, когда намъ попался навстрѣчу кавалерійскій отрядъ. Плотные нѣмцы на такихъ же лошадяхъ съ холоднымъ любопытствомъ разглядывали насъ.

— Куда? — спросилъ одинъ кавалеристъ у конвоировъ.

— «Nach Berlin...», — отвѣтилъ кто-то изъ нихъ, намекая этимъ на всѣмъ извѣстную фразу генерала Ренненкампфа: «пусть мнѣ отрубятъ правую руку, если черезъ полгода мы не будемъ въ Берлинѣ».

Нѣмцы засмѣялись.

ГЛАВА III.

И вотъ однажды утромъ мы перешли границу. Милыя польскія хаты подъ соломой замѣнились бѣлыми домами подъ красной черепицей. При нашемъ появленіи нѣмцы выбѣгали посмотрѣть на плѣнныхъ, а какой то учитель вывелъ даже свою школу. Намъ вслѣдъ кричали, плевали и пѣли: «Deutschland, Deutschland uber alles...»

Мы спрашивали конвоировъ, куда они насъ ведутъ, и скоро ли будетъ конецъ нашему пути. Но они сами ничего не знали: ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы сдать всѣхъ плѣнныхъ коменданту какой то желѣзно - дорожной станціи, и уже тотъ долженъ былъ насъ направить куда то дальше. Для плѣнныхъ, по словамъ конвоировъ, въ Германіи были устроены

особые лагери; тамъ они спокойно и съ удобствомъ смогутъ ожидать конца войны. Послѣдній былъ не за-горами. Черезъ двѣ недѣли они возьмутъ Варшаву, имъ предложатъ за это миръ, и къ Рождеству побѣдителями они вернутся домой. Никакихъ сомнѣній у нихъ не было. Были зато они у насъ. Что нѣмцамъ Варшавы такъ быстро не взять, мы были глубоко въ этомъ убѣждены.

Снѣгъ падалъ и таялъ; въ лицо дулъ сырой, пронзительный вѣтеръ; было грязно, тоскливо, голодно.

Въ первый же вечеръ нашего пребыванія на нѣмецкой землѣ, мы попали въ вѣдѣніе непомѣрно свирѣпаго начальника ландштурма. Окруживъ насъ кольцомъ и продержавъ на одномъ мѣстѣ съ полчаса, онъ рѣшилъ перевести насъ на другое мѣсто. Но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать. Насъ просто погнали, какъ овечье стадо, подбодряя прикладами отстававшихъ и непонимавшихъ команды. Тысячной толпой мы шли вразбродъ, безъ дороги, черезъ поля и канавы, не зная, чего отъ насъ хотятъ и куда ѣдутъ. Остановились мы посреди вспаханнаго поля, вблизи соломеннаго скирда. Черезъ четверть часа насъ опять погнали на новое мѣсто.

Удивленный этими передвиженіями, прапорщикъ Немечекъ, чехъ по происхожденію, прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, спросилъ начальника ландштурма, что означаютъ эти переходы. Тотъ откровенно отвѣтилъ чеху, что не находитъ для русскихъ свиней подходящаго мѣста. Первое было слишкомъ близко отъ жилья честныхъ нѣмцевъ; второе — отъ соломы: ее могли растащить плѣнные.

И въ холодную ноябрьскую ночь мы спали на недавно унавоженномъ полѣ, тѣснѣе прижавшись другъ къ другу. Падавшій снѣгъ таялъ на лицѣ, забирался за шиворотъ и въ уши, ледяной струйкой стекалъ по спинѣ и груди; но не было мужества вынуть руки изъ кармановъ и вытереть лицо. Всю ночь слышался долгій, упорный кашель. Ужасная была эта ночь.

На другомъ ночлегѣ офицеровъ разбили на небольшія группы, по 3-4 человѣка, и развели по домамъ мѣстныхъ жи-

телей. Хозяинъ дома, куда попалъ я, оказался полякомъ. Но онъ боялся говорить громко по-польски, и мы съ нимъ бесѣдовали вполголоса, украдкой, прислушиваясь къ шагамъ часового въ корридорѣ. Хозяинъ разсказалъ, что жителямъ, подъ угрозой большого штрафа, запрещалось кормить плѣнныхъ.

Все-таки, онъ купилъ въ ближайшей лавочкѣ нѣсколько плитокъ шоколада, какъ будто для себя, и сварилъ намъ горшокъ картофеля. Сѣли за столъ; когда шаги часового приближались, мы разлетались отъ стола, какъ испуганные воробьи; наше мѣсто занимали хозяинъ съ сыномъ. Часовой входилъ, бросалъ взглядъ на насъ, заглядывалъ даже въ горшокъ и уходилъ, ничего не сказавъ. Мы снова собирались и принимались за ѣду.

Наконецъ, часовъ въ 12 дня, мы пришли въ Стржалково — небольшой городокъ, недалеко отъ Познани. Тутъ насъ должны были посадить въ поѣздъ и направить вглубь Германіи. Прежде, чѣмъ мы попали на вокзалъ, насъ продержали часа два на площади, на краю города. Солдаты наши думали, что тутъ будетъ, наконецъ, кормежка; но вмѣсто кухонь явилось множество нѣмцевъ и нѣмокъ. Защелкали фотографическіе аппараты; предложили составить живописную группу изъ пулеметовъ, солдатъ и офицеровъ. Офицеры отказались. Солдаты же, надѣясь, что ихъ покормятъ послѣ съемки, позволили себя снять; отвязавши котелки отъ поясовъ, они долго потомъ ходили по пятамъ фотографовъ. Но тѣ уже не обращали на нихъ никакого вниманія.

Къ офицерамъ приставали дать что нибудь «zum Andenken». Было смѣшно, когда массивные нѣмцы и нѣмки гонялись за тѣми, у кого еще чудомъ сохранились кокарда, путовица или ремень. Но больше всего имѣла успѣха папаха, — молодой сибирскій офицеръ, сохранившій ее благодаря тому, что въ затруднительные моменты снималъ и пряталъ ее подъ шинель, подвергался особенно нападеніямъ со стороны нѣмокъ. Одна даже принесла большой бѣлый хлѣбъ въ обмѣнъ на папаху. Но, какъ ни былъ голоденъ поручикъ, — папахи онъ все-таки не отдалъ.

Несмотря на то, что большой госпиталь выходилъ на эту площадь, никто изъ нашихъ раненыхъ не былъ ни перевязанъ, ни осмотрѣнъ. Капитанъ Добротворскій даже разорвалъ рукавъ шинели и показывалъ руку нѣмцамъ и нѣмкамъ съ красными крестиками. Онъ тыкалъ здоровой рукой сначала въ себя, а потомъ въ направленіи госпиталя, затѣмъ показывалъ два пальца, стригъ ими воздухъ и говорилъ: «Цвей малъ — Япанише Кригъ удъ Варсовише Кригъ». — При этомъ капитанъ улыбался настолько пріятно, насколько это было возможно. Но нѣмцы и нѣмки только таращили на него глаза. А одна женщина, внимательно выслушавъ Добротворскаго, показала на него своей знакомой и повертѣла пальцемъ около лба.

Насъ повели къ желѣзной дорогѣ. Надо было пройти черезъ весь городокъ. Встрѣча была обычная — дѣти показывали языки, женщины плевались, а одну изъ нихъ конвойный оттолкнулъ ружьемъ — она непремѣнно хотѣла вцѣпиться въ кого нибудь изъ плѣнныхъ. Надъ всей колонной стоялъ своеобразный сухой непрерывающійся трескъ — всѣ кашляли, на разные тона и голоса. Одни хватались за грудь, другіе за бока; нѣкоторые, втянувъ голову въ плечи, старались удержать острый, дерущій приступъ. Лица были темныя, щетинистыя, страшно опавшія, шинели у всѣхъ стали черными отъ грязи и навоза. Никто не обращалъ уже на себя вниманія. Фуражки были надѣты, какъ попало: у однихъ козырекъ былъ на затылкѣ, у другихъ на боку, а у кого и просто отсутствовалъ — его отрывали, чтобы во время сна онъ не холодилъ лица.

Никто не говорилъ, всѣ ослабѣли. Это былъ шестой день плѣна, и за все время нѣмцы дали только по мѣшочку бисквитовъ.

Офицерамъ во время пути еще дѣлали поблажки, но и они были изнурены. А плѣнные солдаты за эти шесть дней ни разу не ночевали въ тепломъ помѣщеніи. Въ ихъ тысячной массѣ не было ни одного, кто говорилъ бы по-нѣмецки. Кто могъ стать ихъ защитникомъ и покровителемъ, кто могъ войти въ ихъ положеніе?

Насъ привели, наконецъ, къ длинной товарной рампѣ;

солдатъ распредѣлили группами по 60 человѣкъ, офицеровъ — отдѣльно. Затѣмъ подали безконечный товарный составъ. Но насъ долго не сажали. И только, когда мы уже начали совсѣмъ застывать, откатили дверцы вагоновъ, и комендантъ станціи рукой сдѣлалъ жестъ и сказалъ: «bitte». Полъ вагона находился на высотѣ плечъ, лѣстницъ не дали, и тѣ, у которыхъ были повреждены руки или ноги, не могли бы залѣзть внутрь безъ помощи своихъ товарищей. Нѣмцы же носились вдоль рампы и кричали ненавистное намъ «los», «los!..»

Когда мы всѣ влѣзли, за нами закатили дверь и задвинули засовъ; мы были закрыты, какъ въ курятникѣ. Насъ было всего 14 человѣкъ. Вагонъ былъ просторный, конскій; кромѣ двухъ поперечныхъ досокъ, не было никакой другой мебели. Щелей было много, и черезъ нихъ мы могли видѣть, что дѣлается снаружи, но тамъ ничего не было интереснаго.

Наше первое чувство, когда мы очутились въ вагонѣ — была радость. Насъ никто не видитъ, никто не оретъ «los», не плюется вслѣдъ. Это радостное чувство выразилось въ пѣніи. Пѣли мы хоромъ, въ одиночку, какъ кому нравилось. Такъ было, пока мы не почувствовали снова голода. Начали думать, нельзя ли войти въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ и получить хоть немного хлѣба. Штейнбергъ поднялъ люкъ и сторожилъ проходившихъ мимо людей. Это были то желѣзнодорожники, то военная охрана и, на наши просьбы о хлѣбѣ, они отвѣчали, что имъ запрещено даже разговаривать съ плѣнными.

Наконецъ, попался одинъ военный болѣе мягкаго характера. Сперва онъ былъ удивленъ и не могъ понять, откуда говорятъ. Потомъ увидѣлъ въ люкѣ голову Штейнберга. Первыя слова его были — «Кригъ капутъ, Русь капутъ», — и зашагалъ было дальше. Но Штейнбергъ и Немечекъ вцѣпились въ него съ отчаяніемъ голода. И нѣмецъ, видимо, понялъ, что передъ нимъ не на шутку измученные люди. Хлѣба, конечно, онъ дать не могъ и выразилъ только предположеніе, что насъ могутъ накормить въ Познани, гдѣ есть питательный пунктъ для войскъ. До нея часъ съ небольшимъ ѣзды. Но въ его голосѣ не было никакой увѣренности.

Къ голоду присоединился холодъ. Снаружи было градуса два мороза. Сама по себѣ такая температура не Богъ вѣсть какая, но находиться при этомъ въ закрытомъ, сыромъ отъ конской мочи вагонѣ, въ легкой шинели и китлѣ, голоднымъ, — было очень тяжело. Мы ходили, бѣгали, продѣлывали всякія движенія, чтобы согрѣться. Но нельзя же было все время приплясывать и притоптывать: эта гимнастика вызывала быстрое утомленіе. Достаточно же было остановиться на пять минутъ, и холодъ струйками подбирался къ самому желудку.

Мы закрыли плотнѣе люки и сгрудились на скамейкѣ грѣть одинъ другого. Становилось темнѣе. Простоявъ часовъ шесть, поѣздъ тронулся. Было, приблизительно, 8 или 9 часовъ вечера. Движеніе насъ оживило. Черезъ часъ мы прибыли въ Познань. Мы попросили Штейнберга выглянуть въ окошко — не видать ли гдѣ питательнаго пункта, и завязать, если возможно, сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Но нигдѣ ничего не было видно. Мы стояли вдалекѣ отъ самой станціи, среди безконечныхъ запасныхъ путей. Недалеко отъ насъ стоялъ поѣздъ съ нѣмецкими призывными; судя по голосамъ, это была совсѣмъ зеленая молодежь. Насвистывали они «Пупсика» и, конечно: «Deutschland, Deutschland über alles...»

Это было все, чѣмъ угостили насъ въ Познани.

Съ полуночи стало еще холоднѣе, сквозь щели задулъ вѣтеръ. Иногда кто нибудь отдѣлялся отъ общей кучи и начиналъ бѣгать. Мы съ поручикомъ Бабинымъ рѣшили обмануть холодъ. Снявъ наши шинели, одну разостлали на полу, а другой накрылись, какъ одѣяломъ. Такъ пролежали мы съ полчаса, но потомъ все-таки стало невыносимо холодно. Съ петерпѣніемъ ожидали дня. Казалось, когда появится свѣтъ, наступитъ тепло.

День пришелъ. Падалъ снѣгъ, дулъ вѣтеръ, поѣздъ мчался среди тщательно воздѣланныхъ полей. Останавливались мы, большей частью, среди запасныхъ путей, подальше отъ станцій.

Въ полдень на одной остановкѣ, машинистъ встрѣчнаго поѣзда, за русскій серебряный полтинникъ, бросилъ намъ бу-

тербродъ въ окошко. Бутербродъ былъ большой, изъ пахучаго пеклеваннаго хлѣба, съ масломъ и колбасой.

Развернувъ бумагу, одинъ изъ насъ, облеченный всеобщимъ довѣріемъ, принялся дѣлить бутербродъ на 14 частей. Дѣлежка была самая добросовѣстная и очень кропотливая. Были приняты во вниманіе всѣ углы, выступы, горбинки, пустоты. 13 паръ глазъ слѣдило за этой сложной операціей. Когда, наконецъ, все было порѣзано и подѣлено, насталъ самый торжественный мигъ: одинъ касался ножомъ кусочка, а другой, обернувшись лицомъ къ стѣнкѣ, называлъ чье нибудь имя. Вызванному вручали его четырнадпатую часть.

Если въ этотъ моментъ справедливость и безпристрастіе праздновали гдѣ нибудь на землѣ свое торжество, то это было, несомнѣнно, въ нашемъ вагонѣ.

Получилъ и я свою часть. Жалко даже было ее ѣсть; но голодъ — не тетка: проглотилъ.

На нѣкоторыхъ станціяхъ стража подходила къ намъ и громыхала запорами:

— «Эй, руссише швейне, живы вы еще?»

Послѣ этого дверь откатывалась и являлась усатая физіономія унтеръ-офицера ландштурмиста; онъ пересчитывалъ насъ и снова закрывалъ дверь. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ Немечекъ спросилъ, какъ же быть тѣмъ, кто захочетъ пойти въ уборную. На это унтеръ-офицеръ отвѣтилъ:

— Вы, вѣдь, русскія свиньи и дѣлайте, какъ свиньи!..»

Одобрительнымъ смѣхомъ другіе нѣмцы отвѣтили на эту остроту. Къ солдатамъ же стража совсѣмъ не заглядывала; запертые по 60 человѣкъ, они могли дѣлать тамъ все, что хотѣли.

Часа въ два дня поѣздъ остановился у самой платформы какой то большой станціи. Дверь открылась, ландштурмистъ крикнулъ: — «heraus, Kafee trinken...»

Я выглянулъ. Весь перронъ былъ усѣянъ нѣмцами и нѣмками; всѣ хотѣли видѣть, какъ русскихъ свиней поведутъ пить кофэ. Увидѣвъ насъ, толпа загикала. Немечекъ и я, какъ мы ни были оба голодны, итти пить кофэ отказались.

Остальные вышли и пошли вдоль поѣзда къ буфету. Крики, свистки, «Пупсикъ», «Deutschland», разумѣется.

— Какъ вы счастливы, что плохо знаете языкъ!.. — позавидовалъ мнѣ Немечекъ. — Если бы Вы знали, что они иногда кричатъ. Не дай Богъ, если они останутся побѣдителями!..

Толпа на моментъ стихла; потомъ гиканіе началось опять: это наши возвращались изъ буфета. Какая то старуха бѣжала за ними и кричала, что плѣнныхъ слѣдуетъ вѣшать, а не поить кофэ.

— Ну, и кофэ, — разсказывалъ поручикъ Бабинъ: — хорошо вы оба сдѣлали, что не пошли; налили намъ на всѣхъ три кружки черной, холодной бурды, нѣкоторымъ по кусочку хлѣба досталось. Вотъ и все...

На одной изъ остановокъ, на вопросъ Штейнберга, куда насъ везутъ, — острякъ унтеръ - офицеръ отвѣтилъ, что мы ѣдемъ въ Италію, гдѣ насъ ожидаютъ дворцы, виноградъ, море... Снова стемнѣло, наступила вторая ночь въ поѣздѣ. Мы жались одинъ къ другому и молчали. Арцышевичъ вытащилъ изъ подъ подкладки шинели корочку, величиной съ гороховый стручокъ, и подѣлился со мной. Это былъ нашъ ужинъ. У кого были ремни, тѣ поплотнѣе обвязали ими животы. Часовъ въ 8 поѣздъ остановился на громадной станціи. Это былъ Кассель. Насъ сперва долго гоняли по путямъ; наконецъ, куда то прикатили и оставили въ покоѣ. Поручикъ Суражевскій выглянулъ въ щелку:

— Господа, мы у самой станціи, вагоновъ съ солдатами нѣтъ, мы одни, — заявилъ онъ.

Это всѣхъ заинтересовало. Попросили Штейнберга занять его дипломатическій постъ, то есть встать у открытаго люка. Ему удалось заговорить съ проходившимъ мимо нѣмецкимъ лейтенантомъ.

Оказалось, что лагерь для плѣнныхъ солдатъ находится въ Касселѣ; офицеровъ же повезутъ въ Мюндепъ, часа полтора ѣзды отсюда. Потомъ Штейнбергъ попросилъ, нельзя ли чего - нибудь достать поѣсть. Лейтенантъ разрѣшилъ каждому, имѣвшему деньги, купить по одной порціи сосисокъ съ хлѣбомъ. Но бѣда была въ томъ, что только двое или трое изъ насъ имѣли по

нѣсколько десятковъ марокъ; ихъ удалось получить взамѣнъ случайно уцѣлѣвшихъ русскихъ рублей у нашихъ старыхъ конвойныхъ: они, проводивъ насъ до желѣзной дороги, возвращались обратно на позиціи, подъ Варшаву, и предпочитали имѣть русскія деньги.

Богачи рѣшили подѣлиться съ неимущими. Позвали проходившаго мимо лакея, и черезъ минуту онъ принесъ сосиски и хлѣбъ на тоненькихъ картонныхъ подносикахъ. Двумъ или тремъ не хватило, въ томъ числѣ и мнѣ. Я присѣлъ въ углу на корточкахъ. Какое чувство было у меня въ этотъ моментъ — зависть, равнодушіе, злоба — я не знаю. Казалось, что никакого. Но когда лакей принесъ недостающія порціи, и я получилъ свою, что то огромное и тяжелое скатилось съ души. Я тронулъ сосиски руками. Онѣ были пріятно теплыя. Каждому хотѣлось растянуть блаженство ѣды подольше.

Ѣда чуточку согрѣла насъ; послѣ нея мы даже немного вздремнули. Проснулись, когда нашъ вагонъ прищѣпляли къ поѣзду. Было очень холодно. Зубы такъ щелкали, что я боялся откусить языкъ.

Поѣздъ тронулся; замелькали одна за другой станціи, но насъ нигдѣ не думали высаживать. Въ ночной темнотѣ мы неслись въ неизвѣстную даль, и не было мысли, куда, надолго ли и что ожидаетъ насъ на новыхъ мѣстахъ. Холодное отчаяніе плавало въ воздухѣ и входило въ тѣло съ дыханіемъ.

Иногда легкая дремота на мгновеніе закрывала глаза. Стукъ колесъ превращался въ музыку, таинственную, какъ нѣдра земли, и прекрасную, какъ свѣтлое солнце. Въ синемъ, безконечномъ пространствѣ летали жаръ-птицы Онѣ присаживались на удивительныя пальмы и пѣли. Звуки были чистые и прозрачные, какъ горный хрусталь. Душа прислушивалась къ нимъ и наслаждалась блаженствомъ. Потомъ — толчокъ, пробужденіе и снова вагонъ, холодъ, молчаніе.

На одной изъ маленькихъ станцій, когда мы меньше всего ожидали, загремѣли засовы, и вагонная дверь откатилась. Мы прибыли.

Раздалось грубое, отогнавшее наши сны и мечты: —

«...rraus». Четырнадцать человѣкъ изнуренныхъ, безоружныхъ плѣнныхъ окружило двѣнадцать здоровенныхъ ландштурмистовъ.

На вокзалѣ, несмотря на поздній часъ — было около полуночи — толпилось много народу. На одномъ изъ станціонныхъ фонарей я прочиталъ: «Münden».

Выйдя съ вокзала, мы шли сначала городомъ; дулъ вѣтеръ, снѣжинки кололи лицо. Несмотря на разсѣянный свѣтъ рѣдко горѣвшихъ фонарей, всюду чувствовались удивительная чистота и порядокъ; множество вывѣсокъ: «Wursterei», «Baeckerei», «Colonialwaren».

Потомъ, миновавъ круглую, старую башню, мы перешли мостъ. Городъ остался позади; дорога начала подниматься вверхъ. Вмѣсто городскихъ домовъ пошли виллы; на каждыхъ воротахъ висѣла бѣлая дощечка съ изрѣченіемъ. Потомъ потянулись сады, огороды, пустыри.

Наконецъ, мы остановились у какого то зданія фабричнаго вида. Увидѣвъ насъ, часовой, шагавшій у самыхъ дверей, позвонилъ. На этотъ звонокъ вышли караульные съ ключами.

Вокругъ зданія и примыкавшаго къ нему большого двора шла двойная ограда. Наружная была изъ колючей проволоки, внутренняя — изъ гладкой въ мелкіе квадратики; обѣ одинаковой высоты, — приблизительно въ 1½ человѣческихъ роста; отъ первой до второй я насчиталъ восемь большихъ шаговъ. Въ пространствѣ между ними, ближе къ наружной оградѣ, горѣли сильные фонари на высокихъ столбахъ, по четыре на каждой сторонѣ.

Насъ ввели во внутрь зданія и остановили въ темномъ корридорѣ: пошли кому то докладывать о нашемъ прибытіи. Черезъ минуту послышались шаги, щелкнулъ выключатель, зажглось электричество, показался дежурный офицеръ. Свѣжій цвѣтъ лица, ясные глаза очень молодили его, несмотря на сѣдые волосы. Большое бритое лицо было похоже на бабье.

Мы вошли въ одну изъ боковыхъ комнатъ. Тутъ насъ пересчитали, записали имя и фамилію каждаго, мѣсто и годъ рожденія, день взятія въ плѣнъ. Мы должны были также вы-

вернуть наши карманы и показать кошельки, бумажники и документы.

Ожидая, пока очередь дойдетъ до меня, я разглядывалъ комнату. Она была оклеена розовыми обоями, на стѣнѣ висѣлъ небольшой портретъ Вильгельма и рядомъ съ нимъ — Гинденбурга. Въ одномъ изъ простѣнковъ стоялъ калориферъ. Отъ него шелъ непрерывный потокъ тепла. Оно пріятно касалось охолодавшаго лица. Словно послѣдніе клочки свободы плавали вокругъ и нѣжно прощались съ нами.

Покончивъ съ формальностями, насъ повели въ отведенную намъ комнату. Офицеръ шелъ впереди, за нимъ тянулись плѣнные, сзади слѣдовало нѣсколько караульныхъ.

Зданіе оказалось бывшей фабрикой. У стѣнъ попадались сложенныя доски, на полу валялись стружки, съ тихимъ гуломъ перекатывались при нашемъ приближеніи чугунныя трубы; иногда въ полумракѣ нога больно стукалась о валявшійся на землѣ радіаторъ.

Пройдя черезъ унылыя, пустынныя помѣщенія, мы по лѣстницѣ поднялись на верхній этажъ послѣдняго корпуса. Пройдя половину длиннаго коррідора, дежурный офицеръ остановился. Подождавъ съ минуту отставшихъ, онъ открылъ ближайшую дверь. Сверху на ней было написано: Zimmer № 145.

Путешествіе наше кончилось. Мы прибыли. Кто то зажегъ электричество. Комната была довольно большая; направо и налѣво, вдоль деревянныхъ переборокъ стояло по 7 кроватей. Между двумя большими окнами, у стѣны, находился радіаторъ, передъ каждымъ окномъ — по небольшому столу. Надъ ними висѣли электрическія лампочки. На стѣнѣ у двери была придѣлана широкая полка; на ней стояли тазы, кувшины съ водой, а внизу бѣлѣлась ночная посудина. Полъ былъ выстланъ не то толемъ, не то грубымъ линолеумомъ.

Вѣжливо откланявшись и пожелавъ намъ спокойной ночи, дежурный офицеръ и караульные ушли. Мы съ Арцышевичемъ заняли двѣ койки рядомъ, поближе къ окну. Матрацъ и подушка были набиты соломой; двѣ простыни, два шерстяныхъ одѣяла составляли постельную принадлежность.

Все это было безукоризненной чистоты. Мы раздѣлись и легли; кто то погасилъ свѣтъ. Я быстро и крѣпко заснулъ.

ГЛАВА IV.

Сонъ провелъ глубокую черту между настоящимъ и прошлымъ.

За ночь вся предшествующая жизнь отодвинулась въ безконечную даль; къ ней, я зналъ, возврата не будетъ. Давила неопредѣленная тоска. Я чувствовалъ себя постарѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ.

Я оглядѣлся; никто не спалъ; всѣ лежали съ открытыми глазами и о чемъ-то думали. Повернувшись на бокъ, я увидѣлъ на подушкѣ большую тощую вошь. Прошла волна отвращенія. До сихъ поръ насѣкомыхъ у меня еще не было, но, по разсказамъ другихъ я зналъ, что разъ ихъ заполучивъ, избавиться отъ нихъ очень трудно.

Такъ начался мой первый день въ лагерѣ, оффиціальное названіе котораго было: «Offizier Kriegsgefangenen Lager, Han - Münden». Частица «Han» означала, что городъ находится въ провинціи Hannover.

Въ 8 часовъ утра открылась дверь и раздалось грубое «auf».

Мы стали подниматься. Потомъ этотъ же самый караульный, совсѣмъ мирно, стараясь не стучать сапогами, принесъ воды въ двухъ кувшинахъ и разговорился со Штейнбергомъ, не спуская, однако, глазъ съ двери. Онъ боялся, очевидно, чтобы его не обвинили въ дружелюбномъ отношеніи къ плѣннымъ.

Онъ сообщилъ, что всѣ прибывающіе съ фронта русскіе военнопленные должны выдержать 2-хъ недѣльный карантинъ, такъ какъ нѣмцы боятся холеры и считаютъ русскихъ разносчиками заразы. Сегодня и завтра намъ будутъ прислуживать караульные, а потомъ должны пріѣхать изъ Касселя русскіе деньщики. Плѣнныхъ въ лагерѣ еще мало — нѣсколько

французскихъ и бельгійскихъ офицеровъ, и человѣкъ двадцать французскихъ духовныхъ лицъ — монаховъ, семинаристовъ, аббатовъ, забранныхъ на войну простыми солдатами. Внизу находится кантина; тамъ можно купить всякую мелочь. Оттуда же можно получать обѣды, ужины, утренній кофэ, масло, хлѣбъ, словомъ, все пропитаніе.

Когда часовой ушелъ, мы стали разсуждать, что дѣлать. Денегъ у насъ не было, но у каждаго, кромѣ ѣды, были еще свои неотложныя нужды: у многихъ сбилась совсѣмъ обувь, всѣ нуждались въ бѣльѣ, надо было также попришивать пуговицы, почистить и починить платье.

Пришелъ вчерашній дежурный офицеръ. Какъ мы уже знали отъ караульныхъ, это былъ гауптманъ изъ запаса, музыкантъ по профессіи. Штейнбергъ изложилъ ему наше положеніе. Подумавъ, гауптманъ сказалъ, что онъ можетъ разрѣшить кантинщику оказать намъ кредитъ, съ условіемъ, заплатить при первой получкѣ. Это былъ неожиданный выходъ.

Черезъ четверть часа караульные принесли намъ хлѣба, масла, кофэ и четырнадцать чашекъ. Хлѣбъ и масло были раздѣлены на точныя четырнадцатыя доли; было налито четырнадцать одинаковыхъ чашекъ.

Вскорѣ послѣ кофэ появился другой гауптманъ, высокій, унылый, тощій, очень похожій на Донъ - Кихота безъ доспѣховъ. Гауптманъ Абтъ, прозванный съ перваго же раза «живыми мощами», началъ опять допрашивать насъ: — Name, Vatername, Familienname, словомъ, продѣлалъ то, что уже было продѣлано, но только еще подробнѣе. Потомъ произвели тѣлесный обыскъ: заставили каждаго снять китель, брюки, сапоги; щупали нѣтъ ли чего въ носкахъ; содержимое кошельковъ подвергалось кропотливому анализу, а бумажники и всѣ бумаги и письма было предложено сдать въ комендатуру для провѣрки. Не желая отдавать наши письма въ чужія руки, мы рвали ихъ на глазахъ у нѣмцевъ,. Нѣмцы спокойно смотрѣли на это уничтоженіе. Очевидно, для нихъ важно было только исполнить приказаніе.

Съ чувствомъ злорадства, я разорвалъ подъ носомъ у Аб-

та письмо одного нѣмца. Оно было найдено мной въ большомъ саду подъ Варшавой, послѣ боя. Три нѣмецкихъ артиллериста были убиты тутъ подъ старой яблоней случайно залетѣвшей гранатой. Одинъ изъ нихъ держалъ закоченѣвшими пальцами написанное письмо. Я взялъ его изъ твердой, недававшей руки, съ мыслью отправить по указанному адресу, прибавивъ, какъ и гдѣ оно было найдено. Но послѣ этихъ нѣсколькихъ дней пребыванія въ плѣну, я уже не могъ найти въ душѣ жалости и состраданія къ врагамъ.

Въ обыскѣ Абту помогалъ верткій, со смышлеными глазами, фельдфебель, прозванный нами Фрицемъ, и двое несгибавшихся отъ большихъ животовъ ландштурмистовъ. Забравъ бумажники со всѣмъ тѣмъ, что было въ нихъ, Абтъ удалился.

Приблизительно черезъ часъ пришелъ нѣмецкій докторъ, уже пожилой и симпатичный человѣкъ, съ нимъ санитаръ съ большой бутылью и шприцемъ. Бутыль и шприцъ насъ заинтересовали; кто-то предположилъ, что намъ будутъ вспрыскивать питательную жидкость; но вмѣсто этого мы получили по большому заряду анти-холерной прививки.

Капитану Добротворскому приходъ доктора далъ возможность отвести душу. Докторъ осмотрѣлъ его рану. Она оказалась на удивленіе чистой и благополучной: ни кость, ни сосуды не были задѣты. Зато у молчавшаго капитана Гладкевича дѣло было хуже. Докторъ обѣщалъ ихъ обоихъ осмотрѣть еще разъ, немного позже, въ пріемномъ покоѣ. Потомъ докторъ, санитаръ, бутыль и шприцъ исчезли.

Въ корридорѣ раздался радостно волнующій звукъ посуды; одинъ ландштурмистъ принесъ гору тарелокъ, двое другихъ — по большой чашкѣ; въ одной былъ супъ, въ другой — котлеты, величиной съ кукишъ, и картофель. У меня въ первый моментъ мелькнула мысль, что ландштурмисты по дорогѣ поплевали и въ супъ, и въ картофель; по крайней мѣрѣ, судя по тому, какъ они втроемъ переглядывались и пересмѣивались и показывали глазами одинъ другому, то на супъ, то на картофель, было ясно, что ихъ что-то забавляло. Но я постарался не думать, что именно. Обѣдали мы на два стола, по семи на

каждомъ; какая была дѣлежка — говорить, конечно, не приходится.

Послѣ обѣда игроки достали карты изъ кантины и сѣли играть въ преферансъ. Они тасовали, сдавали, объявляли козырей, записывали, спорили и не замѣчали ни времени, ни обстановки. Но не-игроки томились: нечего было дѣлать, и это ничегонедѣланіе было страшно тяжелымъ дѣломъ. Я лежалъ, ходилъ по комнатѣ, глядѣлъ въ окно.

Нашъ лагерь находился въ долинѣ, между двумя невысокими горами, почти на самомъ берегу Везера. Это была небольшая рѣка съ желтой водой и ровными берегами: она брала свое начало, какъ намъ уже сказали караульные, изъ сліянія двухъ еще меньшихъ рѣчекъ — Фульды и Верры, недалеко отъ острова, который былъ виденъ нѣсколько вправо изъ окна. По склону горы напротивъ проходила желѣзная дорога; на самой горѣ росъ лѣсъ. Къ лагерю примыкалъ обширный дворъ. Тамъ росли какіе то кусты, виднѣлись грядки, стояло нѣсколько десятковъ фруктовыхъ деревьевъ. Въ промежуткѣ между рѣшетками — часовые. Всюду была грязь, сплошныя сѣрыя тучи закрывали небо, падала мгла, двѣ мокрыя вороны дрались неподалеку, на берегу Везера.

День, наконецъ, кончился. Это былъ одинъ изъ самыхъ скучныхъ дней въ моей жизни. Часовъ въ 8 вечера пришелъ Абтъ и фельдфебель, похожій на приватъ - доцента. Первый сталъ у двери, а второй досталъ списокъ съ нашими фамиліями и провѣрилъ наличность; убѣжавшихъ не оказалось.

На слѣдующій день разрѣшили написать роднымъ. Всякій, кто хотѣлъ, могъ на полу-листѣ почтовой бумаги сообщить въ Россію о себѣ. Но надо было писать по-нѣмецки. Штейнбергъ, по просьбѣ всѣхъ, написалъ образецъ письма и повѣсилъ его на стѣнкѣ. Писавшіе подходили и читали вслухъ: «ich befinde mich», послѣ чего торопливо бѣжали къ себѣ и записывали, повторяя вслухъ нѣмецкія слова. Иногда кто нибудь спрашивалъ: «Господа, что послѣ befinde писать?..» Труднѣе всего было запомнить выраженіе — Offizier - Kriegs - gefangenen Lager. Изъ-за него многіе бѣгали къ стѣнкѣ не одинъ разъ; чи-

тали его со вниманіемъ, сначала медленно, потомъ скороговоркой, но, возвращаясь, теряли по дорогѣ нѣсколько буквъ и снова бѣжали прочесть трудное слово.

Передъ полуднемъ явился новый дежурный, лейтенантъ Вальтеръ. Возраста онъ былъ, какъ и Абтъ, довольно неопредѣленнаго — не моложе 45, но и не старше 60.

Войдя въ комнату, Вальтеръ потянулъ носомъ: въ комнатѣ было накурено. Для перваго же знакомства, Вальтеръ объявилъ, что «das Rauchen im Zimmer ist strengst verboten».

Немечекъ замѣтилъ:

— Другими словами, Вы запрещаете намъ курить?

— Вообще нѣтъ, но въ комнатѣ — да.

— Но гдѣ же намъ курить, намъ выходить, вѣдь, нельзя?

— Въ комнатѣ курить запрещается; виновные будутъ наказаны.

На разсвѣтѣ одного изъ ближайшихъ дней меня разбудилъ какой то шумъ. Я оглянулся — у полки съ тазами шевелились двѣ фигуры — черная и сѣрая. Черный — былъ караульный, а сѣрый — русскій солдатикъ. Нѣмецъ указывалъ на ведра, на кувшинъ, а потомъ на дверь; сѣрая фигура утвердительно кивала головой. Объяснялись они жестами быстро и вполнѣ, видимо, понимали одинъ другого.

Въ Мюнденъ русскихъ деньщиковъ прислали изъ Касселя. Намъ дали для прислуживанія артиллериста, взятаго еще въ августѣ при пораженіи Самсоновской арміи. Звали его Григоріемъ; фамиліи, къ сожалѣнію, не помню. Родомъ онъ былъ изъ Смоленской губерніи и до мобилизаціи служилъ кучеромъ въ имѣніи Муравьева, бывшаго министра юстиціи. Григорій былъ красивый, чисто русскій типъ. Его богатырскій ростъ и сложеніе какъ то не вязались съ робкими движеніями и несмѣлымъ полушопотомъ. Передвигаясь, онъ старался ходить на цыпочкахъ; пугливо вздрагивалъ и оглядывался назадъ, если что нибудь громко стучало въ его рукахъ. Безконечный трепетъ глядѣлъ изъ его голубыхъ, славянскихъ глазъ. Несмѣло взглянувъ, онъ ихъ немедля же опускалъ къ землѣ. Одѣтъ онъ былъ какъ будто ничего. Онъ принесъ воды, потомъ сходилъ за кофэ.

— Какъ вамъ жилось въ Касселѣ? — спросилъ его Немечекъ, когда Григорій явился подметать комнату.

Мы всѣ подошли поближе.

Григорій поднялъ глаза и закачалъ головой:

— Бѣда, Ваше Благородіе, сущая бѣда! Сказать просто невозможно. Первое дѣло — голодъ. Ѣсть не даютъ, съ голоду народъ пухнетъ и мрутъ, какъ мухи. До чего дѣло доходитъ: берутъ изъ нашего лагеря плѣнныхъ на работу, за городъ, землю копать, навозъ раскидывать; вотъ, если увидятъ наши гдѣ по дорогѣ помойную яму — бѣгомъ къ ней; картофельную шелуху, отбросы разные, морковь гнилую — все тутъ же сырьемъ жрутъ, а кто въ запасъ, за пазуху, въ карманы пихаютъ; конвоя не слушаются, а тотъ ихъ штыками да прикладами колотитъ. Какъ пойдетъ на работу человѣкъ сорокъ работать — только тридцать, а то и меньше въ лагерь вернется — кто по дорогѣ палъ, кто за работой. Развѣ можемъ мы теперь работать? Всѣ, вѣдь, страсть ослабѣвшіе. А кто палъ, тотъ пропалъ. А потомъ, Ваше Благородіе, наши въ лагеряхъ еще и такъ дѣлаютъ: возьмется человѣкъ двадцать - тридцать за руки и на лагерную проволоку лѣзутъ — можетъ быть, хоть кто нибудь изъ православныхъ убѣжитъ разсказать, какъ плѣнные живутъ; а тутъ ихъ бьютъ и изъ пулеметовъ, и изъ винтовокъ. Страсть, что народу гибнетъ. Насъ, какъ захватили на фронтѣ, сейчасъ же въ Германію направили. Шесть сутокъ въ закрытомъ вагонѣ пробылъ; тяжело - раненые поумирали, у другихъ черви завелись. Такъ всѣ и валялись въ повалку: раненые, мертвые, живые... Сначала насъ въ какомъ то лагерѣ въ Пруссіи держали, у кого были какіе деньжонки — все проѣли. Тифа голодная пошла между плѣнными. Къ зимѣ насъ въ Кассель перевели; утромъ, значитъ, черезъ городъ погнали. Ваше Благородіе, сколько сраму то мы приняли: городъ чистый, большой, а мы оборванные, босые; у кого даже, простите, и брюковъ нѣтъ, въ порванныхъ кальсонахъ только. Страшно смотрѣть было на православныхъ. Нѣмки, и тѣ останавливались, плакали, на насъ глядючи...

Глаза Григорія наполнились слезами.

— Пришли мы въ лагерь. Первое время въ палаткахъ жи-

ли. На дворѣ — снѣгъ и холодъ, а насъ заставляютъ души холодные каждый день принимать. Одѣялъ не давали, и шинели для дезинфекціи отобрали. Обрили насъ всѣхъ — нѣмцы вшей истребить хотѣли, чтобы тифъ прекратить, да гдѣ тутъ! Ложишься вечеромъ, а утромъ, глядишь, — сосѣдъ мертвый. Особливо французы мрутъ....

А какъ бьютъ нашего брата! Назначаютъ по уборкѣ лагеря; чуть подмелъ не такъ, или соръ гдѣ остался, — либо штыкомъ, либо прикладомъ; и валится человѣкъ; его сейчасъ на рогожу, да въ околотокъ, а оттуда уже на кладбище.

— Что вамъ даютъ ѣсть? — кто-то спросилъ Григорія.

Тотъ махнулъ рукой.

— Ваше Благородіе, истинный Богъ не вру я! У нѣмцевъ собаки есть въ лагерѣ, — такъ ребята пробовали: нальютъ имъ нашей баланды, ни одинъ песъ не дотронется до нея, понюхаетъ и только. Ѣсть, ну прямо невозможно, но между прочимъ, наши ѣдятъ...

10 000 плѣнныхъ, баютъ, въ Касселѣ померло. Еврейчикъ одинъ будто сказывалъ; онъ туда къ нѣмцамъ по письменной части устроился, такъ документы эти видѣлъ. Я самъ чуялъ, что мнѣ не долго тянуть, да какъ то вечеромъ приходятъ изъ комендатуры и говорятъ: у кого сапоги получше, тѣмъ утромъ завтра въ канцелярію явиться, но зачѣмъ — неизвѣстно. А у меня какъ разъ сапоги уцѣлѣли, — вотъ я и раздумался — итти или не итти. Но утромъ все-таки пошелъ. Выстроили насъ передъ канцеляріей, осмотрѣли сапоги, одежу; у кого было поплоше, того назадъ отослали, а у кого получше, тѣмъ сказали — собирайте ваши вещи, поѣдете деньщиками въ офицерскій лагерь. Тутъ, значитъ, обрадовались отъѣзжающіе: все-таки въ офицерскихъ лагеряхъ жизнь должна быть лучше. Только въ самую послѣднюю минуту меня чуть не оставили.

— Какъ такъ?

— Приходитъ ко мнѣ нашъ, что въ канцелярію задѣлался, и говоритъ, что писарь изъ комендатуры требуетъ по 10 марокъ съ каждаго, кто уѣзжаетъ. Откуда-жъ у плѣннаго

столько денегъ? Заметались мы, кто штаны продалъ, кто бѣльишко, кто сапоги обмѣнялъ — хорошіе на плохіе, придачу деньгами взялъ, а которые ничего не дали — тѣ такъ и не поѣхали.

До окончанія карантина насъ никуда не выпускали. Дни проходили въ томительной скукѣ, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали возможности выйти на дворъ. Черезъ два или три дня въ сосѣдней комнатѣ появились новые русскіе плѣнные. Мы переговаривались съ ними черезъ переборку, но новаго ничего не узнали. Они были взяты только на нѣсколько дней позже насъ, и ихъ интересовали, главнымъ образомъ, вопросы ѣды.

Газеть намъ нѣмцы не давали, и наши свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ ограничивались лишь тѣмъ, что удавалось Штейнбергу украдкой прочитать въ комендатурѣ, куда его иногда вызывали по нашимъ дѣламъ.

Лишенный возможности заниматься, я дѣлалъ то же, что и остальные: лежалъ, ходилъ, глядѣлъ въ окно, присматривался къ обстановкѣ.

Насъ было, какъ я уже сказалъ, четырнадцать человѣкъ — капля выхваченная изъ человѣческаго моря. Но эта капля имѣла всѣ качества и свойства своего цѣлаго, а главное — его разнообразіе. Эти четырнадцать сѣрыхъ фигуръ, находившіяся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, жили и дѣйствовали каждая по своему.

Несмотря на очевидность плѣненія, мы какъ то не могли принять его; большинство все еще жило въ прошломъ, въ ожиданіи какого то чуда, которое вернетъ ихъ къ прежнему; у нѣкоторыхъ же сопротивленіе настоящему выражалось въ безмысленной, истощавшей ихъ самихъ ругани. Однимъ изъ первыхъ, который увидѣлъ и призналъ новое положеніе, былъ нашъ переводчикъ, прапорщикъ Штейнбергъ.

Онъ не сталъ тратить силъ на безплодныя сожалѣнія и на враждебность къ тѣмъ, въ чьей власти мы находились теперь.

Будучи родомъ изъ Прибалтійскаго края и прекрасно

владѣя нѣмецкимъ языкомъ, Штейнбергъ всегда могъ бы создать для себя терпимыя условія. Но одна возможность этого вызывала уже къ нему подозрительное отношеніе со стороны лицъ, вродѣ капитана Добротворскаго. Онъ приставалъ къ Штейнбергу изъ злобы и недовѣрія, требуя заботъ и вниманія къ себѣ самому; и Штейнбергъ не видѣлъ маленькихъ острыхъ глазъ капитана, искавшихъ только разсчета въ каждомъ его шагѣ. Именно капитану Штейнбергъ давалъ больше всего отъ доброты своего сердца.

Если въ дорогѣ Добротворскаго донимали неудобства, то здѣсь ихъ оказалось еще больше. Все время ему дуло то отъ двери, то отъ стѣны; онъ оказался носителемъ множества симптомовъ; отъ самаго простого изъ нихъ ему грозила скорая смерть.

Все это Штейнбергу приходилось переводить доктору, приходившему къ намъ по утрамъ дѣлать перевязки.

Со стороны многихъ изъ насъ отъ Штейнберга требовалось безусловное осужденіе того, что дѣлали нѣмцы по отношенію къ плѣннымъ. Но начни онъ осуждать, дай мѣсто въ своей душѣ злобѣ, онъ утратилъ бы душевную легкость и свободу, которыя были ему необходимы, чтобы обращаться къ нѣмцамъ съ просьбами.

Оцѣнили его первые нѣмцы. Не чувствуя въ немъ враждебности, дѣлающей человѣка узкимъ и несправедливымъ, они позволили ему заботиться о своихъ товарищахъ. И Штейнбергу пришлось сыграть большую роль во время нашего путешествія и въ первые дни пребыванія въ лагерѣ. Если мы въ дорогѣ кое какъ питались и ночевали въ домахъ, то этимъ въ большой степени были обязаны ему. Когда ему удавалось получить отъ конвойныхъ кусокъ хлѣба, сигару, папиросъ, онъ всегда дѣлился съ другими.

Онъ былъ совладѣльцемъ одной торговой фирмы и жилъ до войны, если не въ роскоши, то въ большомъ достаткѣ. Несмотря на это, теперь онъ меньше всего заботился о своихъ удобствахъ. Однажды въ Польшѣ насъ всѣхъ помѣстили въ

одной избѣ; одному не хватило мѣста; и это былъ Штейнбергъ, который ушелъ искать себѣ пристанища.

Ему много что приходилось выслушивать отъ нѣмцевъ на нашъ счетъ, а отъ насъ — про нѣмцевъ. Но онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣлъ смягчить обидныя вещи и никогда не терялъ душевнаго равновѣсія. Это сильнѣе обезоруживало нѣмцевъ, чѣмъ наши требованія и брань. Однажды, во время дороги, онъ засмотрѣлся и вышелъ изъ рядовъ. Къ нему съ проклятіями и ругательствами подскочилъ пруссакъ - конвойный. Штейнбергъ сказалъ ему только нѣсколько словъ спокойнымъ тономъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что на слѣдующей остановкѣ этотъ же нѣмецъ по всей деревнѣ искалъ для насъ помѣщенія.

Мнѣ вспоминается его высокая, худая фигура съ золотистыми волосами и веснушатымъ лицомъ. Жена его была русская. У него имѣлся ея небольшой портретъ; хранился онъ тщательно завернутымъ въ пустомъ кошелькѣ. Онъ часто вынималъ его и, насмотрѣвшись, цѣловалъ украдкой.

Благожелательство и мягкость Штейнберга заслужили ему въ концѣ концовъ всеобщее расположеніе.

Человѣкомъ совершенно другого сорта былъ прапорщикъ Немечекъ. Невысокій, плотный, смуглый, въ черномъ дубленомъ полушубкѣ и мѣховой шапкѣ съ наушниками, онъ походилъ на сердитаго ежа. Желчный и раздражительный, отъ роли переводчика онъ рѣшительно уклонился. Даже своему бывшему начальству, капитану Добротворскому, открыто заявилъ, что не намѣренъ переводить всѣхъ его глупостей.

Труднѣе всего было жить съ поручикомъ Корсовскимъ. По сложенію и по силѣ это былъ атлетъ, а по замашкамъ — хулиганъ. При мнѣ онъ часто говорилъ, что прапорщики запаса ни къ чорту не годятся. Не разъ въ полку еще онъ высказывалъ сомнѣнія въ ихъ мужествѣ и распорядительности; это не помѣшало ему самому сдаться безъ единой царапины при обстоятельствахъ, о которыхъ онъ кратко говорилъ: «иначе нельзя было».

Своему однополчанину, Бабину, онъ любилъ разсказывать, какъ въ Егорьевскѣ, гдѣ стоялъ ихъ полкъ до войны,

онъ шашкой колотилъ «шпаковъ», и какъ всѣ уступали ему дорогу изъ-за боязни скандала. Въ плѣну, при видѣ нѣмецкихъ штыковъ, Корсовскій смирился. Способность повиноваться онъ считалъ признакомъ настоящаго военнаго. Такъ какъ среди насъ никто, кромѣ прапорщиковъ, не говорилъ по-нѣмецки, то ему пришлось нѣсколько смягчить свое сужденіе о ихъ негодности. И, несмотря на всю грубость и невоздержанность Корсовскаго, въ немъ проглядывало иногда что то глубоко наивное, почти дѣтское. Онъ былъ большимъ трезвенникомъ, не игралъ въ карты, былъ, по-своему, честенъ.

Цѣлыми часами онъ пѣлъ солдатскія пѣсни: попросить его перестать — значило получить грубый отвѣтъ. Но въ свою очередь, другіе могли ходить хоть на головахъ — Корсовскому было все равно.

Самымъ близкимъ его товарищемъ былъ поручикъ Бабинъ. Если Корсовскій открыто высказывалъ свое мнѣніе о превосходствѣ военнаго человѣка надъ не-военнымъ, то Бабинъ, ничего не говоря, собственнымъ поведеніемъ показывалъ это. Когда его кто то изъ младшихъ по чину назвалъ — «поручикъ Бабинъ», онъ поправилъ: «господинъ поручикъ». Съ нимъ можно было бы мириться, если бы не преувеличенное стремленіе его къ справедливости. Справедливость же была для него ограничена параграфами военныхъ уставовъ.

Походилъ въ этомъ отношеніи на Бабина и поручикъ Берестовъ. Онъ считалъ ниже своего достоинства застилать утромъ постель, хотя мы ничего не дѣлали круглыя сутки. Нѣмецкаго языка онъ совсѣмъ не зналъ; чтобы не просить Штейнберга или Немечека и тѣмъ не унизить себя, Берестовъ всюду посылалъ Григорія. Тотъ покупалъ ему бѣлье, туфли, бѣгалъ даже къ портному — отдавать въ починку шинель. Въ это же время Берестовъ ходилъ по комнатѣ и насвистывалъ какой нибудь маршъ или разбиралъ съ Корсовскимъ и Бабинымъ, такъ ли берутъ нѣмцы на караулъ, какъ у насъ, или по другому.

Тихимъ и скромнымъ человѣкомъ былъ капитанъ Гладкевичъ. Его никогда не было слышно. Рана у него была большая, серьезная; она заставляла его много страдать, но онъ никогда

не жаловался. Если же боль была невмоготу, онъ ходилъ по комнатѣ, тихо баюкая раненую руку. Шумъ, поднимавшійся другими, и всѣ неудобства нашей жизни, онъ переносилъ безъ жалобъ; и только кряхтѣлъ, когда докторъ дѣлалъ ему перевязку. Когда же боль стихала, онъ улыбался доброй, хорошей улыбкой.

Несмотря на то, что обстановка наша была совсѣмъ неподходящей для больныхъ, докторъ долго отказывался взять въ лазаретъ нашихъ раненыхъ. И только уступая настойчивости Добротворскаго, онъ, наконецъ, отправилъ его и Гладкевича въ госпиталь.

Въ комендатурѣ Штейнбергъ узналъ, что плѣннымъ офицерамъ будутъ платить по 60 марокъ въ мѣсяцъ. Мы съ Арцышевичемъ сдѣлали разсчетъ. Цѣны были такія: обѣдъ стоилъ 75 пфенинговъ, 2 фунта хлѣба — 80 пф., десятокъ папиросъ отъ 40 до 80 пф., фунтъ масла — 4 марки, сахаръ — 75 пф., чашка кофэ съ молокомъ и сахаромъ — 20 пф., вечеромъ кантинщикъ готовилъ свинину, сосиски, колбасу; это стоило 1 — 1½ — 2 марки. Кромѣ ѣды, были и другіе расходы. Но мы не могли выходить изъ дневного бюджета въ 2 марки. И, проведя нѣсколько дней въ роскоши и обиліи, публика начала сокращать расходы. Вмѣсто кофэ, мы попросили давать намъ кипятокъ; кантинщикъ сначала было заупрямился, но, подумавъ, назначилъ за каждый чайникъ соотвѣтствующее число пфенинговъ и успокоился.

Григорій былъ въ это время для насъ, какъ родной батька. Онъ носилъ кипятокъ, обѣдъ, мылъ посуду, подметалъ комнату; самъ спрашивалъ, нѣтъ ли чего постирать; застилалъ постели, въ точности зналъ, что у кого есть и чего кому надо изъ съѣстного. Дѣлился съ нами тѣмъ, что сообщали нѣмцы - караульные, — несмотря на незнаніе языка, наши деньщики ухитрялись очень недурно объясняться съ ними при помощи знаковъ. Такъ какъ прибылъ Григорій изъ Касселя налегкѣ, — сапоги, штаны, гимнастерка и фуражка, то Арцышевичъ далъ ему свою нижнюю теплую рубашку и кальсоны..

Насколько это было возможно, мы старались привести себя

въ порядокъ: чинили платье, мыли бѣлье въ тазахъ для умыванія. Но стирка въ холодной водѣ мало что значила: отъ насѣкомыхъ, главное, она не избавляла. Чтобы заполнить оставшееся время, одни, какъ я сказалъ, играли въ карты, другіе ходили изъ угла въ уголъ или разговаривали... говорили обо всемъ: о прошломъ, о будущемъ, о шахматахъ, о Россіи, о войнѣ. Споры въ комнатѣ становились иногда довольно горячими.

Умиротворяющимъ элементомъ среди насъ выступалъ тогда поручикъ Суражевскій. Ему въ большой степени было врождено чувство мѣры и спокойное отношеніе къ вещамъ; умѣло, не обидно онъ успокаивалъ всякаго, слишкомъ далеко зарывавшагося въ политику или войну. Вообще же, онъ былъ веселаго нрава и любилъ смѣшить окружающихъ. Спалъ онъ дольше и крѣпче всѣхъ. Проснувшись, разсказывалъ, гдѣ былъ во снѣ и что ѣлъ, такъ какъ безъ ѣды у него не обходился ни одинъ сонъ. Ему завидовали, особенно Саламатинъ, самый здоровый среди насъ тѣлесно и душевно.

На Саламашу, какъ его всѣ ласкательно звали, природа отпустила самый лучшій матеріалъ. Дѣтина вышелъ изъ него гарный, румянецъ залѣзалъ ему даже на лобъ. Лицо у него было необыкновенное: квадратное, съ римскимъ профилемъ и чуть сдвинутымъ въ сторону носомъ. Походя по сложенію на здороваго, сильнаго бычка, Саламаша имѣлъ очень маленькія ручки и ножки. Въ свое время онъ учился въ какомъ то институтѣ въ Москвѣ, потомъ въ Кіевѣ, Ростовѣ, Саратовѣ и уже не помню, гдѣ еще. Въ моментъ мобилизаціи онъ переводился, кажется, въ институтъ восточныхъ языковъ во Владивостокѣ. Бумаги объ его студенческомъ званіи задержались въ пути, и онъ былъ взятъ на войну, какъ и мы всѣ. Онъ вносилъ въ нашу жизнь струю чего то свѣжаго и здороваго. Если отъ чего онъ и страдалъ, то только отъ избытка неиспользованной энергіи и отъ аппетита. Его любили за веселье, за искренность, за благожелательность, и охотно прощали, когда онъ, говоря о чемъ нибудь, во время ѣды, стрѣлялъ въ собесѣдника кусочками хлѣба, картофеля, словомъ, всего того, чѣмъ былъ набитъ его ротъ въ тотъ моментъ.

Во время карантина, мы съ Саламашей припоминали нашихъ великихъ писателей.

Душѣ, взволнованной всѣми пережитыми событіями, хотѣлось остановиться на чемъ нибудь высокомъ и утѣшительномъ, что дало бы возможность найти потерянную точку, нащупать вновь нравственный стержень..

Саламатинъ, обладавшій прекрасной памятью, читалъ мнѣ наизусть цѣлыя страницы изъ «Анны Карениной», «Войны и Мира», «Дѣтства и Отрочества».

Лежа на постеляхъ, лицомъ другъ къ другу, мы повторяли, заученныя когда то, простыя, но удивительныя строки:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ. Скользитъ и падаетъ.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ...
И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

Припоминали «Демона»: его тоску, любовь, клятвы, коварство...

И это заставляло насъ забыть окружающую обстановку; мы переносились въ наши безконечныя степи, поля и лѣса, гдѣ бродитъ зачарованная и тоскующая русская душа.

ГЛАВА V.

Наконецъ, во время вечерней повѣрки дежурный офицеръ сказалъ Штейнбергу длинную фразу; она начиналась словами «Meine Herren» и кончалась — «zum Ende». Штейнбергъ выслушалъ и обратился къ намъ:

— Господа, завтра кончается карантинъ. Можно будетъ выходить въ садъ и гулять.

На слѣдующее утро наша комната опустѣла: всѣ пошли подышать воздухомъ и познакомиться съ расположеніемъ лагеря. Мы гуляли по размокшимъ аллеямъ, смотрѣли черезъ рѣшетку на Везеръ, разглядывали постройки, дворъ и всю мѣстность вокругъ.

Нашъ лагерь состоялъ изъ двухъ большихъ корпусовъ, соединенныхъ третьимъ — пониже и поменьше. Наша комната помѣщалась въ пятомъ этажѣ третьяго корпуса.

Русскихъ плѣнныхъ за двѣ недѣли карантина значительно прибавилось; изъ многихъ оконъ на насъ смотрѣли такія же, какъ и мы, сѣрыя фигуры. Иногда открывалась гдѣ нибудь форточка, и насъ спрашивали, изъ какихъ мы частей, когда и гдѣ были взяты; завязывались коротенькіе разговоры.

Кромѣ насъ, въ саду гуляли бельгійцы и французы. У бельгійцевъ были черныя крылатки и высокія кэпи. Бросалась въ глаза французская форма — красныя брюки, красное кэпи, синяя шинель. Одинъ изъ насъ — офицеръ - артиллеристъ выразилъ изумленіе:

— Въ такихъ то цвѣтахъ, да воевать!.. И утверждать послѣ этого, что «французы готовились къ войнѣ»...

Саламаша, человѣкъ нрава общительнаго и къ тому же говорившій по-французски, первый изъ насъ завелъ знакомство съ союзниками.

Мы обошли въ саду всѣ дорожки, подышали свѣжимъ воздухомъ и передъ обѣдомъ снова вернулись къ себѣ, осмотрѣвъ по пути кантину и столовую. Кантина помѣщалась въ томъ же корпусѣ, что и наша комната, въ самомъ нижнемъ этажѣ. Она была похожа на большую клѣтку, гдѣ вмѣсто птицы метался коротко остриженный, толстенькій, съ золотой цѣпочкой по животу, кантинщикъ. На полкахъ было разложено бѣлье, мыло, папиросы, сигары, нитки, хлѣбъ, масло. Кухня находилась внизу, въ полуподвальномъ этажѣ.

Столовая занимала весь нижній этажъ средняго корпуса. Съ одной стороны окна выходили въ садъ, съ другой — на крышу машиннаго отдѣленія. Отъ стѣны до стѣны стояли длинные, жидкіе столы, безъ скатертей, безъ клеенокъ; передъ ни-

ми — такія же длинныя, гнущіяся скамейки. Стѣны были совершенно голыя, съ бурыми отъ сырости клиньями.

Первый день нашей относительной свободы не принесъ особой радости. Наоборотъ, душевная пустота стала, какъ будто, еще невыносимѣе; передъ нами лежало печальное будущее, совершенно неизвѣстной длины.

Чѣмъ заполнить его?

Потянулись одинъ за другимъ дни; одни были сѣрые, дождливые, другіе — свѣтлые, солнечные; но тѣ и другіе — скучные, безсодержательные, до такой степени, что мы съ трудомъ различали вчера и сегодня.

Всюду зрѣніе утомляли однообразные прямоугольники стѣнъ, половъ, потолковъ, оконъ; ничего не было, чтобы ихъ скрашивало, нигдѣ не чувствовалось ни малѣйшаго уюта. Даже солнце мало веселило. Оно наскоро заглядывало въ лагерь и торопливо пряталось за горой.

Вскорѣ послѣ окончанія карантина, въ лагерь прибыло сто двадцать офицеровъ - сибиряковъ; между ними — два генерала — одинъ пѣхотный, другой артиллерійскій.

Въ общемъ, въ началѣ декабря плѣнныхъ было уже человѣкъ 300; изъ нихъ русскихъ насчитывалось около 200, около 80 французовъ и человѣкъ 20-25 англичанъ.

Если не было дождя, плѣнные гуляли утромъ въ саду. Возвращаясь передъ обѣдомъ къ себѣ, я иногда заходилъ въ столовую послушать, о чемъ говорятъ и узнать, — нѣтъ ли какихъ новостей. Въ столовой всегда толпилось множество народа. Преобладали русскіе. Изъ завсегдатаевъ столовой нѣсколько лицъ останавливали на себѣ особое вниманіе.

У калорифера прохаживался обыкновенно старенькій капитанъ. Говорилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, ходилъ въ теплыхъ туфляхъ и то съ нѣкоторымъ трудомъ; носилъ шерстяную фуфайку и очень любилъ тепло.

Пошелъ капитанъ на войну добровольцемъ изъ отставки. Онъ былъ такой ясный и безобидный, что даже нѣмцы все ему оставили, кромѣ оружія, конечно. Кажется, по этому случаю въ газетахъ было напечатано, что у русскихъ совсѣмъ нѣтъ ре-

зервовъ и что они глубокихъ стариковъ посылаютъ на войну. Фамиліи этого капитана никто не зналъ; для плѣнныхъ онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «капитанъ Николай Угодникъ».

Другой капитанъ, рыжеватый, съ лицомъ, въ которомъ было что то рысье и лисье, цѣлыми часами молча шагалъ въ самомъ темномъ углу огромной столовой, прикрывая рукой владимірскую ленточку, нашитую на петлѣ кителя. Звали его у насъ: «часовой у Гроба Господня»; это очень ему шло.

Всѣ эти прозвища были пущены полковникомъ Гавриловымъ, находившимся обыкновенно тутъ же.

Высокій, кряжистый полковникъ, несмотря на цвѣтъ волосъ «перца съ солью», имѣлъ юношески - свѣжій видъ и румянецъ во всю щеку. Онъ казался старшимъ братомъ своего сына - кадета, который изъ корпуса бѣжалъ къ отцу на войну. Оба вмѣстѣ они и были взяты въ плѣнъ. Полковникъ Гавриловъ облюбовалъ столовую и, сидя у калорифера, окруженный толпой, разсказывалъ были и небылицы.

Между прочимъ, онъ совершенно серьезно увѣрялъ, что лейтенантъ Вальтеръ вечерами превращается въ собаку и бѣгаетъ къ нашему лагерю понюхать, не пахнетъ ли табакомъ. Говорилъ Гавриловъ серьезно, а слушатели помирали со смѣху.

Какъ я уже сказалъ раньше, однимъ изъ первыхъ распоряженій лагернаго адъютанта, лейтенанта Вальтера было запрещеніе курить. Правда, прямого запрета не существовало: нельзя только было курить внутри зданія и во дворѣ.

Черезъ нашихъ старшихъ мы обратились къ коменданту съ просьбой разъяснить, на какомъ основаніи плѣннымъ запрещаютъ курить.

Но отвѣта на эту просьбу не послѣдовало. Какъ передавалъ Фрицъ и другіе унтеръ - офицеры изъ комендатуры, распоряженіе это не исходило отъ высшихъ властей. Въ самой кантинѣ долго еще свободно продавали сигары и папиросы, и на вопросъ о запрещеніи, кантинщикъ отвѣчалъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно. Но, когда табачные запасы въ кан-

тинѣ пришли къ концу, то комендантъ запретилъ возобновлять ихъ; кромѣ того, стали также отбирать папиросы, присылаемыя изъ Россіи.

Многимъ пришлось бы бросить куреніе, не будь самихъ же нѣмцевъ. Нѣкоторые изъ охранявшихъ насъ ландштурмистовъ, являясь въ караулъ, приносили полные карманы сигаръ, папиросъ и даже спичекъ. Все это они продавали въ нѣсколько разъ дороже обычной цѣны интернаціональному союзу деньщиковъ; а тотъ, увеличивъ цѣны отъ себя, перепродавалъ плѣннымъ офицерамъ поштучно сигары и папиросы. Цѣны были разныя, въ зависимости отъ величины папиросы и количества ихъ на рынкѣ. Причемъ, когда процвѣтала свободная конкурренція, цѣны были меньше; но затѣмъ деньщики объединились въ трестъ, свободная конкурренція была задавлена, и цѣны сразу прыгнули. Пришлось платить уже по 1 и по 2 марки за каждую папиросу.

Курили, обыкновенно, въ комнатахъ, т.-е. тамъ, гдѣ это особенно запрещалось: все-таки здѣсь было меньше опасности натолкнуться на нѣмцевъ. Для ловли курильщиковъ Вальтеръ высылалъ особые отряды; они обходили корридоры и заглядывали въ глазки. Но топотъ подкованныхъ гвоздями сапогъ предупреждалъ плѣнныхъ еще издали. Тогда Вальтеръ приказалъ ходить имъ на цыпочкахъ и назначилъ также денежныя награды за поимку курящихъ. Благодаря этому, было захвачено нѣсколько простофиль. Но, сообразивъ, въ чемъ дѣло, плѣнные съ честью вышли изъ положенія. Двери въ нашихъ комнатахъ отворялись во внутрь: курильщики садились у стѣны, за дверью; когда она открывалась, то этимъ самымъ закрывались курящіе. Усѣвшись, одинъ вынималъ папиросу, на ней намѣчалось столько дѣленій, сколько было совладѣльцевъ. Потомъ начинали дымить. Когда собственная доля превращалась въ дымъ и пепелъ, папироса передавалась слѣдующему.

Курили какъ то у насъ въ комнатѣ, и не у двери, вопреки обычаю, а у радіатора. Дрожиловскій сдѣлалъ свою послѣднюю затяжку и передалъ папиросу слѣдующему. Въ этотъ моментъ вошелъ Вальтеръ. Дрожиловскій первый увидѣлъ его, но пре-

дупредить остальныхъ не могъ: у него ротъ былъ полонъ дыма; Вальтеръ же обратился къ Дрожиловскому:

— Гдѣ лейтенантъ Штейнбергъ?

Но тотъ въ отвѣтъ только выпучилъ глаза и замоталъ головой. Думая, что Дрожиловскій не понялъ, Вальтеръ еще разъ повторилъ вопросъ. Дрожиловскій снова мотнулъ головой, пожалъ плечами и развелъ руками. Но ему уже не хватило воздуха, онъ сталъ задыхаться и вдругъ пустилъ въ лицо Вальтеру громадную сизую струю.

Другой же курильщикъ, спрятавшись за спину Дрожиловскаго, понемногу выпускалъ дымъ; было похоже на то, что Дрожиловскій самъ дымится. Вальтеръ отъ изумленія отступилъ и ушелъ, ничего на этотъ разъ не сказавъ. Обычно же, за куреніе сажали дня на три, на четыре подъ арестъ на городскую гауптвахту.

Иногда, скуки ради, мы шутили надъ ландштурмистами. Вечеромъ, когда въ комнатахъ гасъ свѣтъ, и лампочки горѣли только въ корридорахъ, караульные, проходя, осторожно заглядывали въ дверные глазки — не видать ли гдѣ нибудь красноватаго огонька папиросы; въ это время кто нибудь ложился на незанятую кровать и начиналъ умышленно неосторожно курить. Дверь, конечно, съ трескомъ распахивалась, караульный бѣжалъ къ кровати и натыкался впотьмахъ на пустые кувшины, тазы, столы, стулья, нарочито разставленные у него по пути; все это съ грохотомъ падало и раскатывалось. Огонекъ исчезалъ, и мы принимались такъ храпѣть, что въ стѣнки начинали стучать сосѣди.

Но бывали и другіе случаи. На моихъ глазахъ одинъ ландштурмистъ поймалъ съ папиросой знакомаго артиллериста и повелъ его въ комендатуру; черезъ часъ я увидѣлъ этого же артиллериста, мирно курившимъ хорошую большую сигару.

Оказалось, что ландштурмистъ, улучивъ по дорогѣ минуту, когда возлѣ нихъ никого не было, сунулъ ему огромную сигару и отпустилъ съ миромъ. Чтобы уменьшить расходъ на куреніе, мы собирали въ саду опавшіе листья, сушили ихъ и

курили. Отъ такого табака, получившаго кличку «Самъ - Крошэ», только сильно тошнило.

Придумалъ Вальтеръ также и «чтенія законовъ». Послѣ утренней повѣрки, раза два или три въ недѣлю, насъ снова собрали въ столовой. Сюда же приходили Вальтеръ, Фрицъ, переводчикъ изъ комендатуры и четверо ландштурмистовъ. Въ порядкѣ чиновъ они располагались на лѣстницѣ: на самомъ верху Вальтеръ, за нимъ Фрицъ, потомъ переводчикъ и въ самомъ низу — караульные.

Начиналась перекличка по фамиліямъ; если кто зѣвалъ, а то и отсутствовалъ, за него отвѣчалъ сосѣдъ или знакомый; иногда на одну фамилію откликалось два - три голоса. Затѣмъ Фрицъ открывалъ толстую книгу въ черномъ переплетѣ и читалъ оттуда нѣсколько строчекъ. Прочитанное тутъ же переводилось. Переводчикъ, въ мирное время преподаватель нѣмецкаго языка въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, зналъ русскій не особенно.

— Господа! Книга законовъ нѣмецкихъ военныхъ постановленій говоритъ, что военноплѣнные подвергются режиму военныхъ властей и за ослушаніе будутъ караться военнымъ судомъ.

Потомъ Фрицъ читалъ слѣдующую статью. Мы узнали, такимъ образомъ, что за устройство вооруженнаго бунта главныхъ зачинщиковъ ожидаетъ смертная казнь, а остальныхъ — пожизненная каторга; искренно раскаявшимся руководителямъ смерть можетъ быть замѣнена заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ 6 до 20 лѣтъ.

Доводилось также до нашего свѣдѣнія, что перочинные ножи съ лѣзвіемъ достаточно длиннымъ, чтобы проникнуть въ сердце, разсматриваются, какъ оружіе. Неповиновеніе караулу и вообще властямъ, сопровождаемое неприличными жестами, карается строже, чѣмъ простое неповиновеніе. Въ отношеніяхъ между собой плѣнные должны руководиться товарищескими чувствами и помогать одинъ другому.

Въ общемъ, лично мнѣ, нѣмецкіе военные законы не показались особенно страшными.

Самымъ страшнымъ было выслушать одну и ту же статью разъ 30... Трудно сказать, какъ намъ опротивѣли эти чтенія законовъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Этому же Вальтеру пришла въ голову мысль, чтобы въ каждой комнатѣ находились плѣнные всѣхъ націй. Началась всеобщая перетасовка къ удовольствію одного только Вальтера. Къ намъ, вмѣсто убывшихъ русскихъ, помѣстили трехъ французовъ и двухъ англичанъ.

Съ нашими плѣнными союзниками мы жили мирно, тѣмъ болѣе, что они уходили съ утра на весь день; но ихъ присутствіе насъ все-таки стѣсняло. Мы были плохо одѣты, плохо питались, у насъ были насѣкомыя. Наши же союзники, особенно англичане, находились въ условіяхъ гораздо лучшихъ.

Когда къ намъ привели второго англичанина, 23 - лѣтняго лейтнанта Бети - Смиса, только что взятаго на фронтѣ, то первымъ дѣломъ его было отоспаться. Спалъ онъ безъ просыпу цѣлыя сутки. Потомъ, вставши, вымылся до пояса и написалъ открытку. Черезъ недѣлю онъ уже получилъ бриджи, френчъ и обувь, по праздничному и будничному комплекту, причемъ въ каждомъ комплектѣ была зимняя и лѣтняя смѣна. Наслали ему всевозможныхъ консервовъ, печеній, шеколада; была цѣлая посылка съ книгами и даже комнатный теннисъ. Бети - Смисъ спалъ между Бабинымъ и Суражевскимъ. У перваго изъ всего домашняго уюта имѣлся красный носовой платокъ, а у второго — пустой жестяной портсигаръ. Когда на Бети - Смиса посыпались градомъ посылки, онъ купилъ для храненія полученнаго два большихъ чемодана и объемистый дорожный мѣшокъ. Наполнивъ ихъ до отказа, онъ сталъ класть вещи на полку, которая, на высотѣ человѣческаго роста, шла надъ нашими кроватями. Заставивъ причитающуюся ему долю, Бети - Смисъ, какъ истый бриттъ, увидя пустое пространство, не могъ не захватить его и устроилъ цвѣтущія консервныя колоніи надъ изголовьями Бабина и Суражевскаго.

Оба они жили подъ страхомъ быть когда нибудь раздавленными консервной лавиной. Имѣя также и деньги, Бети - Смисъ никогда не забывалъ заглянуть въ кантину и каждый

разъ приносилъ оттуда большія банки великолѣпныхъ фруктовыхъ и ягодныхъ консервовъ. Они стоили очень недорого, но, увы, для русскихъ и это было недоступно.

Французы тоже имѣли запасы, но все-таки меньшіе, чѣмъ англичане.

Изъ плѣнныхъ, нѣмцы, какъ они сами говорили, ненавидѣли больше всего англичанъ; на многихъ дверяхъ было написано: «Gott strafe England». Жилось же въ плѣну лучше всего именно англичанамъ: нѣмцы боялись ихъ; и у нихъ, такъ же, какъ и у французовъ, табакъ изъ посылокъ не отбирался. Куреніе не прощалось однимъ только русскимъ. На «чтеніяхъ законовъ» должны были присутствовать одни русскіе.

Словомъ, Вальтеръ никогда не упускалъ случая выказать намъ особое вниманіе.

Плѣнные офицеры были раздѣлены на три роты — «Kompagnie», каждая рота имѣла своего шефа, нѣмца офицера — Kompagnieführer.

Въ восемь часовъ утра трубачъ ходилъ по корридорамъ и игралъ «пробужденіе». При этихъ звукахъ, напоминавшихъ ослиный ревъ, плѣнные поднимались. Умывшись и закусивши, кто чѣмъ могъ, всѣ выходили во дворъ. Тамъ насъ выстраивали на площади около столовой.

Первая и третья роты — другъ противъ друга, на разстояніи сорока или пятидесяти шаговъ; вторая помѣщалась между ними, образуя изъ всего построенія фигуру, похожую на букву П. Въ каждой ротѣ стояли по порядку комнаты, и каждая комната — по четыре человѣка въ рядѣ. На самомъ видномъ мѣстѣ находился Stube - Aelteste — старшій по комнатѣ.

На этотъ постъ нѣмцы, обыкновенно, назначали человѣка, знавшаго нѣмецкій языкъ. Въ нашей комнатѣ старшимъ былъ сперва Штейнбергъ, но какъ то разъ, уже поздно вечеромъ, нѣмцы поймали его курившимъ подъ одѣяломъ въ постели. За это онъ просидѣлъ нѣсколько дней подъ арестомъ. Въ отвѣтъ врагамъ, онъ рѣшилъ забыть ихъ языкъ. Когда дежурный офицеръ обратился къ нему съ какимъ то вопросомъ, Штейнбергъ сдѣлалъ удивленное лицо и пожалъ плечами. Соединенными

усиліями мы объяснили дежурному, что лейтенантъ Штейнбергъ забылъ нѣмецкій языкъ. Лейтенанта Штейнберга арестовали еще разъ и разжаловали въ простые плѣнные, съ переводомъ въ другую комнату. Послѣ него у насъ старшимъ сталъ одинъ москвичъ, бывшій студентъ Мангеймскаго Техникума.

Когда плѣнные были уже на мѣстахъ, дежурный офицеръ произносилъ:

— Bitte zum Appel.

Послѣ этого каждый Kompagnieführer обходилъ свою роту въ сопровожденіи фельдфебеля. Послѣдніе имѣли списки плѣнныхъ по комнатамъ. Фельдфебель дѣлалъ перекличку или просто пересчитывалъ людей, затѣмъ щелкалъ каблуками и говорилъ Kompagnieführer'у: «Stimmt». Тотъ прикладывалъ руку къ фуражкѣ, говорилъ намъ: « Danke » и проходилъ съ фельдфебелемъ дальше.

Кончивъ провѣрку своей роты, офицеръ и фельдфебель отходили на середину и ждали, пока не освободятся другіе führer'ы; затѣмъ каждый изъ нихъ козырялъ своей ротѣ въ цѣломъ составѣ, говоря: «Danke sehr, meine Herren».

Плѣнные расходились. Если же былъ дождь, то утренній аппель производился по комнатамъ.

Въ восемь часовъ вечера раздавалась вторая труба; изъ столовой, изъ корридоровъ, изъ чужихъ комнатъ плѣнные шли къ себѣ. Особые караульные наблюдали, чтобы никто не переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ являлся дежурный офицеръ съ фельдфебелемъ, начиналась провѣрка. Тотъ же трубный звукъ объявлялъ, что «Appel zum Ende». Черезъ полчаса послѣ этого, въ комнатахъ гасъ свѣтъ, и лампочки горѣли лишь въ корридорахъ.

Въ пожарномъ отношеніи нашъ лагерь былъ очень опасенъ. Только однѣ наружныя стѣны были кирпичныя; полы, потолки, лѣстницы, толстыя балки, шедшія снизу до верха — все это было деревянное, страшно сухое, пропитанное машиннымъ масломъ. Лагерныя власти, видимо, очень боялись пожара; по обоимъ концамъ всѣхъ корридоровъ стояли большіе

металлическіе чаны съ водой; около нихъ висѣли полотняныя ведра. Ночью по корридорамъ, съ цѣлью надзора, бродили часовые; они стучали сапогами, барабанили по чанамъ, а иногда развлекали насъ иными звуками. Французы отъ нихъ ворочались въ кровати и говорили: «cochon», а русскіе давились отъ смѣха.

Въ нашей комнатѣ всѣ націи ложились одновременно. Исключеніемъ былъ Бэти - Смисъ. Послѣ вечерняго аппеля онъ, обыкновенно, уходилъ въ другую комнату, къ своимъ пріятелямъ и приходилъ, когда большинство уже спало. Онъ потихоньку раздѣвался, открывалъ осторожно форточку и ложился подъ свои плэды, пальто и одѣяла.

Ночью радіаторъ не дѣйствовалъ, и въ комнатѣ подчасъ бывало очень прохладно. Однихъ нѣмецкихъ одѣялъ было недостаточно, и каждый накрывался поверхъ одѣялъ, чѣмъ было возможно. Но въ то время, какъ у союзниковъ было много теплыхъ вещей, у насъ ихъ почти не было. Въ шинеляхъ водились насѣкомыя, укрываться ими было непріятно. Поэтому мы предпочитали закрытую форточку; французы держали нейтралитетъ, они мирились и съ закрытой.

Но не мирился съ этимъ Бэти - Смисъ; чтобы избѣжать разговоровъ, онъ открывалъ форточку, когда мы уже спали. Богу одному извѣстно, до какого часа онъ долженъ былъ не спать, чтобы подкараулить этотъ моментъ.

Чего мы только ни дѣлали: закручивали створки форточки проволокой; ставили на столъ стулъ, на стулъ чайники, кружки, тазы, и вообще все то, что могло шумѣть при паденіи; затѣмъ приводили всю эту систему въ состояніе неустойчиваго равновѣсія, одинъ конецъ бичевки привязывали къ ножкѣ стула, другой — къ форточкѣ, отворявшейся наружу; на полу, по пути къ окну, протягивали бичевочныя загражденія.

Проснувшись утромъ отъ холода, мы видѣли, погребеннаго подъ толстымъ слоемъ теплаго, мирно спавшаго Бэти - Смиса, а на полу, подъ открытой форточкой, большую лужу отъ растаявшаго снѣга.

Правда, мы иногда рано утромъ слышали грохотъ: это

Григорій, не разглядѣвши, попадалъ въ минированное поле и валилъ наши хитро-придуманныя шутки, въ которыхъ ни разу не запутался Бэти-Смисъ.

Наша чувствительность къ холоду удивляла союзниковъ. Имъ казалось, что мы, какъ сѣверяне, должны хорошо переносить холодъ, — на дѣлѣ же мы зябли больше, чѣмъ они. Это происходило просто отъ того, что они носили теплое бѣлье, а мы — нѣтъ. Понемногу, Бэти-Смисъ пріучилъ насъ къ открытой форточкѣ. Это была его побѣда.

Въ свою очередь мы отучили его пользоваться нѣкоторой принадлежностью ночного обихода. Не желая разводить запаховъ въ комнатѣ, мы рѣшили не трогать нѣкоего сосуда; французы тоже согласились на это. Пользовался имъ одинъ Бэти-Смисъ, по возвращеніи отъ пріятелей, передъ сномъ. Вазу мы прятали, вѣшали на стѣнку, ставили подъ кровати, но Бэти-Смисъ всюду находилъ ее.

Наконецъ, Смирновъ, нашъ Stube - Aelteste, придумалъ, штуку.

Онъ добылъ въ кантинѣ длинную крѣпкую бичевку и, когда погасъ свѣтъ, поставилъ сосудъ на обычное мѣсто, но одинъ конецъ бичевки привязалъ къ его ручкѣ, а другой взялъ къ себѣ на кровать. Комната улеглась, съ нетерпѣніемъ ожидая прихода Бэти-Смиса. Тотъ пришелъ въ обычное время, полежалъ немного на кровати и, осторожно, направился къ мѣсту нахожденія сосуда. Подойдя на соотвѣтствующее разстояніе, Бэти - Смисъ протянулъ руку взять бѣлѣвшійся въ темнотѣ предметъ. Но тотъ, качнувшись, метнулся прочь. Бэти - Смисъ сдѣлалъ еще шагъ съ вытянутой рукой; но горшокъ, загремѣвъ, отпрыгнулъ на два. Бэти-Смисъ остановился; онъ ничего не понималъ. Затѣмъ, быстро нагнувшись, онъ еще разъ попытался схватить внезапно ставшій одушевленнымъ предметъ. Но горшокъ описалъ на полу кривую и, гремя боками, исчезъ подъ чьей то кроватью.

Съ минуту всѣ сдерживались, потомъ сразу разсмѣялись. Хохотали до слезъ. Не отставалъ отъ другихъ и Бэти - Смисъ. Но съ этихъ поръ пользоваться сосудомъ онъ уже пересталъ.

И это была наша побѣда.

Не преслѣдуя англичанъ за куреніе, не принуждая ихъ слушать чтеніе законовъ, нѣмцы въ то же время донимали ихъ другимъ способомъ: для наведенія порядка въ уборныхъ они брали исключительно англійскихъ солдатъ. Изъ послѣднихъ особенно выдѣлялся одинъ: красивый, чисто выбритый, тщательно причесанный, въ разглаженныхъ брюкахъ и постоянно свѣжей рубашкѣ. Одни про него говорили, что это клэркъ какого-то большого лондонскаго банка, другіе же произвели его въ студенты Оксфордскаго Университета, добровольцемъ отправившагося на войну. Именно его-то нѣмцы и заставляли чаще всѣхъ работать въ уборныхъ.

Всѣмъ становилось смѣшно, когда этотъ джентльмэнъ, одѣтый съ иголочки, съ трубкой въ зубахъ, вооружившись пожарной кишкой, наводилъ порядокъ въ уборныхъ, подъ наблюденіемъ нѣмца, мирно сосавшаго свою трубку. Англичане-офицеры, видимо, сочувствовали своему компатріоту, но сдѣлать ничего не могли.

Это самое учрежденіе, гдѣ попиралась британская гордость, было,кромѣ того,мѣстомъ тихой, но упорной борьбы между свѣтлыми русичами и нѣмецкой комендатурой. Оно представляло изъ себя длинный сарайчикъ подъ крышей и стояло немного поодаль отъ самаго зданія. На входной двери съ обѣихъ сторонъ карандашомъ было написано: «Gott strafe England». Внутри имѣлся рядъ кабинетиковъ, по-нѣмецки чистенькихъ, веселенькихъ и похожихъ на скворешни. Сидѣнія были безупречны.

Но свѣтлые русичи не пожелали садиться на одну доску даже со своими союзниками, и вскорѣ сидѣнія были запачканы не одними только сапогами. Нѣмцы ругались, джентльмэнъ съ кишкой — тоже; попробовали заставить самихъ русскихъ чистить уборныя, но это дѣлу не помогло.

Тогда на однихъ кабинетахъ нѣмцы краснымъ карандашомъ написали: «nur für englische und franzœsiche Offiziere», а на другихъ: «nur für Russische».

На другой день эти надписи были зачеркнуты и появи-

лись новыя, сдѣланныя уже синимъ карандашомъ, по которымъ иностранныя скворешни отводились для русскихъ, а русскія для иностранцевъ.

Оказалось, что это сдѣлалъ какой то шутникъ изъ плѣнныхъ, и нѣмцы должны были востановить каждую націю въ ея правахъ; для этого въ кулуарахъ помѣстили здороваго ландштурмиста. Но онъ только молчалъ, сосалъ все время трубку и презрительно сплевывалъ. Послѣ его ухода на многихъ дверяхъ можно было прочесть: «Gott strafe England» и «Deutschland über alles».

Рѣшили снять двери. Стыдливые стали приходить ночью, но привычекъ своихъ не бросили. Кромѣ того, противъ политики открытыхъ дверей запротестовали и иностранцы, особенно англичане. Изобрѣтательному Вальтеру пришла въ голову мысль устроить покатыя сидѣнія. Хочешь не хочешь, а садись. Не помогло. Свѣтлые русичи упирались руками въ стѣнки, слетали часто съ сидѣній, лбомъ открывая двери, но оставались вѣрными себѣ.

Тогда нѣмцы прибили вверху планку, — если кто хотѣлъ приподняться, тотъ стукался о нее головой. Черезъ день въ этихъ мѣстахъ появился Вальтеръ посмотрѣть на послѣдствія хитрой выдумки. Но, увы! Отъ планокъ не осталось даже и слѣда: ихъ выломали и бросили. Тогда съ сидѣній рѣшили снять всѣ доски, оставивъ лишь узенькую балку; сверху же, чтобы невозможно было сломать, приколотили здоровенную плаху; русичи садились на эту плаху и вели себя по своему.

Нѣмцы опустили руки. Зато мы много смѣялись.

ГЛАВА VI.

Первое время мы не могли получить даже маленькаго клочка печатной бумаги. И мы питались слухами, тѣмъ, что удавалось прочесть изъ положенной вверхъ ногами въ кантинѣ газеты, и сообщеніями ландштурмистовъ. Они, принося

папиросы, кое-какъ и кое-что сообщали нашимъ деньщикамъ, а тѣ дѣлились полученными новостями со своими офицерами. Больше всего интересовалъ вопросъ о мирѣ. Все, что носилось въ воздухѣ относительно конца войны, обсуждалось въ лагерѣ на всѣ лады. Въ благополучный для Россіи исходъ войны мы твердо вѣрили. Отдѣльный миръ съ Германіей представлялся немыслимымъ, и о немъ никогда не было рѣчи. Офицеры и солдаты, отвѣдавъ плѣна, были спаяны однимъ и тѣмъ же духомъ — «война до конца».

И вечеромъ, когда тушились огни въ комнатахъ, плѣнные спускались внизъ; здѣсь — въ длинномъ, крытомъ корридорѣ, соединявшемъ самое зданіе и уборныя, они собирались и разсказывали новости прошедшаго дня: кто что прочелъ, кто что слышалъ, кто какое получилъ письмо. Собранія эти насъ всѣхъ очень интересовали, и каждая комната посылала своего представителя — послушать, что говорятъ на «Брехаловкѣ».

Вечеромъ Брехаловка шумѣла, какъ римскій форумъ. Тутъ всѣ имѣли право говорить и слушать. Больше всего пользовались успѣхомъ лица, говорившія увѣреннымъ тономъ и незнавшія сомнѣній. Они успокаивали малодушныхъ, чертили карты на стѣнкахъ и разбивали нѣмцевъ въ пухъ и прахъ. Обсуждались на Брехаловкѣ также и причины русскихъ неудачъ.

Самымъ строгимъ критикомъ русскихъ порядковъ былъ прапорщикъ Сатинъ — съ одной стороны революціонеръ, демократъ, съ другой — тамбовскій помѣщикъ. Ничѣмъ русскимъ онъ не былъ доволенъ.

Полной противоположностью ему былъ ротмистръ Кобедевъ. Онъ наносилъ нѣмцамъ пораженіе за пораженіемъ, тѣснилъ ихъ, заставлялъ просить мира и заплатить Россіи громадную контрибуцію. Недостатковъ не было, все было прекрасно.

Для лицъ, съ нимъ несогласныхъ, ротмистръ Кобедевъ имѣлъ записную книжечку, туда онъ вносилъ фамиліи критиковъ и лицъ вообще недовольныхъ русскими порядками.

Какъ за достовѣрный фактъ выдавали, что у одного плѣннаго, артиллериста - генерала, есть папка, куда онъ складываетъ всѣ, записанныя ротмистромъ Кобедевымъ и его сторонни-

ками, неосторожныя слова съ фамиліями лицъ, ихъ произнесшихъ.

Добровольный сыскъ ротмистра Кобедева и сплошное, полное злобы, отрицаніе прапорщика Сатина, производили на плѣнныхъ одинаково отталкивающее впечатлѣніе.

Однажды утромъ, къ намъ въ комнату пришелъ лейтенантъ Вальтеръ съ тощимъ каталогомъ и объявилъ, что можно выписывать книги. Мы набросились на каталогъ. Это былъ списокъ запрещенныхъ въ Россіи произведеній, — изданія какой то Лейпцигской фирмы. Тутъ была «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи» Туна, полное «Воскресеніе» Толстого, «Тайны дома Романовыхъ» неизвѣстнаго автора, запрещенныя стихотворенія Пушкина и Лермонтова, стихи поэта Баркова.

Вскорѣ все это появилось въ лагерѣ.

Самый большой успѣхъ имѣлъ Барковъ, потомъ Толстой; запрещенныя произведенія Пушкина и Лермонтова оказались намъ давно извѣстными: только вмѣсто многоточій были поставлены слова; а они были нами подобраны еще на гимназической скамьѣ. О «Тайнахъ дома Романовыхъ» можно сказать, что въ этой книгѣ тайнъ не было, такъ же, какъ и дома Романовыхъ. И почему авторъ далъ такое заглавіе собранію десятка анекдотовъ о неизвѣстныхъ графахъ, князьяхъ и пр., — намъ было совершенно непонятно.

Въ присланныхъ книгахъ оказались безплатныя приложенія — разныя брошюрки и прокламаціи. Вотъ что писалось въ одной изъ нихъ и съ какимъ знаніемъ русскаго языка:

— ...мужикъ Елисѣй жилъ себѣ совсѣмъ по несчастному. Онъ снималъ себѣ квартиру у помѣщика и въ потѣ лица своего ходилъ въ поле на заработу...

Кромѣ книгъ и брошюръ, многіе изъ офицеровъ получили анонимныя предложенія вступить въ какой то русскій соціалъ-демократическій союзъ въ Лейпцигѣ. Первымъ пунктомъ программы этого союза былъ немедленный миръ, вторымъ — полное равноправіе народностей въ Россіи. Получилъ такую брошюру и Ардышевичъ. Онъ повертѣлъ ее и передалъ мнѣ.

— Не понимаю — имя мое, фамилія моя, но заграницей я никого не знаю. Кто же могъ прислать ее мнѣ?

Наши генералы забезпокоились.

Пропаганда!.. Образовался «комитетъ общественнаго спасенія». Начали ловить брошюрки и предавать ихъ уничтоженію. За одно стали записывать и тѣхъ, кто читалъ эту чепуху.

Ротмистръ Кобедевъ образовалъ особый отрядъ изъ добровольцевъ всѣхъ родовъ оружія для слѣжки за неблагонадежными. Потомъ старшимъ генераломъ былъ выпущенъ приказъ: военно-плѣнные приглашались соблюдать правила воинской вѣжливости и привѣтствовалъ другъ друга и старшихъ; совѣтовалось также воздержаться отъ чтенія нерекомендованныхъ книгъ и, кажется, было обѣщано устроить что то вродѣ предварительной цензуры.

Но это было совершенно излишне.

Гнусные пасквили на Россію и на все русское были подбиты черезчуръ откровенной злобой, чтобы кто нибудь могъ дать имъ вѣру.

И лагерь смѣялся и плевался, — но первая попытка антирусской агитаціи и пораженческой пропаганды не удалась. Вся эта письменность въ концѣ концовъ сносилась плѣнными въ уборныя и тамъ находила себѣ конецъ.

Въ это же время у Бабина произошло столкновеніе съ однимъ изъ членовъ «комитета общественнаго спасенія».

Какъ то вечеромъ, отъ нечего дѣлать, мы устроили маскарадъ; Бабинъ замаскировался при помощи полотенецъ и всякаго сподручнаго матеріала русской боярышней. Боярышня вышла изъ него такая хорошенькая, что даже добродѣтельный Бети - Смисъ не выдержалъ и посадилъ ее себѣ на колѣни. Ряженые ходили повсюду и вездѣ имѣли успѣхъ. Караульные, бродившіе по корридорамъ, таращили глаза. Наконецъ, ряженые попали въ комнату, гдѣ подъ лампочкой одинъ ротмистръ съ большой лысиной увлекался Барковымъ. Ряженыхъ ротмистръ встрѣтилъ наставленіями.

— Въ то время, когда на фронтѣ льется кровь и гибнутъ люди...

Дальше была Россія, офицерскій мундиръ и т. д. Нотація была вразумительная. Самолюбивый Бабинъ вспыхнулъ.

— Заниматься шпіонствомъ, читать Баркова — не стыдно, это не унижаетъ офицерскаго мундира, а просто повеселиться позорно?!.»

«Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою»...

Но стремленіе скрасить и наполнить чѣмъ нибудь нашу жизнь было неистребимо.

— Господа, у кого изъ васъ есть голосъ и кто хочетъ пѣть, пусть придетъ сегодня въ комнату № 48. Тамъ мы сдѣлаемъ пробу и, можетъ быть, составится хоръ», — заявилъ намъ однажды Клавдій Ивановичъ. Клавдій Ивановичъ, на войнѣ — прапорщикъ, въ миру — банковскій служащій, прихрамывавшій на раненую ногу, очень любилъ пѣніе.

Голосовъ въ лагерѣ оказалось немало и голосовъ хорошихъ. Многіе пѣли въ Россіи — кто въ церкви, а кто и на сценѣ. Регентомъ былъ выбранъ единогласно Клавдій Ивановичъ. Я тоже пошелъ послушать. Пѣвчіе, собравшись въ углу, стали откашливаться, послышался звукъ гудящей трубы и звенящаго золота: басы и тенора пробовали свои силы. Для начала, въ пику нѣмцамъ, спѣли русскій гимнъ. Тонкія переборки не могли сдержать звуковъ, и сильной волной голоса прокатились по корридорамъ и комнатамъ. Французы и бельгійцы останавливались и прислушивались съ удивленіемъ. Нѣкоторые подходили къ дверямъ и, постоявши, на цыпочкахъ входили въ комнату. Появились французскіе преторы, пришелъ изъ нижняго этажа на двухъ костыляхъ французскій кавалеристъ, за нимъ — высокій бельгійскій офицеръ.

Запѣли «Вечерній звонъ».

Пришли и встали въ сторонкѣ нѣмцы. Ввалились гурьбой англичане, съ засунутыми въ карманы руками.

Пѣніе дало нѣкоторый исходъ настроенію плѣнныхъ, и спѣвки стали происходить почти каждый день. На нихъ появлялся гауптманъ, самъ музыкантъ; онъ выхлопоталъ для хора камертонъ, нотную бумагу и письменныя принадлежности.

Пришелъ на одну изъ спѣвокъ и лейтенантъ Вальтеръ. Понравилось ему пѣніе или нѣтъ, онъ оставилъ это при себѣ; но съ этихъ поръ къ хору нѣмцы стали относиться съ извѣстнымъ вниманіемъ и даже отвели въ полное распоряженіе Клавдія Ивановича комнату, гдѣ собирались пѣвчіе.

Хоръ имѣлъ большой успѣхъ, особенно у иностранцевъ. Преторы даже просили переложить на ноты и перевести «Ночь сошла на землю». Потомъ одинъ изъ нихъ, по прозванію «Заячья губа», ходилъ по утрамъ въ корридорѣ и разучивалъ ее, отбивая тактъ кивками головы.

— Какіе чудесные напѣвы, — говорилъ одинъ преторъ другому, выходя однажды со спѣвки.

— А какіе голоса! — отозвался другой.

— Они поютъ, какъ настоящіе артисты, — сказалъ высокій бельгіецъ.

Удивляло иностранцевъ также и разнообразіе мотивовъ. Сдержаннѣе всѣхъ относились англичане. Но и они были побѣждены, когда Клавдій Ивановичъ съ хоромъ пропѣлъ «Эй, ухнемъ». Эти приближающіеся и снова удаляющіеся голоса забрали ихъ за живое.

Можетъ быть, это пѣніе и навело кого нибудь изъ нихъ на мысль, что русскіе не такіе ужъ варвары, какъ они себѣ представляли.

Вскорѣ послѣ того разрѣшили пріобрѣтать научныя книги и учебники новыхъ языковъ, чѣмъ воспользовались многіе изъ плѣнныхъ. Къ сожалѣнію, выписка книгъ была сперва обставлена массой стѣснительныхъ формальностей; заказы шли черезъ комендатуру и приходили иногда мѣсяцъ спустя. Часто случалось, что къ моменту полученія книги заказчикъ успѣвалъ поиздержаться, и книга шла обратно въ магазинъ. Но тѣмъ не менѣе, очень многіе изъ насъ обзавелись учебниками, главнымъ образомъ нѣмецкаго и французскаго языковъ, и принялись за зубрежку.

Другіе же продолжали по-прежнему ничего не дѣлать.

Праздное время заполнялось обыкновенно карточной игрой. Играли въ преферансъ и въ азартныя игры. Преферансъ

былъ еще терпимъ. Игроковъ было всего четверо, они никому не мѣшали и вели потихоньку свои записи. Но бѣда, когда начинали играть во что нибудь азартное: занимали всѣ стулья, садились на ближайшія кровати, въ комнатѣ дѣлалось душно и тѣсно. Играющихъ стали изгонять. Тогда они свили себѣ гнѣздо въ столовой. Нѣмцы издавали приказъ за приказомъ противъ азартныхъ игръ, но на это не обращали вниманія.

Вначалѣ у всѣхъ денегъ было мало, и ставки были небольшія. Но съ теченіемъ времени денегъ въ лагерѣ прибавлялось: одни получали изъ дому, другіе попадали въ плѣнъ съ крупными суммами. Нѣкоторые изъ такихъ капиталистовъ, обмѣнявъ рубли на марки, почувствовали себя свободнѣе, и стали закладывать банки покрупнѣе.

Самымъ богатымъ банкиромъ считался одинъ вольноопредѣляющійся-сибирякъ. Бросивъ обязанности товарища прокурора, онъ поступилъ добровольцемъ въ одинъ изъ сибирскихъ полковъ. Командиръ полка сдѣлалъ его чѣмъ-то вродѣ личнаго секретаря. Нѣмецкая развѣдка захватила ихъ обоихъ ночью, во время сна, а съ ними также знамя, денежный ящикъ, телефоны, пулеметы. На радостяхъ, нѣмцы даже не обыскали ихъ, и все, что они имѣли на себѣ, осталось нетронутымъ. Благодаря этому, товарищъ прокурора, потерявъ всѣ пулеметы, сохранилъ тысячи, данныя ему на хозяйственныя надобности. Сперва нѣмцы хотѣли отправить его, какъ нижняго чина, въ солдатскій лагерь. Но его полковникъ вступился за него и сказалъ, что онъ его родственникъ. Нѣмцы тогда оставили товарища прокурора въ покоѣ.

За карты въ столовой усаживались сразу послѣ утренняго аппеля. Банкометы садились за столъ, вынимали изъ кителей бумажники и доставали оттуда деньги. Ихъ быстро окружала толпа; надежда на выигрышъ проникала въ души всѣхъ зрителей, и самыя тугоплавкія добродѣтели таяли въ огнѣ азарта и случая.

Несчастная мелочь, жившая на 2 марки въ день, разъ начавъ играть, остановиться уже не могла. Иногда, даже отложивъ въ сторону небольшой выигрышъ, малоимущіе все-таки

продолжали играть дальше, мечтая объ ужинахъ, обѣдахъ, обуви и т. п. Кончалось это тѣмъ, что марки мечтателей, сплошь да рядомъ взятыя въ долгъ, прилипали къ рукамъ банкометовъ.

Если кто нибудь послѣ небольшого выигрыша вставалъ и уходилъ, банкометы ворчали:

— Обрадуется, что выигралъ, и бѣжитъ прочь; не подумаетъ, какъ невѣжливо уходить, когда игра еще не кончена...»

Когда же всѣ игроки были общипаны, банкометъ поднимался.

— Что-жъ мнѣ съ вами продолжать: проиграть я могу, а выиграть — врядъ-ли.

Результатъ всегда былъ одинъ и тотъ же — у имѣвшихъ имущество пріумножалось, у остальныхъ оно уменьшалось. Малосостоятельные, проигравшись вдребезги, переставали ѣсть и быстро наживали себѣ малокровіе.

Союзники часто останавливались у стола, гдѣ играли русскіе, и смотрѣли на игроковъ. Видимо, они не могли понять, откуда у этихъ обдерганныхъ и голодавшихъ людей такъ много денегъ; сами же участія въ игрѣ не принимали.

Наши деньщики начали подражать своимъ офицерамъ. Комендантъ лагеря просилъ русскаго генерала принять участіе въ борьбѣ противъ азарта; генералъ издалъ нѣсколько приказовъ, но успѣха они не имѣли. Появились шуллера: нѣсколько человѣкъ были пойманы съ мѣченными картами; другіе такъ были счастливы въ игрѣ, что съ ними стали бояться играть.

Передъ Рождествомъ начали дѣйствовать ванны и души, устроенные въ бывшемъ машинномъ отдѣленіи. Наше банное заведеніе представляло рядъ чуланчиковъ по обѣимъ сторонамъ досчатой стѣнки: на одной сторонѣ находились души, на другой — ванны. Душъ стоилъ полъ-марки, а ванна — марку.

Мнѣ хотѣлось вымыться, какъ слѣдуетъ, и я рѣшилъ взять ванну, хотя разница въ полъ марки и была для меня чувствительной. Оказалось, что я не прогадалъ. Въ ближайшемъ ко мнѣ душѣ сидѣлъ Бабинъ. Въ то время, когда я спокойно ле-

жалъ въ горячей ваннѣ, онъ все время ухалъ и приплясывалъ.

— Бабинъ, какъ у васъ съ водой? — спросилъ его изъ сосѣдняго душа Суражевскій.

— Плохо: то одна горячая, то одна холодная; то заморозить, то какъ поросенка ошпаритъ».

— У меня тоже такъ, — отвѣтилъ Суражевскій, — я уже весь намылился и не могу смыть мыла.

Я вымылся, одѣлся и ушелъ, а Бабинъ съ Суражевскимъ все еще сидѣли и ухали.

Новый годъ мы встрѣчали, лежа въ постели, но никто изъ насъ не спалъ; по кроватямъ ходила большая банка яблочнаго мусса вмѣсто шампанскаго.

Хотѣлось вѣрить, что слѣдующій новый годъ мы будемъ встрѣчать въ Россіи.

— Не можетъ война продолжаться долго; самое позднее въ мартѣ - апрѣлѣ придутъ къ соглашенію и заключатъ миръ, — говорилъ кто то въ темнотѣ.

— Я бы самъ такъ хотѣлъ, но только нѣмцы упорный народъ; лопнетъ скорѣе, но свое взять постарается. И организація у нихъ удивительная, — говорилъ Смирновъ, четыре года проживший въ Германіи.

— А если у нихъ голодъ начнется, что-жъ имъ тогда подѣлать? — спросилъ Бабинъ.

— Сперва они плѣнныхъ уморятъ, а потомъ ужъ сами начнутъ голодать, — увѣренно отвѣтилъ Смирновъ.

Мы замолчали. Въ томъ, что всѣ лишенія и бѣдствія должны были отразиться, прежде всего, на плѣнныхъ, у насъ не было сомнѣнія.

15-й годъ зашагалъ быстро.

Перепадалъ иногда снѣгъ; плѣнные выбѣгали тогда во дворъ и съ увлеченіемъ играли въ снѣжки. И я, запахиваясь въ свою безпуговичную шинель, наступалъ на французовъ и англичанъ.

Однажды, незамѣтно подкравшійся преторъ залѣпилъ мнѣ лицо большимъ пушистымъ снѣжкомъ. Я побѣжалъ за нимъ. И

вдругъ почувствовалъ, что не могу бѣжать: неожиданно сердце забилось такъ, что я самъ слышалъ его біеніе. Ноги стали страшно тяжелыми; онѣ словно вязли въ глубокой липкой грязи. Я бросилъ преслѣдованіе врага и пошелъ къ себѣ наверхъ. Подниматься было очень тяжело; приходилось отдыхать на каждомъ этажѣ. Придя, я легъ; я не понималъ, что со мной. Но, при видѣ лежащаго на полкѣ хлѣба и масла, все внутреннее недомоганіе превратилось въ ощущеніе остраго, неутолимаго голода. Этотъ неожиданный приступъ встревожилъ меня, и въ снѣжки я больше играть не рѣшался.

Вскорѣ послѣ новаго года въ нашу комнату привели новаго русскаго плѣннаго. Это былъ молодой артиллерійскій прапорщикъ. Одна нога его была обута въ длинный, какъ лыжа, старый, покоробившійся штиблетъ, а другая — въ нѣмецкій солдатскій сапогъ.

— Высотскій, — отрекомендовался вновь прибывшій.

Оказалось, что онъ былъ раненъ подъ Варшавой осколкомъ въ почку и на перевязочномъ пунктѣ захваченъ въ плѣнъ. Вмѣстѣ со своими ранеными нѣмцы направили его въ госпиталь, сначала въ Бромбергъ, а потомъ въ Геттингенъ; во время этой поѣздки у него пропали сапоги. Найти ихъ не могли, денегъ купить новые не было. Тогда нѣмецкій докторъ далъ ему свой одинъ штиблетъ (другой былъ разорванъ щенкомъ), — а служитель принесъ сапогъ одного раненаго, оказавшійся, вслѣдствіе ампутаціи ноги, ненужнымъ его бывшему владѣльцу.

Высотскій поселился по сосѣдству со мной. Послѣ полученія имъ писемъ изъ Россіи, у него часто напухали вѣки и, чтобы скрыть свое волненіе, онъ дергалъ Бабина за длинные, какъ у дьячка, волосы.

— Какъ живутъ они тамъ безъ меня? Семья у насъ большая, мать старуха, братъ въ реальномъ, сестра гимназію кончаетъ, а работникъ я одинъ, — тревожился онъ.

Письма изъ Россіи были для насъ самымъ большимъ утѣшеніемъ.

Раздавали ихъ обыкновенно вечеромъ передъ аппелемъ.

Разносилъ письма Фрицъ. Его появленіе въ комнатѣ вызывало переполохъ; всѣ слетались къ нему, какъ куры на зерно. Медленно, переиначивая фамиліи, онъ вызывалъ адресатовъ. Они брали съ сердечнымъ содраганіемъ небольшіе, бѣлые прямоугольники, написанные тамъ, въ далекой Россіи.

Вся наша переписка просматривалась комендатурой, которая, для этой цѣли, держала переводчика. На всѣхъ выдаваемыхъ плѣннымъ письмахъ стоялъ большой, четкій штемпель: «geprüft». По всей вѣроятности, и то, что писали мы, уходило въ Россію съ такимъ же штемпелемъ.

Намъ разрѣшалось отправить въ мѣсяцъ четыре открытки и одно закрытое письмо. Въ столовой на стѣнѣ висѣло три ящика, для французскихъ, англійскихъ и для русскихъ писемъ. Все написанное опускалось въ соотвѣтствующій ящикъ; подъ вечеръ приходилъ Фрицъ, дѣлалъ выемку и вѣшалъ на гвоздикъ, невдалекѣ, списокъ лицъ, на имя которыхъ были получены въ комендатурѣ посылки.

Посылки выдавались, обыкновенно, утромъ, въ отведенной для этого комнатѣ. Посылка вскрывалась на глазахъ владѣльца, и содержимое ея просматривалось однимъ изъ нѣмцевъ. Иностранныя газеты, штатскіе костюмы, инструменты, которыми можно было бы перерѣзать проволоку — въ лагерь не пропускались.

Книги выдавались послѣ предварительнаго ихъ осмотра въ комендатурѣ.

Нашими сосѣдями слѣва были французы-претры, или «преторы», какъ въ лагерѣ, для легкости, называли всѣхъ лицъ, духовнаго званія, безъ различія чиновъ. Въ ихъ комнатѣ всегда было тихо. Они или сидѣли у себя, или гуляли по корридору, перебирая четки и читая молитвы. Зато въ комнатѣ справа, гдѣ жили русскіе, все время пѣли, шумѣли или громко разговаривалич Главнымъ зачинщикомъ былъ поручикъ Бородавкинъ. Нрава онъ былъ непосѣдливаго.

На заборѣ сидитъ котъ,
У кота болитъ животъ.

Запѣвалъ Бородавкинъ. И вся комната сразу подхватывала:

Химія, химія, —
Сугубая химія.

Въ этой же комнатѣ жилъ прапорщикъ Михайловъ, лицо значительное въ торговомъ мірѣ Петрограда.

— Максимычъ! — взывалъ онъ къ своему сосѣду, служащему одной изъ большихъ автомобильныхъ фирмъ, — взыграй что-нибудь на гитарѣ.

Максимычъ бралъ гитару и начиналъ безжалостно щипать струны:

На стѣнѣ патретъ виситъ,
На одну меня глядитъ,
Это тошно, невозможно,
Безъ милого жить нельзя.

— Максимычъ, — заканчивалъ Михайловъ концертъ: — вѣрь, съ тоской пою. Выпить бы теперь — т.-е. въ самую пору. Сначала бы по махонькой, а потомъ еще по махонькой, да закуси на зубъ взять, бутербротъ съ икрой, скажемъ. Разскажи-ка, для утѣшенія, какъ ты пьянствовалъ въ Питерѣ.

Максимычъ долго просить себя не заставлялъ.

— Былъ въ нашей конторѣ телефонъ. Какъ только шефы мои вонъ, я это сейчасъ къ нему. Плюнешь разъ — пива тебѣ несутъ, плюнешь два — изъ ресторана сосиски съ капустой тащутъ, бутерброды, раковъ, грибочковъ разныхъ, словомъ, что къ пиву полагается. Вотъ разъ мои шефы ушли и остались въ магазинѣ я да механикъ. Сейчасъ же, чтобы времени не терять, за пивомъ послали. А столикъ то со всѣмъ благоутробіемъ за автомобилями поставили. Войдетъ кто въ магазинъ — слышно будетъ, а насъ то не видно. Ладно. Засѣли мы, основательно такъ. Разъ послали за резервами, два — послали, а потомъ и считать бросили. Заколодило словно насъ: пиво есть, закуски нѣтъ, закуска есть — пива нѣтъ; а одно безъ другого нейдетъ, и между ними всегда балансъ надо держать.

— Дѣло извѣстное, — сказалъ Михайловъ, — балансъ нуженъ точный.

— Стали мы напослѣдокъ-то дорогу къ телефону плохо находить. Пойдешь къ нему, и вдругъ по дорогѣ «Фіатъ» выростетъ. И совсѣмъ неизвѣстно, почему. Въ сторону вернешь — на «Бенца» наткнешься. И выйти невозможно.

Заспорили мы съ механикомъ — чья машина лучше: «Бенцъ» или «Фіатъ». Рѣшили испытать. Я за пассажира сѣлъ, а онъ за шоффера. Я какъ сѣлъ, такъ и заснулъ. А потомъ хозяинъ пришелъ съ покупателемъ какимъ то: «Бенца» привелъ его смотрѣть. Только это шефъ за ручку взялся, я въ себя пришелъ; онъ одну дверцу открываетъ, а я изъ другой ракомъ ползу. Картина, Василичъ, была!..

— А шоффер какъ же? — освѣдомился Василичъ.

— А тотъ тоже заснулъ, сидя на рулѣ; померещилось ему во снѣ, что у сосѣдняго «Фіата» моторъ испортился; онъ проснулся, взялъ инструменты и залѣзъ подъ машину, да тамъ такъ съ инструментами снова и заснулъ...

Кантинщикъ прекрасно зналъ, какія прибыли кладутъ себѣ въ карманъ ландштурмисты и деньщики, торговавшіе папиросами, и осаждалъ комендатуру просьбами разрѣшить снова продавать табакъ. Дѣло это тянулось долго.

Наконецъ, ему разрѣшили продавать жевательный табакъ.

— Ликуйте народы!.. — возгласилъ однажды вечеромъ Смирновъ и положилъ на столъ нѣсколько штучекъ, величиной съ обыкновенную тянушку. Каждая изъ нихъ была завернута въ серебряную бумажку, поверхъ которой шла розовая полоска, а на ней было написано: «Kau-Tabak».

— Что это такое? — спросили мигомъ слетѣвшіеся курильщики.

— Нѣмецкій жевательный табакъ, — отвѣтилъ Смирновъ.

Развернули обложку; въ ней оказался черный жгутъ, длиной и толщиной съ карандашъ. Пахло отъ него черносливомъ и еще чѣмъ то, очень напоминавшимъ кипящій асфальтъ. Начали обсуждать, что дѣлать — жевать его или курить. Нашлось двое, рискнувшихъ попробовать жевать.

Каждому изъ нихъ отрѣзали по небольшому кусочку жгу-

та. Оба экспериментатора храбро отправили каждый свою долю въ ротъ и принялись жевать.

Лица ихъ начали быстро принимать выраженіе самаго неподдѣльнаго отвращенія, и одинъ изъ нихъ, не выдержавъ, вытащилъ изо рта табакъ и побѣжалъ къ ведру полоскать ротъ. Другой храбрился; но потомъ неожиданно громко икнулъ, сплюнулъ въ ведро и, закрывъ ротъ рукой, бурей помчался внизъ.

Попробовали курить «Кау-табакъ». Для этого отрѣзали небольшой кусочекъ, высушили его на радіаторѣ, покрошили и сдѣлали собачью ножку. Но отъ первой же затяжки захватывало дыханіе и выступали слезы: словно горячій комъ, обсыпаный перцемъ, вкатывался во внутрь и немилосердно жегъ горло.

Но, въ концѣ концовъ, мы все-таки научились дѣлать изъ кау-табака обыкновенный табакъ.. Для этого жгутъ разкорачивался и мочился въ водѣ; когда всѣ специи отходили, мы получали обыкновенный табачный листъ; его сушили, рѣзали и курили. Чѣмъ дольше мочили, тѣмъ мягче получался табакъ. Съ теченіемъ времени появились спеціалисты, приготовлявшіе табакъ желаемой крѣпости.

На папиросной биржѣ появленіе кау-табака вызвало панику. Цѣны на сигары и папиросы сразу понизились.

ГЛАВА VII.

Зимой 15 года на фронтахъ было затишье. Ни газеты, ни ландштурмисты не сообщали намъ ничего особенно интереснаго.

Но въ концѣ февраля, или въ началѣ марта, въ Мюнденѣ зазвонили во всѣ колокола, водяная мельница, стоявшая на другомъ берегу Везера, густо разукрасилась флагами. Мы подумали сперва — не перемиріе ли? Пришелъ Григорій, мы набросились на него, не знаетъ ли онъ, въ чемъ дѣло.

— Баютъ наши караульные, что будто Гинденбургъ въ Восточной Пруссіи захватилъ 60 000 русскихъ въ плѣнъ... — отвѣчалъ онъ.

Мы сначала не повѣрили. Но въ утреннихъ газетахъ, дѣйствительно, было сообщеніе, что русскій 20 корпусъ былъ окруженъ и взятъ цѣликомъ въ плѣнъ, причемъ нѣмцы захватили около 400 офицеровъ и 40 000 солдатъ.

Это событіе не произвело на насъ особенно большого впечатлѣнія. Гибель Самсоновской арміи, уничтоженіе австрійской, взятіе Перемышля, Эрзерума, все это заставляло думать, что настоящая война имѣетъ совершенно особые масштабы, тѣмъ болѣе, что, отзвонивъ и снявъ флаги, нѣмцы о своей побѣдѣ больше не расписывали.

Плѣнныхъ къ намъ не присылали. Мы рѣшили, что нѣмцы раздули небольшой успѣхъ для повышенія настроенія въ странѣ. И вдругъ телеграмма въ комендатуру, заготовить мѣста для 250 плѣнныхъ.

Послѣ этого прошло недѣли двѣ. Гуляя какъ то разъ утромъ по корридору, я выглянулъ въ окно: на улицѣ, передъ комендатурой, стояла длинная, окруженная конвоемъ, вереница плѣнныхъ въ папахахъ, башлыкахъ, полушубкахъ. Нѣкоторые изъ нихъ съ любопытствомъ разглядывали лагерь. Небольшими партіями ихъ вводили въ канцелярію и, записавъ, разводили по мѣстамъ. Всѣ пустовавшія до сихъ поръ комнаты были заполнены. Въ лагерѣ сразу стало тѣснѣй и шумнѣй.

Спустившись въ кантину купить хлѣба, я нашелъ передъ ней вновь прибывшихъ. Я занялъ очередь, но кантинщикъ, отпустивъ еще 3 или 4 человѣка, захлопнулъ окошечко и заявилъ, что больше нѣтъ ни хлѣба, ни сахара, ни масла. Я ушелъ ни съ чѣмъ. Въ комнатѣ у насъ такихъ неудачниковъ оказалось еще нѣсколько человѣкъ. Сегодня какъ разъ былъ день, когда доставляли хлѣбъ въ кантину; но вновь - прибывшіе, изъ которыхъ многіе были съ деньгами, разобрали уже все. Такъ какъ до сихъ поръ не было никакого ограниченія при покупкѣ хлѣба, то они сразу забирали по 3-4 коровая.

— Какъ же быть, я такъ надѣялся сегодня взять хлѣба и масла! — говорилъ Саламатинъ.

— Пойдемте завтра съ утра дежурить у кантины. Кантинщикъ, разъ у него хлѣба нѣтъ, раздобудетъ его, только надо поближе въ очередь встать. И возьмемъ по нѣсколько хлѣбовъ, — предложилъ Суражевскій.

Такъ мы и сдѣлали. Но эта мысль пришла въ голову не намъ однимъ: почти весь лагерь собрался съ утра передъ кантиной съ той же цѣлью. Кантинщикъ, получившій сто хлѣбовъ, рѣшилъ, однако, на этотъ разъ продавать на каждое лицо лишь по одному караваю. Нѣкоторые, отнеся купленный хлѣбъ, опять становились въ очередь. Это замѣтили. Начался шумъ, стали укорять другъ друга; несдержанный Косовскій сталъ съ кѣмъ то ругаться. На шумъ подошли союзники. Одинъ французъ съ гордымъ, красивымъ профилемъ и холодными свѣтлыми глазами внимательно смотрѣлъ на шумящихъ русскихъ. Никто не обращалъ на него вниманія.

Англичане, засунувъ руки въ карманы и посасывая трубки, съ удивленіемъ разглядывали толпу: они не понимали, для чего та собралась передъ кантиной. И мнѣ стало отчего-то страшно неловко.

Среди вновь прибывшихъ старые плѣнные встрѣчали бывшихъ однополчанъ, знакомыхъ и даже родственниковъ.

— Какъ въ Россіи поживаютъ, что о войнѣ говорятъ? — спрашивалъ своего бывшаго однополчанина поручикъ Пащенковъ.

— Да живутъ такъ же, какъ и раньше, все идетъ по-старому, — отвѣтилъ тотъ.

— О мирѣ-то ничего не слыхать, не поговариваютъ?

— Покамѣстъ ничего, да мы тамъ думали, что у васъ здѣсь больше насчетъ этого извѣстно...

— Ну, братъ, тутъ, у насъ, ничего не слышно: живемъ, какъ въ пустомъ колодцѣ...

— А тебя убитымъ считали; дядя даже хотѣлъ по тебѣ панихиду служить, — передавалъ одинъ гренадеръ другому.

— А я сообщалъ, что въ Мюнденѣ, въ плѣну, — отвѣчалъ второй.

— Мать-то не знала даже сперва, что дѣлать: радоваться или горевать, что ты у нѣмцевъ; тамъ у насъ говорятъ, что обращаются съ плѣнными ужъ очень коряво...

— Со всячинкой, но у насъ то ничего, а вотъ въ солдатскихъ лагеряхъ...

— Да въ Россіи все есть: и хлѣбъ, и мясо, и сахаръ; вздорожало правда все, но немного, — передавалъ прапорщикъ - брюнетъ капитану - блондину.

— А здѣсь хлѣбъ дорогой; за такую булку, какъ въ кантинѣ продается — около марки. На наши деньги это полтинникъ безъ малаго... — жаловался капитанъ.

— Насъ съ фронта прямо въ Штральзундскій лагерь направили. Недѣли двѣ продержали; прививки анти-холерныя дѣлали, а потомъ, когда карантинъ мы отсидѣли, отобрали изъ насъ 250 человѣкъ и сказали — собирайтесь, въ Мюнденъ поѣдете. Ѣхали — думали: въ Мюнденѣ легче будетъ. Все-таки городъ, въ центрѣ самой страны, войной не задѣтъ. А тутъ, оказывается, тоже не особенно, и даже курить запрещается, — жаловался саперный офицеръ.

Прибытіе новой партіи плѣнныхъ внесло разстройство въ нашу жизнь, отразившись на самой слабой ея сторонѣ — на питаніи.

Григорій, приходя къ намъ, часто говорилъ:

— Ничего не могъ достать въ кантинѣ: были селедки копченыя, да, когда подошла моя очередь, и ихъ уже не стало.

Недоѣданіе стало чувствоваться острѣе.

Вскорѣ послѣ пріѣзда новой партіи, нѣмцы начали къ чему то готовиться. Наши деньщики выскребли и вычистили дорожки въ саду, посыпали ихъ пескомъ. Джентльмену изъ уборной дали въ помощь еще нѣсколько соотечественниковъ. Нѣмецкіе унтера летали повсюду и искали гдѣ бы еще навести порядокъ. Кромѣ того, и насъ самихъ просили держать комнаты въ возможной чистотѣ.

Капитанъ «Николай Угодникъ» слѣдилъ изъ столовой за

уборкой и говорилъ съ радостнымъ видомъ: «совсѣмъ какъ у насъ передъ инспекторскимъ смотромъ».

И вотъ, однажды утромъ, изъ окна комнаты я увидѣлъ въ саду какого то нѣмецкаго военнаго, уже пожилого. въ шинели съ красными отворотами. Заложивъ руки за спину, онъ прошелъ съ комендантомъ по саду; взглянулъ на телѣгу съ мусоромъ, заглянулъ въ уборныя и скрылся.

Вечеромъ на Брехаловкѣ передавали, что лицо, гулявшее по саду — главный медицинскій инспекторъ. Сообщали также, что онъ побывалъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ, чтобы познакомиться съ обстановкой жизни плѣнныхъ; ходилъ даже слухъ, что кто то изъ нихъ подалъ ему заявленіе съ протестомъ противъ запрещенія курить.

Послѣ его отъѣзда все осталось, какъ было. Питаніе наше не улучшилось, и основой его являлось, какъ и раньше, кипятокъ съ сахаромъ и хлѣбъ.

Послѣ Пасхи погода измѣнилась. Сразу стало тепло. Въ лѣсахъ и лугахъ брызнуло зеленью. Вмѣстѣ съ весеннимъ воздухомъ, мы словно проглотили зародышъ надежды. Высунувъ головы въ форточки, плѣнные подолгу смотрѣли на горы, покрытыя дымкой. Гдѣ то за ней пряталась Россія, война, свобода. Неудержимо потянуло на волю.

Какъ-то утромъ Григорій, принеся кипятокъ, сообщилъ радостнымъ шопотомъ: «Такъ что вчерась трое плѣнныхъ утекло изъ лагеря»...

Моментально одѣяла откинулись; на Григорія градомъ посыпались вопросы. Поставивъ пустые кувшины на полъ, онъ принялся разсказывать.

Оказалось, что бѣжалъ русскій полковникъ Аносовъ, англійскій лейтенантъ Гетлеръ, если не ошибаюсь, а третій былъ какой-то французскій офицеръ. Помогло имъ бѣжать слѣдующее обстоятельство. Нижній этажъ нашего корпуса сообщался цинковой крытой галлереей съ сосѣднимъ амбаромъ. Когда то, вѣроятно, по этой галлереѣ отправляли въ амбаръ товарные тюки. Она была сплошная и слегка покатая къ амбару; амбаръ

былъ уже внѣ проволоки; выбраться оттуда на дорогу, особенно вечеромъ, было вполнѣ возможно.

Въ комнатѣ, куда выходило отверстіе, никто не жилъ. Тамъ стояло только піанино; на немъ пѣсколько часовъ въ сутки игралъ одинъ изъ русскихъ, бывшій ученикъ консерваторіи. Бѣглецы вошли съ нимъ въ соглашеніе, и пока музыкантъ игралъ, они разбирали стѣнку и вынимали осторожно кирпичъ за кирпичемъ; вынутое они складывали въ чемоданъ и выносили во дворъ, на мусорную телѣгу. Сдѣлавъ дыру, они все замели и заставили проломъ піанино.. Штатское платье имъ смастерилъ одинъ изъ русскихъ деньщиковъ, портной по профессіи.

Это дѣло удалось провести въ полномъ секретѣ. Вечеромъ бѣглецы сѣли въ трубу и скатились въ амбаръ. Дыру снова заставили. Утромъ всѣ плѣнные уже знали о побѣгѣ; нѣмцы же еще ничего не подозрѣвали. На утреннемъ аппелѣ вмѣсто бѣглецовъ стояли деньщики; у нихъ повѣрка была на часъ раньше; все сошло благополучно.

Когда насъ распустили, многіе пошли посмотрѣть комнату, откуда бѣжали. Корридоръ, [illegible] темный и пустынный, загудѣлъ. У нѣкоторыхъ мелькнула мысль попробовать бѣжать этимъ же путемъ, пока не хватились нѣмцы.

Въ нашей комнатѣ рѣшили бѣжать Бабинъ и Корсовскій.

Одни ихъ отговаривали:

—Помѣшаете только первымъ: такъ нѣмцы когда еще могутъ хватиться, а если полъ-лагеря черезъ трубу высыпется — сейчасъ же сообразятъ, гдѣ лазейка.

— Куда же бѣжать въ кителѣ, въ папахѣ, безъ пальто; сразу жители увидятъ, что плѣнные. Это не побѣгъ будетъ, а мальчишеская выходка, — добавляли другіе.

— Знаю все это, — защищался Бабинъ. — Но хоть одинъ день побродить на волѣ, и то ужъ хорошо.

— А кто знаетъ, — ободрялъ его Суражевскій, — можетъ и повезетъ; перейдетъ Бабинъ голландскую границу и оттуда намъ письмо пришлетъ...

Образовалось двѣ партіи бѣглецовъ. Одна должна была

отправиться раньше, другая немного позже. Главное затрудненіе было съ платьемъ. У насъ ничего не было, кромѣ форменнаго; поэтому бѣглецамъ оставалось одно: приспособить его такъ, чтобы оно возможно меньше напоминало военное. Съ этой цѣлью поверхъ брюкъ Бабинъ натянулъ теплые кальсоны, а вмѣсто фуражки ему кто то далъ красную вязаную шапочку съ синимъ помпономъ. Въ карманъ брюкъ онъ сунулъ зубную щетку и порошокъ. Его спутникъ Корсовскій надѣлъ кожаные штаны, куртку и высокіе сапоги; на голову же нахлобучилъ вывернутую наизнанку папаху.

— «Чтобы не узнали», объяснилъ онъ, когда всѣ вокругъ разсмѣялись.

Бабинъ своими обтянутыми ногами напоминалъ что-то цирковое, а Корсовскій смахивалъ на разбойника.

Къ нимъ приходили, прощались, смѣялись, но, пожалуй, въ душѣ имъ всѣ немного завидовали. Съ собой въ дорогу они брали ручной чемоданчикъ; Арцышевичъ наполнилъ его хлѣбомъ и всякимъ съѣстнымъ, онъ ничего не пожалѣлъ для отправлявшихся. Когда все было готово, Бабинъ и Корсовскій съ чемоданчикомъ направились внизъ, за ними масса любопытныхъ. Впереди шли развѣдчики: при появленіи нѣмцевъ Бабинъ и Корсовскій должны были спрятаться въ ближайшую комнату. Но имъ удалось благополучно добраться до цѣли. Отодвинули піанино: Бабинъ, Корсовскій и ихъ багажъ, какъ на салазкахъ, скатились въ амбаръ.

Такимъ же образомъ была отправлена и вторая партія. Съ находившимися въ амбарѣ можно было даже говорить черезъ галлерею. Такимъ путемъ мы узнали, что у нихъ все благополучно и что они просятъ заставить дыру. Ихъ просьбу исполнили. На слѣдующій день готовилось бѣжать человѣкъ пятьдесятъ.

Но, приблизительно, черезъ часъ появился нѣмецкій унтеръ - офицеръ и четверо караульныхъ; они увѣренно прошли въ комнату съ піанино, отодвинули его и посмотрѣли въ дыру. Другіе караульные направились въ амбаръ и забрали всѣхъ

бѣженцевъ въ комендатуру. Выпустили ихъ лишь на слѣдующій день, послѣ утренняго аппеля. Они всѣ были очень утомлены и сейчасъ же улеглись спать.

— Всю ночь не пришлось спать, — разсказывалъ Бабинъ. — Когда захватили насъ въ амбарѣ и привели въ комендатуру, то я подумалъ: составятъ протоколъ, ну и отпустятъ. А вмѣсто того, насъ отвели въ пустую комнату и поставили лицомъ къ стѣнѣ, на шагъ отъ нея, на разстояніи вытянутой руки другъ отъ друга; сзади помѣстили часового; чуть пошевльнешься — онъ уже затворомъ щелкаетъ, оретъ что то по-своему. Не то, что поговорить съ сосѣдями, даже головы повернуть къ нимъ нельзя было. Весь день и всю ночь такъ провели; дремали стоя; протянешь руку, чтобы о стѣнку опереться — крикъ сзади. Одинъ рукой до стѣнки дотянулся — прикладомъ получилъ. Я думалъ, никогда ночь не кончится. А въ уборную лишь передъ утромъ позволили выйти. Потомъ, когда ужъ пришелъ переводчикъ, часовъ въ 9, насъ на допросъ повели. Записали имя, фамилію, а потомъ допрашивать стали: «почему вы бѣжать хотѣли, или вамъ плохо въ плѣну живется?» Стали затѣмъ смотрѣть, что въ чемоданчикѣ находится, увидѣли хлѣбъ, спрашиваютъ: «откуда у васъ такъ много хлѣба, кто вамъ далъ его?» Въ общемъ такіе вопросы задавали, что и отвѣчать не знаешь какъ, — докончилъ Бабинъ свой разсказъ.

— Въ сарай мы скатились благополучно, описывалъ свои впечатлѣнія прапорщикъ Ленчевскій, — сначала показалось темно, а потомъ ничего, стали разбираться: въ дверяхъ были щели, отуда свѣтъ шелъ. Помѣщеніе оказалось громадное: солома вездѣ, картофельныя кучи, наверху сани; словомъ, спрятаться можно было гдѣ. Попрятались, ждемъ вечера. Потомъ за стѣной вдругъ голоса, по нѣмецки что то говорятъ. Я сталъ прислушиваться. «Wo?» спрашиваетъ кто-то. Потомъ молчаніе. «Wieviel?» слышу опять. Отвѣта не разобралъ. Потомъ минутъ черезъ десять двери открылись, вошли караульные. Сначала двухъ нашли, а потомъ спрашиваютъ, гдѣ еще трое. И ихъ отыскали.

— Кто-то изъ русскихъ выдалъ, и говорить нечего, — подтвердилъ Ленчевскій, — когда насъ вели въ комнату черезъ коридоръ, первая дверь, мимо которой мы прошли, была пальца на два открыта, а за ней кто-то въ сѣромъ стоялъ. Я подумалъ, что нашъ солдатъ какой-нибудь, хотѣлъ вглядѣться, а въ этотъ моментъ дверь и захлопнулась; потомъ еще, когда мы стояли передъ стѣной, шорохъ какой-то послышался, я и обернулся быстро. Смотрю, а въ корридорѣ, у дверей, опять какая-то сѣрая фигура на насъ глядѣла, должно быть; но только я обернулся, она сейчасъ же юркнула, тутъ часовой еще заоралъ, я и не разобралъ...

Бѣжавшихъ предали военному суду; ихъ обвинили ни въ чемъ другомъ, какъ въ порчѣ казеннаго имущества: пробитая полковникомъ Аносовымъ стѣна была поставлена въ счетъ Бабину и Ко. По окончаніи судебнаго слѣдствія, которое велось Абтомъ, все дѣло было передано на разсмотрѣніе Кассельскаго военнаго суда. Насколько помню, дѣло окончилось въ ничью. Пострадала одна цинковая галлерея: нѣмцы ее сняли совсѣмъ, а черезъ нѣсколько дней каменщики заложили проломъ.

Что же касается Аносова и его товарищей, то бѣжать изъ Германіи имъ никому не удалось: черезъ нѣсколько дней ихъ всѣхъ поймали и препроводили въ Мюнденскую тюрьму. Оттуда ихъ нѣсколько разъ приводили на допросъ въ комендатуру. Полковнику Аносову удалось какъ то передать въ лагерь, что нѣмцы съ ними въ тюрьмѣ обращаются невыносимо жестоко.

Съ прибытіемъ плѣнныхъ изъ Штральзунда, недоѣданіе, какъ я сказалъ, стало чувствоваться сильнѣе. На хлѣбъ, правда, оффиціальнаго ограниченія не было. Но у насъ получилось впечатлѣніе, что, несмотря на удвоившееся почти число плѣнныхъ, количество продуктовъ въ кантинѣ не увеличилось. Хлѣба въ ней часто не доставало, сахару тоже, на масло пришлось махнуть рукой. У кантины подолгу приходилось дежурить, чтобы не остаться съ пустыми руками. Но, какъ никакъ, жить было еще все-таки можно.

15-го апрѣля 1915 года кто-то изъ насъ утромъ послалъ

Григорія въ кантину справиться, нѣтъ ли хлѣба, а при возможности и купить. Григорій пошелъ, но скоро возвратился съ пустыми руками и заявилъ: «финишъ бротъ». Оказалось, что хлѣбъ изъ кантины будетъ выдаваться лишь по маркамъ. И, начиная съ этого времени, по понедѣльникамъ, послѣ утренняго аппеля, нашъ старшій по комнатѣ получалъ отъ Фрица столько жестяныхъ жетончиковъ, сколько было человѣкъ въ комнатѣ. За такой жетончикъ изъ кантины выдавали хлѣбъ такого же вѣса и цѣны, что и раньше; но раньше мы съѣдали его въ два-три дня, а теперь этого каравая должно было хватить на недѣлю. Стало очень голодно.

Начали усиленно писать въ Россію о присылкѣ съѣстного. Но что можно было слать изъ Россіи? Хлѣбъ для пересылки не годился, ржаные сухари надо было приготовить, а консервовъ въ Россіи мало. И деревянный, бѣлый ящикъ, откуда нибудь изъ Воронежа или Тамбова, заключалъ въ себѣ обыкновенно фунта два - три копченой колбасы, столько же сахару, немного табаку, изрѣдка ржаные сухари и пачки двѣ Эйнемовскаго печенія. Это было бы большимъ подспорьемъ, если бы посылки регулярно отправлялись и не терялись въ дорогѣ. А иногда онѣ приходили совершенно разбитыя, почти или совсѣмъ лишенныя своего содержимаго. Нельзя было сказать, чья это вина — нѣмцы винили русскую почту, а мы думали на нѣмцевъ.

Каждый, конечно, зналъ, какихъ трудовъ стоитъ посылка: надо все найти, купить, достать ящикъ, запаковать и отправить на почту. Это требовало денегъ и времени.

— Ну, что моя мать для меня можетъ сдѣлать? — разсуждалъ поручикъ Борода. — Живетъ она въ глухомъ мѣстѣ, отъ почты верстъ десять будетъ, ей и ящика то тамъ не достать. Насушила одинъ разъ сухарей, поѣхала за 10 верстъ киселя хлѣбать, а ей на почтѣ сказали, что пока посылокъ въ Германію не принимаютъ: пріѣхала въ другой разъ, а въ посылкѣ больше 10 фунтовъ оказалось: пришлось раскупоривать да до 10 фунтовъ подгонять. А ей безъ малаго 60 лѣтъ, и ревматизмъ

у ней, развѣ я могу допустить, чтобы она изъ за меня свои старыя кости трясла. И такъ: родила, выкормила, выростила, да еще и теперь заботься...

— А моя Дарья Сергѣевна должна до почты 20 верстъ сдѣлать. Баба она здоровая, ей это нипочемъ, только та бѣда, что и по-русски то пишетъ, какъ курица лапами, а по-нѣмецки заадресовать и совсѣмъ не можетъ. Чтобы адресъ написать, ей надо за 6 верстъ въ волость пойти... — сообщилъ про свою половину прапорщикъ Сальниковъ.

И, дѣйствительно, многіе плѣнные не желали доставлять своимъ близкимъ лишнихъ хлопотъ и молчали о голодовкѣ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, стоя однажды у окна въ корридорѣ, я увидѣлъ, какъ во дворъ передъ комендатурой вошла, густо окруженная ландштурмистами, группа плѣнныхъ, человѣкъ въ сорокъ. Это были русскіе солдаты изъ Касселя, присланные сюда для пополненія числа рабочихъ рукъ въ лагерѣ. Шинели на нихъ совсѣмъ ужъ истерлись и изъ сѣрыхъ стали желто - бурыми; всѣ лица были восковыя, исхудалыя. Двигались плѣнные робко, неувѣренно, видимо боясь не такъ встать, не такъ повернуться. При малѣйшемъ окрикѣ они всѣ шарахались въ сторону, какъ пугливое стадо. Принять ихъ вышелъ какой то унтеръ - офицеръ изъ комендатуры. Послѣ переклички ихъ направили внутрь зданія. Медленно проходили они черезъ дворикъ, не смѣя поднять вверхъ головы, шаркая утомленно ногами. Одни тащили свой небольшой скарбъ въ завязанныхъ платкахъ, другіе — въ самодѣльныхъ деревянныхъ сундучкахъ. У многихъ на ногахъ были деревянные башмаки и отпоротыя отъ старыхъ сапогъ голенища.

Вечеромъ одинъ изъ вновь прибывшихъ солдатъ разсказывалъ.

— Что въ лагеряхъ дѣлается? Помираютъ, Ваше Благородіе. Мрутъ страсть шибко. Насъ сто человѣкъ съ одного батальона въ плѣнъ пригнали; всѣхъ такъ въ одинъ баракъ и помѣстили. А теперь изъ сотни 25 человѣкъ осталось. А прочіе — кто отъ тифа, кто отъ чахотки, а кто попросту съ голоду померъ.

— Ваше Благородіе, бѣда коли нѣмецъ надъ русской землей власть получитъ. Сживетъ онъ тогда всѣхъ православныхъ со свѣта. На войнѣ то еще нѣкоторые промежъ насъ говорили, что у нѣмца хорошо, у нѣмца всѣ богатые и всякому жить у него вольготно. Теперь то мы увидѣли, кому здѣсь хорошо, — говорилъ пожилой запасный.

— Это еще что, это еще самыхъ лучшихъ сюда послали, — вмѣшался въ разговоръ солдатикъ съ совершенно прозрачнымъ лицомъ, — Вы бы посмотрѣли, какіе среди насъ въ Касселѣ есть! Кости, да кожа; лежатъ и ѣсть не просятъ; догораютъ, такъ сказать. Ихъ и нѣмцы ужъ не трогаютъ, безполезно...

— Но что же дѣлаютъ тамъ съ вами? — спрашивали собравшіеся офицеры, — кормятъ васъ все-таки чѣмъ нибудь?

— Какъ же, три раза въ день, но только и собаки этого не ѣдятъ; да и того даютъ очень мало. Меня въ городъ на работу посылали; доводилось ведра съ помоями таскать; сольешь осторожно, а со дна собираешь, что попадетъ: морковку, шелуху разную, кофе спитой; соберешь все это, да и ѣшь. Находились люди, что мнѣ завидывали: ты, Матвѣй, счастливецъ; всегда изъ помоевъ что нибудь достать можешь. Какъ передъ Истиннымъ... Ну, а затѣмъ еще и листовками насъ кормятъ; книжечки тоненькія намъ присылаютъ. Въ нихъ все больше Россію ругаютъ. Земля-де однимъ помѣщикамъ принадлежитъ, и народы, что въ Россіи живутъ, правовъ не имѣютъ, такъ имъ, значитъ, надо права дать...

Такъ разсказывали солдаты о своихъ лагеряхъ.

Мнѣ самому пришлось видѣть фотографическій снимокъ, привезенный однимъ изъ деньщиковъ: посреди большого двора было вкопано что то вродѣ креста. На этомъ крестѣ цѣпями за руки, за ноги и за поясницу былъ привязанъ русскій солдатъ. Вдали виднѣлась рѣшетка изъ колючей проволоки, нѣсколько фигуръ другихъ военноплѣнныхъ; у подножія стояла пустая миска. Снялъ эту картину одинъ изъ латышей - переводчиковъ и переслалъ въ лагерь, какъ документъ.

ГЛАВА VIII.

Апрѣль былъ богатъ событіями; между прочимъ, умеръ старый комендантъ, появился новый, исчезъ Вальтеръ.

Старый комендантъ рѣдко показывался намъ. Онъ сидѣлъ больше у себя въ канцеляріи. Лично я видѣлъ его одинъ разъ, послѣ прибытія въ лагерь сибиряковъ - офицеровъ, взятыхъ подъ Лодзью. Комендантъ рѣшилъ тогда сдѣлать всѣмъ намъ смотръ.

Росту онъ былъ небольшого, съ болѣзненно раздутымъ животомъ; изъ подъ каски виднѣлись сѣдые, коротко - остриженные волосы; круглая, какъ арбузъ, голова сидѣла на толстой, крѣпкой шеѣ. Кожа была на лицѣ сѣрая, нездоровая. Носъ ястребиный; усы поднимались вверхъ, какъ громоотводы; глаза слегка выходили изъ орбитъ и двигались, какъ у рака. Когда ему представляли русскихъ генераловъ, онъ подалъ имъ большую, опухшую руку.

Мы знали отъ деньщиковъ, что комендантъ боленъ, пьетъ какія то воды и постоянно лечится, а лагеремъ правитъ въ дѣйствительности Вальтеръ. Комендантъ ему ни въ чемъ не можетъ отказать и подписываетъ все, что тотъ ему не подсунетъ. И запрещеніе курить, повидимому, исходило единственно отъ Вальтера.

Въ мартѣ комендантъ уѣхалъ куда то на воды и тамъ умеръ. Исполнять его обязанности былъ временно назначенъ одинъ изъ гауптмановъ комендатуры.

Вскорѣ послѣ этого событія, спустившись одинъ разъ въ садъ, я увидѣлъ тамъ двухъ человѣкъ въ штатскомъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, блондинъ, бритый; другой — пониже, съ бородой, брюнетъ. Они ходили по саду, съ записными книжечками въ рукахъ и, время отъ времени, что то туда вносили Сначала плѣнные приняли ихъ за нѣмецкихъ подрядчиковъ и не обращали на незнакомцевъ вниманія. Но потомъ пошли слухи, что это какія то важныя персоны, послы не послы, но

что-то въ этомъ родѣ, и явились они съ цѣлью узнать, какъ живутъ военноплѣнные.

Высокій оказался представителемъ американскаго посольства въ Берлинѣ, а пониже — испанскаго. Первый — защищалъ интересы англійскихъ плѣнныхъ, второй — русскихъ. Своего защитника англичане таскали всюду и показали весь лагерь. Но въ сущности имъ не на что было особенно жаловаться. Самый лагерь содержался въ чистотѣ и порядкѣ. Они не голодали, и, хоть нѣмцы, дѣйствительно, ихъ не любили, но это обычно дальше надписей «Gott strafe England» не шло.

Но зато мы раскрыли испанцу всѣ наши скорби: недоѣданіе, выходки Вальтера, запрещеніе курить, и, кромѣ того, просили его посѣтить солдатскіе лагеря и тамъ обратить вниманіе на положеніе русскихъ. Мы съ Суражевскимъ стояли около Вальтера, когда къ нему подошелъ американецъ.

— Плѣнные жалуются, что въ лагерѣ запрещаютъ курить. Правда ли это? — спросилъ онъ Вальтера.

— Да, — отвѣтилъ тотъ.

— Почему?

— Лагерь очень опасенъ въ пожарномъ отношеніи.

— Но тогда можно было отвести спеціальную комнату для куренія. Имъ запрещено курить даже въ саду. Какъ Ваша фамилія?

Вальтеръ сказалъ, и американецъ что то записалъ въ книжечку. Послѣ этого оба представителя исчезли.

Намъ было разрѣшено курить, но одновременно съ этимъ исчезъ изъ лагеря Вальтеръ. Какъ мы потомъ узнали, его перевели въ одинъ изъ солдатскихъ лагерей комендантомъ. Кромѣ того, пронесся слухъ, что, вслѣдствіе жалобы англичанъ на слишкомъ большое скопленіе людей въ лагерѣ, часть плѣнныхъ будетъ переведена въ другое мѣсто.

Дѣйствительно, въ началѣ мая Фрицъ обошелъ всѣ комнаты и въ каждой объявилъ фамиліи лицъ, назначенныхъ къ отправкѣ. Изъ нашей комнаты уѣзжали Бабинъ, Суражевскій, Смирновъ и всѣ иностранцы. Мы съ любопытствомъ ожидали

момента, когда будетъ укладываться Бетти - Смисъ. Его запасы разрослись къ тому времени до размѣровъ хорошаго колоніальнаго магазина, Берестовъ даже сдѣлалъ вывѣску: «Great Grocery Betty Smith & Co» — и повѣсилъ ее надъ изголовіемъ англичанина. Бетти - Смисъ много смѣялся надъ вывѣской и даже приводилъ своихъ товарищей, чтобы показать ее. Когда пришелъ, наконецъ, моментъ укладываться, Бетти - Смисъ явился съ двумя огромными дорожными мѣшками, купленными въ кантинѣ, и запаковалъ въ нихъ свою лавочку. Каждый мѣшокъ раздулся до размѣровъ толстаго человѣка; кромѣ того, у него еще была стопка чемодановъ довольно крупнаго калибра, всѣ тоже набитые до отказа. Цѣлое утро двое дюжихъ англійскихъ солдатъ, кряхтя, перетаскивали внизъ вещи Бетти - Смиса, для отправки ихъ на желѣзную дорогу.

Пришелъ моментъ прощанія. Съ чувствомъ мы пожали другъ другу руки. Время, прожитое вмѣстѣ, насъ всѣхъ сблизило, но, встрѣтившіяся на минуту, наши жизни расходились снова.

Послѣ отъѣзда нашихъ товарищей, комнату № 145 рѣшили совсѣмъ освободить. Меня перевели въ сосѣднюю, къ русскимъ, а другихъ въ комнату двумя этажами ниже. Я предпочелъ остаться наверху, потому что видъ оттуда былъ лучше.

Весна была уже во всѣхъ своихъ правахъ. Все цвѣло; деревья въ саду покрылись нѣжнымъ бѣло - розовымъ облакомъ. Пчелы и шмели тыкались въ раскрытыя чашечки цвѣтовъ; молодая листва съ каждымъ днемъ становилась гуще; на лугахъ стѣной поднималась свѣжая трава. Все было радо солнцу, теплу и веснѣ. Даже самъ Везеръ повеселѣлъ, отражая синее небо и тонкія паутинныя облачка.

Въ это время, приблизительно, появился новый комендантъ, генералъ - майоръ фонъ - Визе. По прибытіи въ лагерь, онъ вызвалъ къ себѣ старшихъ по чину плѣнныхъ, по одному отъ каждой націи, и объявилъ имъ, что намѣренъ приложить всѣ усилія, чтобы скрасить пребываніе плѣнныхъ въ Герма-

ніи. Отъ нихъ же просилъ содѣйствія и указанія, что могло быть сдѣлано въ этомъ направленіи. Русскому генералу, кромѣ того, онъ еще сказалъ, что его заботитъ недоѣданіе русскихъ. Оказалось, что, по подсчету самого кантинщика, при числѣ плѣнныхъ около 600 человѣкъ, обѣдовъ расходовалось всего до 200; и то большая половина бралась нашими союзниками.

Новымъ комендантомъ была образована изъ плѣнныхъ «комиссія улучшеній», какъ мы ее прозвали. Она ретиво принялась за дѣло.

Наступила «эпоха великихъ реформъ». Самая главная заключалась въ томъ, что комендантъ согласился удалить кантинщика и дѣло продовольствія передать въ руки самихъ плѣнныхъ. Кантинщикъ исчезъ, а столовую выскребли, вымели, столы обили клеенкой, а для украшенія стѣнъ были заказаны русскимъ художникамъ картины. Потомъ преобразовали и увеличили кантину. Учредили изъ плѣнныхъ же двѣ комиссіи — кухонную и кантинную. Среди насъ нашлись хорошіе организаторы, и коммерсанты, и бухгалтеры, и продавцы, словомъ, все, что было нужно для веденія дѣла. Обѣдъ и ужинъ стали обязательными, и стоило это 1½ марки въ день.

Плата взималась впередъ и высчитывалась при получкѣ содержанія. Теперь обѣдъ нашъ состоялъ изъ трехъ блюдъ — супа, второго и компота. Супъ готовился изъ овощей; спеціально для него брались кости, правда, совершенно голыя, но все-таки онѣ давали наваръ. На второе намъ часто стали давать хорошо зажаренную рыбу, каждому по цѣлой штукѣ, величиной съ воблу; иногда — небольшія котлетки съ рисомъ или картофелемъ; если же нельзя было достать ни рыбы, ни мяса, — готовили макароны или рисъ въ большемъ количествѣ. Послѣ этого, слѣдовалъ компотъ изъ сливъ или яблокъ. На ужинъ давали одно блюдо: рисъ, макароны или картофель; время отъ времени къ этому присоединяли хорошую копченую селедку. Кромѣ того, въ самой кантинѣ появилось много товаровъ; они стали дешевле и лучше по качеству, чѣмъ у кантинщика. Денегъ, правда, у насъ оставалось не много, но на

нихъ теперь можно было купить вдвое больше. Отмѣнили плату за баню и, вмѣсто плохихъ душей, поставили хорошіе. Теплая и холодная струя стали смѣшиваться равномѣрно.

Представителямъ плѣнныхъ генералъ фонъ - Визе, между прочимъ, сказалъ:

— Я хочу, чтобы время, проведенное плѣнными въ Германіи, не было потеряно ими; среди нихъ, несомнѣнно, найдутся лица, которыя пожелаютъ чѣмъ нибудь заняться; имъ будетъ предоставлена полная возможность читать и учиться. Я буду гордъ, если кто нибудь изъ нихъ, возвратясь къ себѣ, скажетъ: «я изучилъ это въ Германіи».

Слова фонъ-Визе не остались пустымъ обѣщаніемъ.

Внизу была отведена комната, куда раза три въ недѣлю являлись книготорговцы. Они приносили съ собой массу книгъ и, кромѣ того, черезъ нихъ можно было заказать все, что угодно. Заказы дѣлались по телефону въ Лейпцигъ и исполнялись въ три - четыре дня.

Только тутъ въ плѣну русскимъ стало видно ихъ странное положеніе. Всѣ націи — нѣмцы, французы, бельгійцы, англичане, поляки были покрыты чѣмъ то жесткимъ, что рѣзало русское добродушіе, какъ ножъ тѣсто. Нѣмцы насъ считали за варваровъ, поляки откровенно ненавидѣли, бельгійцы разсматривали, какъ «une espèce de sauvages». Французы молчали, но они, конечно, не допускали никакого знака равенства между собой и нами, а англичане просто не считались съ нами. Но русскіе никому не имѣли права платить той же монетой; отъ Россіи всѣ эти народы что-то требовали, но сами не думали ничего признавать за ней.

И, какъ только получилась возможность расширить свои познанія и пріобрѣсти новыя, всѣ съ жадностью набросились на книги. Отъ пресловутой русской лѣни ничего не осталось. Путь къ образованію лежалъ черезъ новые языки. И вотъ пожилые полковники, капитаны и совсѣмъ молодые поручики и прапорщики заходили по лагерю съ книгами, тетрадками и словарями.

Пожилой капитанъ говорилъ еще болѣе пожилому полковнику:

— Я теперь 8 часовъ въ день сижу надъ нѣмецкимъ. Когда начну достаточно понимать, возьмусь за французскій, а затѣмъ, если будетъ возможно, то и за англійскій.

— А я хочу только французскій подучить, какъ слѣдуетъ. Кто знаетъ, можетъ быть, въ отставкѣ лишній кусокъ хлѣба будетъ, — отвѣчалъ полковникъ.

Неокончившіе заурядъ - врачи, студенты - техники, инженеры, юристы, агрономы, востоковѣды вооружались увѣсистыми томами, каждый по своей спеціальности. Захлопали тяжелые словари Павловскаго, Макарова, Александрова.

Кромѣ того, комендатура вошла въ соглашеніе съ Пироговской библіотекой при Геттингенскомъ университетѣ. Библіотеку эту составили учившіеся тамъ русскіе; въ ней было около 7 000 томовъ научнаго содержанія на русскомъ языкѣ. Библіотечный каталогъ находился въ нашей комендатурѣ; желавшіе получить что-нибудь изъ Пироговской библіотеки, подавали въ канцелярію записку съ указаніемъ книги. Черезъ день-два книга уже приходила въ лагерь. Черезъ комендатуру же можно было также пользоваться и мюнденской городской библіотекой, внеся небольшой залогъ.

Плѣнные копались въ стружкахъ, оставленныхъ плотниками; выбирали оттуда обрѣзки досокъ, пускали въ ходъ ящики отъ посылокъ, доставали гвоздей и сколачивали себѣ столики для занятій. На этихъ столикахъ, часто не больше носового платка, въ величайшемъ порядкѣ складывались книги, словари, тетради. Для практики старались больше говорить съ иностранцами. Для этого знакомились съ союзниками, говорили съ нѣмцами. Вечеромъ, сидя подъ тусклой лампочкой и напрягая зрѣніе, писали упражненія, читали, переводили. Время пошло быстрѣе, и иногда даже посѣщали небольшія радости, когда замѣчались успѣхи. Это еще больше придавало силъ. Много плѣнныхъ ушло съ головой въ занятія и работало буквально съ утра до вечера.

Открылись курсы французскаго и нѣмецкаго языковъ;

одинъ русскій инженеръ, проживший долго въ Германіи, преподавалъ нѣмецкій; а французскому училъ одинъ французъ - офицеръ, самъ предложившій свои услуги.

Для лицъ, не кончившихъ средней школы, преподавалась математика въ объемѣ гимназическаго курса. Читались отдѣльныя лекціи по физикѣ, химіи, агрономіи, ботаникѣ. Чтенія сопровождались туманными картинами, спеціально для этой цѣли комендатура достала волшебный фонарь.

Для лицъ, желавшихъ заняться ручнымъ трудомъ, была оборудована переплетная мастерская. Работалъ въ ней капитанъ Гладкевичъ и его помощникъ — военный чиновникъ. Переплетали они хорошо и, благодаря обилію книгъ въ лагерѣ, они были всегда завалены работой. Кромѣ переплетнаго мастерства, можно было также заниматься вырѣзываніемъ по дереву, выжиганіемъ, выпиливаніемъ.

Художникамъ облегчили пріобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ для ихъ искусства; музыкантамъ разрѣшили покупать музыкальные инструменты, ноты, брать на прокатъ піанино; любители фотографіи могли обзаводиться какими угодно аппаратами и всей фотографической кухней.

Фотографія нашла почему то особенно много любителей, и вскорѣ каждая комната имѣла своего фотографа, а то даже и нѣсколькихъ сразу. И нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, достигли большого мастерства въ своемъ дѣлѣ.

Потомъ былъ выстроенъ длинный деревянный баракъ для занятій, рядомъ со столовой; его украсили насколько возможно картинами, — акварелями, пастелями; поставили маленькіе столики и стулья. Баракъ этотъ получилъ у насъ названіе «Черепахи». Задняя половина его была раздѣлена на двѣ части, одна предназначалась для музыкантовъ, въ другой — стояли билліарды. Музыканты говорили, что имъ мѣшаютъ билліардисты, а эти жаловались, что имъ надоѣдаютъ музыканты.

Кромѣ книготорговцевъ, въ лагерь стали приходить также продавцы письменныхъ принадлежностей, разныхъ мелочей, портные, сапожники, оптики, часовщики. Я отдалъ передѣлать свою пострадавшую шинель и, послѣ этого, она стала предме-

томъ общей зависти; до передѣлки же она имѣла такой видъ, что я хотѣлъ совсѣмъ ее бросить. Испорченные часы были починены великолѣпно.

Готовность всѣхъ этихъ торговцевъ притти на помощь заказчику, ихъ честность, точность и быстрота исполненія, наряду съ небольшими цѣнами, были изумительны. И я, несмотря на свои скромные достатки, потихоньку и полегоньку сдѣлался обладателемъ увѣсистаго короба книгъ, письменныхъ принадлежностей и другихъ мелочей.

Устроивъ души и оборудовавъ дезинфекціонную камеру, комендатура объявила войну вшамъ, — онѣ не переставали у насъ водиться. Постельное бѣлье мѣняли 2 раза въ мѣсяцъ; свое мы отдавали стирать въ городъ, и, какъ ни старались держать себя въ чистотѣ, все-таки нѣтъ - нѣтъ гдѣ нибудь на бѣльѣ и находилось насѣкомое; вѣроятно, въ этомъ были виноваты наше платье и шинели, которыхъ не было возможности продезинфецировать. Кромѣ того, находились лица, не обращавшія на себя вниманія.

Отличался среди неряхъ поручикъ Мрусенко, постоянный собесѣдникъ капитана «Николая Угодника».

Это былъ удивительный по наружности и по характеру человѣкъ. Лицо онъ имѣлъ круглое, слегка скуластое, цвѣта старой рогожи; носъ — съ большимъ выгибомъ и приподнятый на кончикѣ; съ каждой его стороны свисали внизъ большими грушами щеки: сѣрые, юркіе глаза все время бѣгали, какъ мыши. Засаленный китель и штаны казались налитыми застывшимъ жиромъ; въ то время, какъ всѣ плѣнные худѣли, онъ одинъ раздавался въ ширь. Правда, про него ходилъ слухъ, что онъ умудрялся обѣдать до 3-хъ разъ въ день; одинъ разъ на свой собственный счетъ, другой — на капитанскій, для третьяго онъ занималъ у кого нибудь; онъ не стѣснялся просить у французовъ и англичанъ, бралъ въ долгъ также и у деньщиковъ, не пропуская безъ вниманія ни одной націи.

Въ столовую онъ приходилъ первымъ и уходилъ оттуда послѣднимъ. Время онъ проводилъ въ ѣдѣ и въ бесѣдахъ съ

капитаномъ. Капитанъ былъ вообще туговатъ на мошну, Мрусенко же онъ почему то оказывалъ кредитъ, правда небольшой. Но тотъ своихъ долговъ никогда и никому, въ томъ числѣ и капитану, не платилъ. Капитанъ сердился и даже гналъ иногда Мрусенко отъ себя. Но ихъ ссора продолжалась недолго: отъ обѣда до ужина въ день полученія денегъ; затѣмъ между ними снова водворялось согласіе.

Что лежало въ основѣ дружбы между этими двумя людьми, разными и по характеру, и по возрасту, никто не могъ понять; доходили даже до предположенія, что капитанъ, человѣкъ многосемейный, прочилъ его въ женихи одной изъ своихъ дочерей. Намъ казалось, однако, невѣроятнымъ, чтобы какая нибудь женщина рискнула выйти замужъ за Мрусенко.

— Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ онъ живетъ въ нашей комнатѣ, — разсказывалъ про Мрусенко одинъ изъ его сожителей, — и никто не видѣлъ, чтобы онъ хоть разъ за это время вымылся. Спросятъ его: «ну, что, Мрусенко, будете вы сегодня мыться?». Онъ беретъ тогда кувшинъ, наливаетъ въ тазъ воды, нагибается, но не моется, а только дѣлаетъ видъ, что моется, затѣмъ сухое лицо полотенцемъ треть. Бѣлья своего самъ не стираетъ и въ городъ не отдаетъ; въ чемъ пришелъ въ плѣнъ, въ томъ до сихъ поръ ходитъ. Раздѣвается, когда свѣтъ потушатъ, чтобы не показывать своихъ батистовъ. Да только напрасно. Какъ пойдетъ по комнатѣ запахъ прѣлаго копыта, такъ ужъ всѣ знаютъ, что Мрусенко раздѣвается. Сосѣди въ перегородку стучатъ: «какая тамъ у васъ вонючка завелась?» Изъ-за него съ открытыми окнами и дверью спимъ. Пройдутъ нѣмцы мимо нашей комнаты — обязательно «Russische Schweine» вспомянутъ. Сперва мы думали, что человѣкъ съ фронта пришелъ, очумѣлъ просто. Благотворительствовали: одинъ положитъ ему на кровать рубашку, другой — кальсоны, кто — носки. Деньги на мытье давали. Чтобы не сбѣжалъ, до бани провожали. И все въ пустую: является вечеромъ и еще сильнѣе несетъ отъ него. А потомъ деньщикъ нашъ говоритъ: «поручикъ Мурсенко къ намъ въ комнату приходилъ, бѣлье чье-то продавать». Оказывается, и въ банѣ онъ не мылся, прид-

ти — придетъ, да сядетъ и ждетъ, когда баня кончится, немытымъ и уходитъ.

Подобное воздержаніе Мрусенко отъ мыла и воды заслужило ему отъ его сожителей кличку: «вшивый парникъ» и родило легенду, что онъ страдаетъ тихимъ видомъ водобоязни.

Полковникъ же Гавриловъ утверждалъ, что Мрусенко уронила въ дѣтствѣ нянька, и съ той поры онъ боится утонуть въ тазу и захлебнуться подъ душемъ.

Но самъ «вшивый парникъ» мало обращалъ вниманія на то, что думаютъ и говорятъ другіе. Неудобства, которыя онъ причинялъ своей особой, не омрачали его душевной ясности. Среди всеобщаго неудовольствія, онъ одинъ ставался вполнѣ собой доволенъ.

Былъ у насъ еще въ лагерѣ капитанъ Никулитовъ. Самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ интересный и не безъ дарованій, но въ смыслѣ опрятности велъ себя только немногоимъ лучше Мрусенко и испускалъ запахъ, приблизительно, такой же крѣпости и пріятности.

Такіе люди разводили насѣкомыхъ и снабжали ими и другихъ. Потому, когда была объявлена всеобщая чистка, большинство осталось довольно. Заставили отдать въ дезинфекціонную всѣ носильныя вещи — шинели, кителя, брюки, фуражки, грязное бѣлье. Пока все это парилось въ камерѣ, владѣльцы вещей мылись лишній разъ въ душахъ. А стѣны и полы комнатъ были вымыты какимъ то растворомъ.

Такая мѣра сразу убавила насѣкомыхъ, но окончательно ихъ не вывела, пришлось недѣли черезъ двѣ повторить чистку, и послѣ этого я уже вшей больше не находилъ.

ГЛАВА IX.

По берегу Везера, огибая нашъ лагерь, шла дорожка. Въ одномъ мѣстѣ она близко подходила къ наружной рѣшеткѣ и черезъ луга направлялась дальше, къ ближайшему лѣсу. По этой дорожкѣ по воскресеніямъ проходило много народу; разо-

дѣтые по праздничному мужчины и женщины останавливались на поворотѣ посмотрѣть на плѣнныхъ и съ любопытствомъ разглядывали насъ.

Плѣнные же глядѣли на нѣмцевъ, обнаруживая каждый особенности своей націи: англичане — спокойно, руки въ карманахъ, останавливались, на минуту прервавъ свою прогулку вдоль рѣшетки сада; у русскихъ видъ свободныхъ людей, а особенно молодыхъ женщинъ, то вызывалъ непристойныя и совершенно безсмысленныя ругательства, то, наоборотъ, прекращалъ разговоры. Сильныя, молодыя дѣвушки, разодѣтыя въ легкіе, весенніе наряды, казались намъ живыми цвѣтами. Глядя на нихъ, мы чувствовали, что въ нашей жизни есть громадный пробѣлъ: отсутствіе женскаго общества, женскаго вліянія. Веселой компаніей хотѣлось отправиться куда нибудь въ лѣсъ, поваляться въ травѣ на лугу, послушать, какъ жужжатъ шмели и посмотрѣть, какъ перекатываются въ чашечкахъ цвѣтовъ блестящія росинки. Душа стремилась къ свободѣ, къ любви, къ счастью. Но этотъ порывъ не находилъ выхода и томилъ. Между нами и волей была двойная рѣшетка съ часовыми.

На французовъ видъ женщинъ дѣйствовалъ по другому. Особенно отличался одинъ изъ нихъ. Онъ приникалъ совсѣмъ къ рѣшеткѣ, кричалъ, свистѣлъ, храпѣлъ, ржалъ.

Одинъ разъ я сидѣлъ у рѣшетки, когда проходили нѣмки. Французы, по обыкновенію, начали гоготаніе. Высотскій, бывшій рядомъ со мной, всталъ.

— Пойдемъ. Ни слова не понимаю, но чувствую, какъ все, что они кричатъ, похабельно...

Другой прапорщикъ, стоявшій у самой проволоки, тоже вдругъ отошелъ.

— Пришли и спугнули меня, — сказалъ онъ. — А я о женѣ раздумался, да о дѣвочкѣ. Тутъ какъ разъ шла какая то женщина съ ребенкомъ. Издали то мнѣ показалось, что мои. Сердце такъ и покатилось. Смотрю и глазъ не спускаю съ нихъ. А вдругъ, думаю, какимъ нибудь чудомъ, мои... А тутъ какъ разъ подошли союзники... Видно мать то хотѣла въ

сторону свернуть, да некуда. Ну, она идетъ, дѣлаетъ видъ, что вниманія не обращаетъ, а маленькой все любопытно. Что тамъ они кричали, я не понялъ, но только, когда одинъ сталъ... я ужъ не выдержалъ и — ушелъ. Ну, думаю, хорошо, что не мои...

Это дѣло дошло до коменданта, и фонъ-Визе даже выпустилъ приказъ, запрещающій плѣннымъ, подъ угрозой строгаго наказанія, нарушать правила благопристойности въ присутствіи гулявшихъ нѣмокъ. Подобное отношеніе къ женщинамъ было намъ непонятно. Чисто словесная непристойность отдѣльныхъ лицъ у русскихъ, вродѣ Корсовскаго, не шла изъ глубины. За нею скрывалось лишь неумѣніе, вслѣдствіе ограниченности, выразить свой порывъ. Общее же отношеніе русскихъ къ женщинѣ было смягчено и облагорожено чувствомъ къ оставшимся тамъ, въ глубокой Россіи.

Самымъ постояннымъ наблюдателемъ проходившихъ мимо нѣмцевъ былъ одинъ русскій офицеръ-кавалеристъ. Съ утра онъ уже выносилъ свое складное полотняное кресло въ садъ и ставилъ его въ углу, подъ большимъ орѣховымъ деревомъ. Мѣсто было удобное и красивое; за спиной цвѣла сначала черемуха, потомъ сирень, по бокамъ было много зелени, а впереди вился Везеръ и лежали сочные, цвѣтистые луга; вдали поднимались курчавыя отъ лѣсовъ горы.

Отсюда всѣ шедшіе изъ города и въ городъ были очень хорошо видны. Плѣнныхъ здѣсь бывало почему то мало. Я приходилъ сюда съ книгой, а мой компаньонъ располагался, полулежа, на своемъ креслѣ. У него были тонкія, красивыя черты лица; большой лобъ, русые, мягкаго отлива, волосы. Лицо было чистое, блѣдное; на щекахъ виднѣлись пятна, похожія на розовые лепестки. На колѣняхъ у него обыкновенно лежала газета или какая нибудь книга; сбоку, на землѣ, валялась палка, на которую онъ опирался во время ходьбы. Чтеніемъ онъ не занимался. Большей частью, онъ лежалъ, смотря прямо передъ собой. Видно было, что цвѣтущая солнечная весна доставляетъ ему огромное наслажденіе.

Нѣсколько разъ мы встрѣчались и расходились, не сказавъ другъ другу ни слова. Наконецъ, одинъ разъ, сидя невдалекѣ отъ него, я услышалъ тихій смѣхъ. Я поднялъ голову.

— Вы простите меня, — сказалъ онъ, — въ моемъ смѣхѣ нѣтъ ничего обиднаго для васъ. Это меня развеселила весна и ваше молчаніе.

Ледъ былъ сломанъ, мы заговорили.

— Я сперва даже былъ недоволенъ вашимъ присутствіемъ, — сознался онъ. — Хотѣлось быть одному. А потомъ вижу — человѣкъ сидитъ и молчитъ; заинтересовало — ужъ русскій-ли? Даже сталъ поджидать васъ и все наблюдалъ, какъ у васъ чтеніе подвигается. На воздухѣ, въ такую то погоду, особенно, не читается. Я все больше на проходящихъ смотрю, да думаю, Богъ знаетъ, о чемъ...

Начиная съ этого дня, при встрѣчахъ, мы говорили чаще. Корнетъ Хтовъ оказался для меня очень интереснымъ собесѣдникомъ.

— Мой отецъ изъ московскихъ заводчиковъ, а мать изъ дворянокъ. Самъ я кончилъ Московское Техническое, а передъ войной въ Германіи на фабрикахъ работалъ, да къ здѣшней жизни присматривался. На войнѣ въ кавалерію попалъ; сперва отличился, чины даже заработалъ, а потомъ сразу двѣ пули получилъ: одну въ грудь на вылетъ, а другую въ ногу. Лошадь еще примяла; нѣмцы только меня изъ - подъ нея освободили. Рана въ ногу чепуха, немного прихрамываю, а вотъ въ груди что-то нехорошо. Домой хочется, ужъ если помирать, такъ хоть среди своихъ.

— Поживете еще! — сказалъ я ему въ утѣшеніе.

— Хорошо бы. Ужъ одна жизнь — само счастье. Посмотрите, какъ вокругъ и свѣтло, и тепло, и зелено. А когда мелькнетъ мысль, что это, можетъ быть, послѣдняя весна — я тогда ничего не понимаю; я тогда стою близко, близко къ чему то страшному, къ безумію, должно быть...

— Вы не писатель, не художникъ, не ученый, не знаменитость какая нибудь? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Служащій въ одной компаніи, — отвѣтилъ я.

— Ну и хорошо. У меня тетка есть въ Питерѣ, она любитъ у себя знаменитостей принимать, передовой за это слыветъ. Я у нея бывалъ иногда, въ качествѣ племянника, разумѣется. У меня съ самаго дѣтства была мысль о смерти, — что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы встрѣтить ее съ открытымъ лицомъ, что такое она изъ себя представляетъ? Завелъ знакомство съ философіей, а потомъ рѣшилъ познакомиться и съ живыми знаменитостями — не обладаютъ ли они какимъ нибудь секретомъ познанія? Но никакого секрета у нихъ не оказалось. Они сытно ѣли, хорошо пили, нѣкоторые занимали у тетки деньги, цѣловали ей руку, а, выйдя на лѣстницу, ругали ее кухаркой. Быстро разочаровался я въ нихъ.

— Вы можете представить себѣ, о чемъ я теперь часто думаю? — спросилъ меня корнетъ Хтовъ въ другой разъ.

— Не могу.

— О женскомъ вопросѣ.

Мнѣ порой кажется, что современная роль мужчины кончилась. Теперь женщина легко можетъ быть врачемъ, адвокатомъ, бухгалтеромъ... И когда я смотрю на это женское нашествіе, мнѣ кажется, что мужчина отъ чего то отрекся: въ глубинѣ вѣковъ онъ сдѣлалъ большую черновую работу, а, когда трудъ его сталъ благодарнѣй и легче, пришла женщина и вытѣсняетъ его. Я это говорю безъ всякаго умысла кого нибудь обидѣть и понимаю, что часто сама жизнь толкаетъ на это женщину: выйти замужъ, обзавестись дѣтьми удается далеко не всякой. Я лично врагъ женскаго допущенія повсюду, но это я держу при себѣ, ибо не увѣренъ въ непогрѣшимости своего отношенія; по правдѣ, я даже не знаю, изъ чего оно выросло. Женской конкурренціи я не боюсь, но думаю, что для женщинъ есть своя, особая, сфера дѣятельности...

Нѣсколько дней прошло у насъ почти что въ молчаніи. Мы только здоровались при встрѣчахъ да обмѣнивались ничего незначущими словами.

— Бывали вы когда нибудь больны? — спросилъ меня однажды Хтовъ.

Я сталъ рыться въ воспоминаніяхъ.

— Значитъ, нѣтъ; если бы вы тяжело хворали, вы бы, несомнѣнно, сохранили воспоминаніе объ этомъ времени.

Болѣзни, обыкновенно, называются бичомъ человѣческаго рода, и всѣ усилія медицины направлены на борьбу съ ними. Но, кромѣ зла, онѣ приносятъ и что то другое. Какъ моя болѣзнь, по крайней мѣрѣ. Никогда у меня не было такой утонченности чувствъ. Я живу теперь словно другою жизнью и все вижу въ другихъ краскахъ и въ другихъ отношеніяхъ. Вопросы и вещи, которые раньше казались простыми, вдругъ стали сложными; сложное — упростилось. И забавнѣе всего — это происходитъ само собой, безъ всякаго участія моей воли. Надъ временемъ меня словно подымаетъ невѣдомая сила, и я могу далеко видѣть впередъ и назадъ. Люди становятся понятны по звуку голоса, по одному повороту головы. Мнѣ просто жалко было бы разстаться съ этой легкостью и ясностью мысли. Въ этомъ состояніи я переживаю снова вопросы, нѣкогда меня тревожившіе. Больше всего меня занималъ изъ нихъ — соціальный. Кончилось это тѣмъ, что попалъ въ партію. Первое время я чувствовалъ себя смущеннымъ и недостойнымъ — буржуй, толстосумъ, кровопіецъ. Съ уваженіемъ я пожималъ руки, черныя отъ угля и работы, жалъ также и холодные, липкіе пальцы съ грязными ногтями. И вотъ больше всего мнѣ понравились владѣльцы рукъ въ сажѣ и маслѣ. Много было среди нихъ честныхъ, твердо вѣрившихъ въ свѣтлое будущее. За свое дѣло они готовы были перенести какія угодно испытанія, вплоть до смерти. У нихъ были чувства, какъ у вѣрующаго, который принимаетъ причастіе. Этими чувствами пользовались другіе. Эти другіе — ихъ трудно опредѣлить. Во-первыхъ, — сами не работавшіе, съ работой никакой незнакомые; неряшливые; въ спорахъ — схоластика; живой вопросъ тонулъ въ принципахъ. Разносили буржуазію. Ругали меня. Но когда кому нибудь надо было денегъ — присылали записку ко мнѣ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось предупредить покушеніе на артельщика, который изъ банка возилъ деньги на нашу фабрику для выплаты рабочимъ. Ме-

ня главарь сначала даже и слушать не хотѣлъ; пришлось отступного дать, лишь бы не трогалъ артельщика.

— И принялъ? — перебилъ я.

— Принялъ; онъ потребовалъ 500, но сошлись на 300 рубляхъ; другіе не поддержали, онъ и сдался. Словомъ, первыя впечатлѣнія были сумбурныя. Потомъ является разъ ко мнѣ одинъ, начинаетъ разговоръ. Въ ссылку кто то попалъ, помочь надо было. Поговорили, кончили. Затѣмъ онъ меня спрашиваетъ: «Вы, товарищъ, безъ предразсудковъ?» «То-есть?» «Да вотъ, есть одно дѣло; вы помочь можете въ немъ, если вы искренній соціалистъ...» «Если смогу, то помогу». Что же сказалось? Одинъ изъ моихъ родственниковъ въ военномъ министерствѣ видное мѣсто занимаетъ. А въ то время какъ разъ писали и говорили о сформированіи новыхъ русскихъ корпусовъ и перевооруженіи нашей артиллеріи. Такъ вотъ, надо было черезъ него свѣдѣнія достать по этому дѣлу. «Нѣтъ», говорю, «дѣло это съ соціализмомъ ничего общаго не имѣетъ и шпіонажемъ заниматься я не буду». «Я такъ и говорилъ, что вы съ предразсудками и полагаться на васъ нельзя». Бесѣда наша на томъ и кончилась.

Хтовъ замолчалъ, перебирая сиреневый листочекъ длинными и бѣлыми, какъ алебастръ, пальцами. Потомъ онъ началъ снова.

— Я даже затрудняюсь сказать, какой слѣдъ оставило во мнѣ это предложеніе. Во всякомъ случаѣ, на посредника я не былъ въ обидѣ: это былъ человѣкъ съ урѣзанными правами.

Но тотъ, кто его послалъ, не могъ не понимать, что, предавая Россію, онъ предаетъ русскихъ крестьянъ и рабочихъ. Самое глубокое неравенство между людьми не въ томъ, что одинъ богатъ, а другой бѣденъ, а въ томъ, что одинъ все можетъ, а другому внутри что то мѣшаетъ, нравственный императивъ, что ли... Не даромъ иные партійные этотъ императивъ чепухой называютъ: онъ имъ на дорогѣ къ власти и милліонамъ лежитъ. Попалъ въ нашъ кружокъ одинъ адвокатъ. Говорунъ замѣчательный; до того замѣчательный, что совсѣмъ заговорилъ одну дѣвицу, молодую, красивую и очень богатую.

Та какъ то опрометью вышла за него замужъ и долго по Европѣ возила. Миланъ ему показала, Венецію, Парижъ и прочее тому подобное. И не замѣтила, какъ въ угарѣ все свое состояніе на него перевела. Послѣ этого онъ ее и отпустилъ, но одну, безъ капиталовъ; ихъ онъ себѣ оставилъ... Рабочимъ ураганыя рѣчи произноситъ, буржуазію во какъ громитъ. Въ Ниццу же ѣздитъ одинъ, а жена за тридцать рублей въ конторѣ служитъ.

Недѣли черезъ полторы, мы встрѣтились снова на нашемъ мѣстѣ. Хтовъ выглядѣлъ еще прозрачнѣе, а пятна на щекахъ замѣтно увеличились. Его лихорадило, и въ жаркій солнечный день онъ сидѣлъ, укрывшись плэдомъ. Я ничего не могъ ему сказать ободрительнаго и только слѣдилъ, какъ на солнцѣ сверкали своими вороненными спинками бѣлогрудыя ласточки.

— А я сегодня получилъ интересное письмо изъ Швейцаріи, — первымъ заговорилъ Хтовъ: — почитайте-ка.

И онъ вынулъ изъ книги синій конвертъ съ швейцарской маркой. Письмо было написано на листѣ бумаги коммерческаго размѣра. Вверху стояло: Бернъ и дата. Всего содержанія письма я не помню, но въ памяти осталась фраза: «если вы обѣщаетесь принять участіе въ предпринимаемомъ нами изданіи, вамъ будетъ дана возможность переѣхать въ Швейцарію». Я прочелъ письмо и пожалъ плечами.

— Политическій младенецъ, — усмѣхнулся Хтовъ. — Дѣло идетъ тутъ о какомъ то журналѣ, который долженъ будетъ обслуживать интересы, во всякомъ случаѣ, только не Россіи. Понимаете положеніе — они знаютъ, что я боленъ, что я рвусь отсюда; хоть меня и не любятъ, а я имъ нуженъ. Вотъ меня и искушаютъ.

Онъ закрылъ глаза и задремалъ. Мнѣ сразу стало скучно. Я потихоньку ушелъ.

Съ того дня больше Хтова я не видалъ. Онъ не приходилъ на свое мѣсто. Вся эта странная исторія взбудоражила меня, и я былъ даже радъ, что не вижу его. Черезъ нѣсколько дней мнѣ кто то сказалъ, что Хтова перевели изъ нашего лагеря, не-

извѣстно куда. Все обрывалось, такимъ образомъ, между нимъ и мной.

Прошло мѣсяца два, я уже сталъ забывать о немъ. И вдругъ, совсѣмъ неожиданно, отъ него пришло письмо. Оно было мнѣ передано однимъ изъ русскихъ офицеровъ, туберкулезнымъ, который, какъ оказалось, былъ нѣкоторое время вмѣстѣ съ Хтовымъ въ санаторіи.

— Теперь онъ, должно быть, ужъ умеръ, — сказалъ передавшій мнѣ письмо офицеръ, — хотя онъ и былъ на особомъ положеніи и лечили его энергично, все же за послѣднее время онъ таялъ, какъ снѣгъ, и доктора говорили, что спасенія ему нѣтъ. Нѣмецкая фирма, съ которой они имѣли дѣла, очень заботилась о немъ; ему посылали цвѣты, провизію, шеколадъ; онъ раздавалъ все это другимъ, самъ же почти ничего не ѣлъ. Цѣлами часами сидѣлъ на верандѣ и грѣлся на солнцѣ. Когда я уѣзжалъ въ Мюнденъ, онъ очень просилъ найти васъ и передать это письмо.

Оставшись одинъ, я вскрылъ конвертъ. Сначала изъ него выпалъ пакетикъ чистой бумаги; внутри его оказалось двѣсти марокъ. Торопясь, я досталъ самое письмо. Оно было довольно длинное, написанное, видимо, въ нѣсколько пріемовъ. Писалъ онъ то чернилами, то химическимъ карандашомъ.

«...Ко мнѣ подходятъ большія минуты, когда не лгутъ ни себѣ, ни другимъ. Въ нашу послѣднюю встрѣчу вы были до того сдержанны, что не спросили даже, что же я сдѣлаю. Да я, кажется, къ тому же заснулъ, а вы ушли. Ночью мнѣ стало очень погано; меня отправили въ госпиталь, а оттуда я написалъ знакомой нѣмецкой фирмѣ; она пристроила меня въ хорошую санаторію.

...Въ Швейцарію я не поѣхалъ; я просто ничего не написалъ имъ. Но думать обо всѣхъ величинахъ, сопряженныхъ съ ней, не пересталъ. У меня сейчасъ нѣтъ вѣры въ дѣло, которому я служилъ. Меня за это облили бы презрѣніемъ. Но это ихъ дѣло... къ тому-же я боленъ, я слабъ, къ слабымъ же они безпощадны...

...Я пошелъ въ партію, какъ въ церковь. Я надѣлся пріобщиться къ служенію человѣчеству. Вмѣсто истины, я нашелъ тамъ партійную схоластику. Вмѣсто свободы — не только думать, даже чувствовать заставляли по особому. Никакихъ сомнѣній въ авторитетахъ не допускалось. Это считалось ересью; точь въ точь, какъ въ первые вѣка христіанства.

Да, такъ оно было; впрочемъ, не въ этомъ дѣло.

Я инженеръ; въ нашемъ ремеслѣ основными моментами являются три вещи: фактъ, число, и производящая ихъ сила. Отъ нихъ ничто не можетъ убѣжать. Даже сама будущая революція. Я представляю себѣ: народы разбиваютъ цѣпи и становятся свободными. А дальше? Кто и какъ будетъ производить то, что необходимо для ихъ же жизни? Бывшіе буржуи — ихъ слишкомъ мало, бывшіе рабочіе? — врядъ ли: они пожелаютъ пріобщиться къ умственной жизни, къ образованію. Это вполнѣ натурально и справедливо. Но кто то долженъ же будетъ добывать уголь, ткать, мостить, строить. Я хочу, чтобы я ошибался. Но сейчасъ я дохожу до сомнѣній въ основныхъ догматахъ всеобщаго спасенія. Узки они. Когда то узость и увѣренность въ непогрѣшимости родили инквизицію. Множество людей было объявлено ею недостойными милосердія. Въ наши дни партійные заправилы объявляютъ всѣхъ, кто иначе мыслитъ, недостойными ихъ снисхожденія; нѣтъ вины, въ которой эти другіе не были бы виноваты.

Исторія осудила инквизиторовъ и оправдала ихъ жертвы. Можетъ быть, она же представитъ въ иномъ свѣтѣ «кровопійцъ» нашего времени и ихъ обвинителей...

Земное и временное уходитъ уже отъ меня. Всеобщее спасеніе я вижу лишь въ широкой двери, черезъ которую могутъ пройти всѣ. Эта дверь — милосердіе. Передъ нимъ примиряются всѣ противорѣчія. Но я не знаю, когда оно станетъ правиломъ поведенія...

Не откажите принять при семъ прилагаемое. Деньги здѣсь мнѣ не нужны, а Вамъ могутъ понадобиться.

Я сильно слабѣю. Врядъ ли мы встрѣтимся. Если вы когда

нибудь по-дружески вспомните меня, мнѣ отъ этого, я увѣренъ, будетъ легче. Жму руку...»

Черезъ недѣлю я отъ кого то узналъ, что Хтовъ умеръ. Мнѣ показалось, что изъ жизни ушло что то хорошее.

ГЛАВА X.

Однажды, въ праздничный день мы большой толпой стояли у рѣшетки. Мимо проходили нѣмцы. Кто то изъ французовъ крикнулъ имъ что то вродѣ «sales Boches». Въ отвѣтъ на это, одинъ изъ нѣмцевъ остановился, поднялъ палку и что то прокричалъ. Словъ его никто не могъ разобрать, и плѣнные принялись смѣяться еще больше. Но мнѣ въ тонѣ кричавшаго послышались и угроза, и торжество. Дѣйствительно, часа черезъ два въ лагерѣ уже ходилъ слухъ о какомъ то большомъ прорывѣ, произведенномъ соединенными силами нѣмцевъ и австрійцевъ на русскомъ фронтѣ.

На другой день газеты сообщили, что на протяженіи нѣсколькихъ километровъ орудія были поставлены колесо къ колесу, и въ теченіе четверти часа было выпущено 700 000 снарядовъ; послѣ этого, нѣмецкія войска, съ ружьями за спиной, перешли черезъ срытыя русскія позиціи.

Русская армія стала отступать. Нѣмцы каждый день приводили количество взятыхъ орудій, пулеметовъ и людей.

Города и области, завоеванные цѣною неимовѣрныхъ усилій, переходили снова въ руки враговъ. Но не это пугало. По нѣмецкимъ сообщеніямъ выходило, что у русскихъ нѣтъ оружія: нѣмцы брали въ плѣнъ роты, вооруженныя старыми берданками, а то и просто палками, съ желѣзными наконечниками; во многихъ частяхъ бывало больше людей, чѣмъ оружія; въ бою раненые передавали свои винтовки уцѣлѣвшимъ. Сначала мы не вѣрили этому; но то же самое сообщали и новые русскіе плѣнные.

Съ тоской слѣдили мы за отступленіемъ. Появилось множество картъ. На нихъ булавками отмѣчали фронтъ. Каждый день приходилось булавки перекалывать. Предположеніе, что русскіе остановятся на линіи крѣпостей, не оправдалось. Крѣпости, къ великому огорченію, оказались не прочнѣе картонныхъ. Изъ нихъ я немного зналъ Новогеоргіевскъ; какъ говорили военные спеціалисты, это была прекрасная крѣпость. Комендантомъ ея былъ крутой и строгій генералъ. Но Новогеоргіевскъ не имѣлъ даже славы долгой и мужественной обороны; всѣ запасы, которые находились въ этой крѣпости, попали въ руки нѣмцамъ вмѣстѣ съ комендантомъ, генераломъ Бобыремъ. Изъ мужественныхъ людей молва называла только одно имя — поручика Малинина; онъ упорно защищалъ свой фортъ. Вытѣсненный нѣмцами изъ передней части, онъ поставилъ орудія въ горжѣ форта и оттуда отстрѣливался. По сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ, въ Новогеоргіевскѣ было захвачено около 1000 орудій, 60 000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 1000 офицеровъ.

Одинъ изъ новогеоргіевскихъ офицеровъ, прибывшій въ Мюнденъ, разсказалъ такую исторію:

Нѣмцы, обложивъ крѣпость съ одной стороны, начали ее сильно обстрѣливать. Снаряды дальнобойныхъ орудій стали залетать въ цитадель. Тогда генералъ Бобырь спѣшно созвалъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ имъ былъ поставленъ вопросъ: что дѣлать? Нѣкоторые спросили: «Т.-е., какъ что?» Бобырь пояснилъ: «Сдаваться или продолжать борьбу?.

Многіе удивились — положеніе вовсе не было такимъ безнадежнымъ. Но Бобырь рѣшилъ за всѣхъ:

— Какъ комендантъ, я приказываю сдаться...

И вотъ, когда съ одной стороны крѣпости гремѣли орудія, изъ цитадели выѣхалъ автомобиль съ нѣсколькими военными; это были парламентеры, уполномоченные комендантомъ вступить съ нѣмцами въ переговоры о сдачѣ. Автомобиль направился вдоль Вислы; никого не было видно. Нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ, при видѣ русскаго автомобиля, пустились въ бѣгство. Наконецъ, автомобиль, случайно, наткнулся на нѣмецкій кавалерійскій разъѣздъ. Тѣ уже начали было сдаваться, когда выяс-

нилось, что сдается собственно крѣпость. Кавалеристы ободрились и проводили автомобиль, куда слѣдуетъ.

Новогеоргіевскъ былъ сданъ, и много офицеровъ отправилось въ плѣнъ въ новенькихъ пальто, въ блестящихъ сапогахъ. Нѣкоторые захватили не только туго набитые чемоданы, но даже и самовары.

— Сначала насъ всѣхъ перевели въ Штральзундъ, — разсказывалъ мнѣ тотъ же офицеръ. — Въ этомъ лагерѣ съ Бобыремъ случилась такая исторія. Отъ всѣхъ плѣнныхъ онъ требовалъ отданія чести. Выходитъ онъ разъ на дворъ, а тамъ на скамейкѣ сидитъ какой то поручикъ. На генерала никакого вниманія. Бобырь къ нему:

— Почему вы чести мнѣ не отдаете, видите, что я генералъ?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Я такимъ генераламъ, которые крѣпости сдаютъ, чести не отдаю.

Послѣ Новогеоргіевска, паденіе Ковно и Гродно насъ уже не удивило. И, все-таки, эти тяжелыя переживанія не подавили у насъ надежды на лучшее будущее. Была вѣра въ Россію, въ ея силы. Никто изъ насъ не смотрѣлъ на эти неудачи, какъ на окончательныя.

Пока развивались эти событія, внутри лагеря между нами и комендатурой пошли большія тренія. Поводомъ къ нимъ послужила прибыль, полученная кухней и кантиной. Несмотря на расходы по оборудованію, послѣ 2-хъ мѣсячнаго хозяйничанія плѣнныхъ получилась экономія въ 5000 марокъ. Возникъ вопросъ, кто имѣетъ право на эти деньги. Мы считали, что онѣ принадлежатъ намъ; но комендатура рѣшила, что деньги — ея.

Боясь, что эта прибыль пойдетъ на какія нибудь военныя цѣли, и не желая очутиться въ роли невольныхъ германскихъ союзниковъ, русскіе вышли изъ состава всѣхъ комиссій.

Миновали прекрасные дни Аранжуеца! На кухнѣ и въ кантинѣ наступило междуцарствіе. Кто тамъ правилъ — трудно было сказать; не то союзники, не то нѣмцы. Но перемѣна сразу же сказалась на количествѣ и качествѣ пищи. Наглядным

примѣромъ была рыба. Вмѣсто цѣлой, намъ стали давать по половинѣ на человѣка; часто у этихъ половинъ недоставало самыхъ лучшихъ частей; затѣмъ съѣхали на еще меньшія доли. Въ заключеніе на столъ, гдѣ сидѣло 14 человѣкъ, стали подавать всего лишь двѣ маленькія рыбки. Количество картофеля, риса, макаронъ также рѣзко уменьшилось. Не мало было сказано нами горькихъ словъ по адресу тѣхъ, кто правилъ кухней. Но это дѣлу не помогало, мы стали голодать. Объяснялось ухудшеніе стола безхозяйственностью и повальнымъ воровствомъ.

— Кто-жъ теперь на кухнѣ не тащитъ! — говорилъ намъ Григорій. — Да, почитай, что, всѣ, кто тамъ работаютъ. Этотъ толстый нѣмецкій унтеръ - офицеръ, что на кухнѣ сидитъ, всякій вечеръ полный мѣшокъ домой уноситъ; а чего у него тамъ нѣтъ: и рыба, и мясо, и макароны, и рисъ. Потомъ, полагается на столъ, скажемъ, 10-15 рыбъ, по числу ѣдоковъ. Вдругъ является какой нибудь нѣмецъ и забираетъ себѣ 2-3 штуки, за нимъ другой; французъ-поваръ тоже беретъ: «это я для своихъ офицеровъ».

Дѣйствительно, спускаясь съ лѣстницы, я часто встрѣчалъ французовъ поваровъ, тащившихъ миски съ рыбой и картофелемъ своимъ офицерамъ. Кромѣ того, у нихъ на кухнѣ можно было купить жареную рыбу по маркѣ за штуку.

Словомъ, наступившій порядокъ вещей былъ хорошъ для всѣхъ, исключая насъ. Двухъ-мѣсячный опытъ веденія хозяйства русскими показалъ въ нихъ большой запасъ общественности: дѣло велось не только умѣло, но и въ высшей степени честно. Никто изъ тѣхъ, кто имѣлъ нравственное право на вознагражденіе за свой трудъ, не посягнулъ въ какой бы то ни было формѣ на общее достояніе. Свое удовлетвореніе работавшіе находили въ сознаніи, что они исполняютъ нужное для всѣхъ дѣло.

И не поспѣшили ли они черезчуръ, уйдя и оставивъ его? Прибыль можно было бы пожертвовать, въ концѣ концовъ, нѣмцамъ. Зато не одна человѣческая жизнь была бы спасена отъ туберкулеза и общаго истощенія.

Въ августѣ у насъ появилась сестра Оржевская. Изъ га-

зетъ мы уже знали, что, по взаимному соглашенію между Германіей и Россіей, каждая страна отправляетъ въ другую отрядъ своихъ сестеръ милосердія для осмотра лагерей военно-плѣнныхъ. Нѣмцы готовились къ ея пріѣзду усиленной чисткой, а мы заготовили громадный сборникъ жалобъ. Наши фотографы зарядили свои аппараты и караулили моментъ ея прибытія. И вотъ, въ одинъ ясный, августовскій день, около лагеря остановилась коляска, сначала оттуда посыпались нѣмецкіе офицеры, а потомъ вышла женщина въ костюмѣ русской сестры милосердія. Это была сестра Оржевская. Защелкали аппараты, весь лагерь пришелъ въ движеніе. Всякій спѣшилъ взглянуть на человѣка, недавно пріѣхавшаго изъ Россіи. Сначала она зашла въ комендатуру, гдѣ пробыла нѣкоторое время, вѣроятно предъявляя свои документы. Передъ дверью, изъ которой она должна была показаться, собралась толпа, всѣ были взволнованы; шутка ли, увидѣть русскую женщину, да еще свободную. Дверь открылась; у меня шибко застучало сердце. Она сказала намъ нѣсколько словъ и передала привѣтъ отъ Императрицы. Во время рѣчи, ея голосъ дрожалъ; дрожалъ онъ и у того, кто ей отвѣчалъ. Затѣмъ она кого то обнимала, кого то цѣловала; всѣ тянулись приложиться къ ея рукѣ. Она прошла по всему лагерю, побывала въ саду; ей показали черепаху, наши комнаты; подивилась она, какъ мы смогли изъ пустяковъ такъ красиво убрать наши жилища; потомъ наши старшіе забрали ее на свою половину; тамъ, съ документами въ рукахъ, изложили ей наши нужды и горести, не забыли и солдатъ.

— Мы еще живемъ въ сравнительно сносныхъ условіяхъ, но наши солдаты мрутъ, какъ мухи. Это не плѣнные, а мученики, — говорили ей.

Сестра все обѣщала доложить Императрицѣ. О военномъ положеніи она отказалась говорить, связанная словомъ, но передала, что былъ дѣйствительно моментъ, когда войскъ на фронтѣ было очень мало. О самомъ-же интересномъ для насъ — сколько намъ придется еще просидѣть, она знала столько-же, сколько и мы. Подъ вечеръ она уѣхала въ Кассель.

Ея пріѣздъ собственно ничего опредѣленнаго не далъ.

Будетъ-ли одѣлано что-нибудь для плѣнныхъ въ смыслѣ снабженія ихъ пищей и одеждой, такъ и осталось невыясненнымъ.

Съ сестрой Оржевской прибыло въ Германію еще нѣсколько другихъ сестеръ для осмотра лагерей. Прибытіе сестеръ вызвало среди плѣнныхъ много толковъ. Вотъ разсказъ офицера изъ лагеря Гютерсло:

— Пріѣхала къ намъ русская сестра графиня Х., женщина молодая, красивая. Заговорилась она со встрѣчными французами и англичанами, и о насъ совсѣмъ забыла. А когда пришла пора уѣзжать изъ лагеря, она къ намъ обратилась: «ну-съ, господа, что-же отъ васъ передать въ Россію?».

Въ какомъ-то лагерѣ дѣло было еще проще, какъ сообщилъ переведенный оттуда офицеръ:

— Пріѣхала сестра. Всѣ бросились къ ней, стали жаловаться — обращеніе грубое, пища плохая. А она въ отвѣтъ: «не забывайте, господа, что вы въ плѣну, а не дома».

— Просто послали сестеръ въ Германію посмотрѣть, что читаютъ плѣнные и каково ихъ настроеніе, — заключилъ Саламаша, полоща банку изъ подъ консервированнаго молока.

И это думалъ не онъ одинъ.

Махнувъ рукой на помощь русскаго правительства и написавъ еще разъ домой съ напоминаніемъ о посылкахъ, большинство плѣнныхъ погрузилось съ головой въ занятія. Приближалась осень, впереди была зима, а конца войны такъ и не предвидѣлось. На душѣ становилось очень тоскливо, налетали порой сѣрыя, безотрадныя, какъ осеннія вороны, мысли... Отъ нихъ тоже искали спасенія въ занятіяхъ.

При новомъ комендантѣ въ лагерѣ появилось пиво и красное вино. Прежде чѣмъ допустить продажу того и другого, фонъ-Визе совѣщался съ нашими представителями. Но тѣ его увѣрили, что никакого зла отъ этого не будетъ; продажа была разрѣшена.

Всего умѣреннѣе пользовались этимъ разрѣшеніемъ французы, они пили только за обѣдомъ и за ужиномъ. Центральное положеніе въ этомъ отношеніи заняли англичане и самое крайнее — русскіе. Въ нашей комнатѣ большими поклонниками

«спиритизма» оказались капитанъ Никулитовъ и Максимычъ съ Васильичемъ.

Капитану Никулитову было около сорока лѣтъ; онъ былъ худой, какъ сухарь; лицо его, несмотря на красивыя черты, своими морщинами и цвѣтомъ напоминало печеное яблоко. На внѣшность свою онъ мало обращалъ вниманія, ходилъ небритымъ, въ туфляхъ, безъ кителя и фуражки; штаны подвязывалъ старымъ ремешкомъ. У него была особенность — на всякій вопросъ онъ отвѣчалъ съ откровенностью, которая однихъ смѣшила, а другихъ пугала. О себѣ, о своей жизни и службѣ въ полку онъ говорилъ безъ утайки, не скрывалъ и тѣхъ замѣчаній, которыя часто дѣлались ему.

— Все водочка виновата; послѣ инспекторскихъ смотровъ я всегда нагоняй получалъ; если бы не братъ, меня бы со службы давно уволили, — говорилъ спокойно Никулитовъ, — онъ похлопочетъ, меня и оставятъ.

— Но, что бы вы стали дѣлать? У васъ жена, ребенокъ? — спрашивали слушатели.

— А я не знаю. Пошелъ бы въ плотники, въ красильщики, нашелъ бы какую нибудь работу.

Дѣйствительно, обычныя людскія заботы, страхъ передъ высшими, боязнь замѣчаній, мысли о повышеніи, о будущемъ, для него не существовали. Трудно было понять, кто онъ — философъ, или черезчуръ безпечный человѣкъ.

Женатъ онъ былъ на шведкѣ.

Исторія его женитьбы, разсказанная имъ самимъ, ходила по всему лагерю. Я не знаю этой исторіи, на мою просьбу разсказать ее, мнѣ отвѣчали смѣхомъ и словами: — «пусть онъ самъ вамъ разскажетъ». Говорили еще, что священникъ, вѣнчавшій капитана, сказалъ ему: — «много свадебъ я видѣлъ, а такой, какъ ваша — никогда».

Словомъ, онъ кажется готовъ былъ отвѣтить на самый интимный вопросъ, и, все-таки, съ нимъ никто не переходилъ извѣстныхъ границъ. Въ немъ было что-то глубоко-наивное, дѣтски-чистое и до крайности беззащитное. И это обезоруживало всѣхъ.

Жена видимо любила его и заботилась о немъ; онъ часто получалъ отъ нея письма, денежные переводы, посылки съ продуктами и бѣльемъ. Прислала она ему и свою фотографическую карточку. Съ нея смотрѣла милая, свѣтлоокая шведочка, видимо, такая же беззащитная, какъ и ея супругъ. И, глядя на нее, мы невольно думали, какъ она можетъ жить съ такимъ мужемъ.

Въ жаркую лѣтнюю ночь, когда мы лежали, томясь отъ зноя, вдругъ по всей комнатѣ разносился невыносимо-противный запахъ. Мы уже знали, что это капитанъ Никулитовъ снимаетъ носки. Онъ ихъ не мѣнялъ и не мылъ ногъ.

— Опять понесло, раздавались въ темнотѣ голоса, дышать нельзя.

— У кого такія прѣлыя копыта, спрашивалъ Василичъ, прекрасно зная, отъ кого исходитъ запахъ.

— Спираль ядовитая, подтверждалъ Максъ, ласточки даже гнѣздо подъ нашимъ окномъ бросили.

Но Никулитовъ былъ склоненъ видѣть только смѣшную сторону вещей.

— Капитанъ, спрашивалъ его Антоничевъ, вы и въ Россіи такъ пахли?

— А что? весело отзывался Никулитовъ.

— Да какъ вы къ женѣ могли подойти. Отъ вашихъ ногъ такъ несетъ, что меня тошнитъ.

— Копытцемъ, копытцемъ несетъ, восторгался капитанъ. Жена-то знала это и всегда за мной съ тазомъ воды ходила.

И не то, чтобы у него не хватало бѣлья, — бѣлья капитанъ имѣлъ много; но, получивъ посылку, онъ выбиралъ изъ нея все съѣстное, а остальное сваливалъ въ шкафикъ и больше уже имъ не интересовался.

Онъ любилъ рисовать и дѣлалъ много рисунковъ пастелью. Всѣ свои лишнія деньги капитанъ первое время тратилъ на карандаши, краски, уголь, картонъ, полотно. Его рисунки, какъ и онъ самъ, чѣмъ-то поражали. Въ нихъ было что-то новое, интересное, что невольно останавливало взглядъ. Онъ располагался, обыкновенно, у какого-нибудь окна и за-

рисовывалъ тотъ видъ, который передъ нимъ открывался. Или уходилъ въ садъ. Законченныя картины онъ складывалъ у стѣнки, за кроватью, гдѣ валялись старые сапоги и грязное бѣлье. Когда ему становилось скучно, онъ вынималъ свои произведенія и разсматривалъ ихъ.

И вотъ, появились въ лагерѣ вино и пиво. Они разбудили дремавшаго внутри капитана алкоголика. Этотъ алкоголикъ ежедневно требовалъ бутылки двѣ-три пива и столько же вина на «загладку». Противиться этому требованію капитанъ не могъ. На «пивишко и винишко», какъ онъ ласкательно выражался, пошли сперва остатки жалованья; ихъ хватило не надолго. Тогда Никулитовъ сталъ распродавать присланное ему женой бѣлье. Покончивъ съ бѣльемъ, онъ вынулъ изъза изголовья свои запыленныя произведенія и вытеръ ихъ грязнымъ платкомъ; подтянувъ потуже ремень на штанахъ, онъ взялъ картины подъ мышку и куда-то ушелъ. Пропадалъ онъ съ полъ-часа; вернулся довольный и радостный.

— Продалъ одну картину какому-то французу за 5 марокъ, объявилъ намъ Никулитовъ.

— Какъ же вамъ удалось продать? спросилъ его Антоничевъ, собратъ капитана по искусству.

— Очень просто. Вышелъ въ корридоръ, вижу французъ стоитъ. Я ему: «Monsieur, voulez-vous acheter un tableau?» Онъ отказался. Я тогда по компатамъ пошелъ. Въ первыхъ двухъ никто не взялъ, а въ третьей — купили.

У Никулитова не только покупали, но ему и заказывали картины, особенно французы. Нравились, видно, имъ его пастели, не думаю, чтобы это была простая благотворительность.

Получивъ заказъ, Никулитовъ вооружался карандашами и погружался въ работу. Въ эти моменты бѣсъ алкоголя терялъ надъ нимъ силу. Но когда заказъ уже былъ готовъ, бѣсъ снова овладѣвалъ капитанской душой. Съ заработанными деньгами Никулитовъ немедленно отправлялся въ кантину. Оттуда онъ возвращался, позванивая бутылками, въ великолѣпнѣйшемъ настроеніи духа.

Въ противоположность многимъ пьющимъ, капитанъ Ни-

кулитовъ никогда не искалъ компаніи, довольствуясь своимъ собственнымъ обществомъ. Онъ также не просилъ взаймы денегъ, да, вѣроятно, ему все равно и не дали бы.

Капитанъ Никулитовъ предпочиталъ пить не изъ бутылокъ, а изъ графинчика. Для этой цѣли имъ была пріобрѣтена соотвѣтствующая, довольно объемистая, «сосудинка». Сперва онъ ее наполнялъ пивомъ, а когда пиво перекочевывало въ капитанскій желудокъ — виномъ. «Сосудинка» ставилась на стулъ, стулъ придвигался къ кровати, на ней же устраивался и самъ капитанъ. Затѣмъ, не спѣша, онъ наливалъ первый стаканчикъ и потихоньку, съ чувствомъ выпивалъ его. Вытеревъ ротъ оборотной стороной ладони, капитанъ бралъ мандолину.

Она тихо начинала звенѣть подъ его руками; звуки были нѣжные, ясные. Они несмѣло расходились по комнатѣ, каждый мигъ будто готовые скрыться. Съ удивительной тонкостью и изяществомъ передавали они всѣ переживанія и настроенія души; грусть выходила овѣянной далекой надеждой на что то свѣтлое, а въ радости слышались щемящія нотки. Иногда, неожиданно раздавался ликующій аккордъ, и тутъ же, чуть успѣвъ замереть, звуки снова становились застѣнчивыми и робкими, какъ дѣти при видѣ чужого.

Играя, капитанъ смотрѣлъ куда то вдаль. Лицо его свѣжѣло, глаза дѣлались ясными, онъ весь молодѣлъ. Мы отрывались отъ занятій и слушали игру Никулитова. И когда онъ переставалъ играть, становилось сѣро и скучно.

И нельзя было понять, какой же человѣкъ въ немъ является настоящимъ — тотъ ли, у кого такъ звенятъ струны, или другой — неопрятный, скверно - пахнущій.

Кромѣ капитана Никулитова, у насъ въ комнатѣ большой приверженностью къ напиткамъ отличались, какъ я уже сказалъ, Максъ и Михайловъ. Но эта исторія была совсѣмъ другого характера. Они были люди общительные и разговорчивые. Выпивали они всегда вмѣстѣ и, выпивая, обсуждали прошлое, настоящее и будущее со всѣхъ точекъ зрѣнія.

Дѣлились воспоминаніями о службѣ, о войнѣ, объ изобиліи плодовъ и напитковъ въ петроградскихъ ресторанахъ.

Никулитову достаточно было для приведенія себя въ райское состояніе пяти марокъ; Максу и Михайлову, какъ людямъ болѣе молодымъ и сильнымъ, зарядъ требовался большій. Но денегъ, какъ и мы всѣ, они имѣли мало. И все-таки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, почти каждый день, они умудрялись достигать райскаго градуса. Никто не понималъ, откуда они достаютъ деньги. Но въ русской жизни есть одно странное явленіе — гораздо легче находятся деньги на выпивку, чѣмъ на хлѣбъ.

Сначала они пили на свои собственныя средства и даже угощали лицъ, особо именитыхъ, «случайно» зашедшихъ къ нимъ на пиршество. Когда этотъ источникъ высохъ, они обратились къ кредиту. Ихъ знали, они пользовались извѣстнымъ уваженіемъ, и сначала имъ охотно давали. Но хроническій неплатежъ по своимъ обязательствамъ лишилъ ихъ общественнаго довѣрія. Стали продаваться вещи — бѣлье, кое какое платье, обувь. У Михайлова, вмѣсто сапогъ, на ногахъ оказались длинныя, какъ лыжи, старыя туфли; у Макса — чьи-то порванные и покоробившіеся штиблеты.

Сидя за своимъ столикомъ, я иногда слышалъ отрывки ихъ разговоровъ,

— Ты, Максимычъ, знаешь, былъ на Петроградской сторонѣ одинъ такой уютный ресторанчикъ. На окнахъ занавѣсочки бѣленькія, столики маленькіе, аккуратные; хоть не хочешь, а пива непремѣнно спросишь, — вспоминалъ Михайловъ.

— А у насъ по близости пивная была, громадная, какъ дворецъ; тамъ бутылки съ кружкàми приносили. Выпьешь — бутылку унесутъ, а кружокъ оставятъ. Пришли мы разъ туда вдвоемъ, съ «мухой» уже, пиво начали пить. Ну, пьемъ, бутылки забираютъ, кружки оставляютъ. Потомъ давай мы кружки эти считать. Такъ, что-жъ ты думаешь, Василичъ? Не могли. Все по разному получается: у меня 12, а у другого 14.

— Какъ это такъ? спросилъ Михайловъ; двоиться начало?

— Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ; другой то, оказывается, двѣ пепельницы присчитывалъ...

— Бываетъ, что нельзя разглядѣть. Я въ одномъ ресторанѣ кашнэ на столѣ забылъ, а салфеткой шею повязалъ, сказалъ Михайловъ.

— Василичъ, продолжалъ Максъ, откупоривая вино. Ну, развѣ ты сталъ бы пить въ Россіи такую гадость?

— Вѣрно, что гадость. Не вино, а самый настоящій блевантинъ.

Вино, дѣйствительно, это названіе оправдывало. Стоило только капельку перехватить, какъ получалось то дѣйствіе, откуда оно и получило свое названіе. Послѣдствія неумѣренности бывали иногда настолько неожиданны и скоропалительны, что часто пострадавшій не успѣвалъ сойти въ уборную и оставлялъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ или на лѣстницѣ то, чего желудокъ не желалъ принимать.

Разъ, спускаясь съ Максомъ по лѣстницѣ, мы увидѣли большой овалъ изъ пролитаго такимъ образомъ вина. Въ этомъ же овалѣ лежали совершенно цѣлые кусочки сала и колбасы.

— Не донесъ кто-то, отнесся сочувственно Максъ, должно быть русскій, по колбасѣ видать: настоящая московская копченая.

А иногда и самому Максу и Михайлову приходилось спускаться внизъ съ большой скоростью.

Какъ я сказалъ, подвыпивши, они вели задушевные разговоры.

— Вотъ языки стали зубрить, философствовалъ Михайловъ, и пусть ихъ зубрятъ, мѣшать я имъ не буду. Но только не сочувствую я этому.

— Тебѣ, Василичъ, и зубрить ихъ незачѣмъ: ты и такъ ихъ знаешь, говорилъ Максъ.

Михайловъ, котораго всѣ называли просто «Василичъ», воспитывался въ Реформатскомъ училищѣ, а высшее коммерческое образованіе дополнялъ въ Германіи и Англіи. Языки онъ зналъ хорошо.

— Обидно, Максимычъ. Думаютъ, что въ Европѣ одна малина со сливками. Совсѣмъ это не такъ.

— Больше говорятъ про нее хорошаго, чтобы насъ уро-

нить, а всѣ такъ и лѣзутъ въ Россію, и чего лѣзутъ? резонерствовалъ Максъ.

— Намъ все время Европой въ глаза тычутъ. Какой-либо сопливый ученикъ, а ужъ оретъ: «Россія страна дикая, некультурная, безъ паспортовъ и ѣздить нельзя». Въ Европѣ, точно, паспортовъ не спрашиваютъ, но только тамъ полиціи не въ примѣръ больше, и она всякій твой шагъ знаетъ. Пока ты никому не мѣшаешь, и она къ тебѣ не вяжется. А случись что-нибудь такое, спросятъ у тебя имя и фамилію — скажи-ка что-нибудь не такъ!.. Со дна морского достанутъ. У насъ городовой коснуться не моги меня; а тутъ у каждаго наручники есть; схватитъ тебя и браслеты сейчасъ же одѣнетъ. А разъ тебя взяли — сопротивляться не моги. У насъ далъ полицейскому въ физіономію — ну, мѣсяцъ высидки. А тутъ — за это года два-три тюрьмы.

— Я тоже вижу, не все русское ужъ такъ плохо. У насъ, напримѣръ, автомобили Балтійскаго завода — прекрасныя машины. Тяжеловаты правда, но ужъ зато какой прочности!.. А взять нѣмецкое производство, ихнія шрапнели что-ли. Гнутся высоко, стаканъ часто разлетается, дѣйствія большого нѣтъ; больше пугаетъ, и берутъ только количествомъ. А когда меня взяли въ плѣнъ, такъ наша-же артиллерія обстрѣляла насъ. Горячка была: стрѣляютъ мѣтко, шрапнель рвется низко, стаканъ то у нашей стальной, точеный, не разлетается: какъ дастъ, такъ душа въ пятки уходитъ. Далеко нѣмецкой до нашей. Возьми ты потомъ ихъ сахаръ; развѣ его можно сравнить съ нашимъ рафинадомъ. Я въ этихъ штанахъ больше года хожу, — а ужъ въ какихъ передѣлкахъ они ни были, англійскій товаръ не выдержалъ-бы, а нашъ, ничего — держитъ.

— Выпьемъ за твои штаны, Максимычъ!

— Выпьемъ, Василичъ.

Наливали и выпивали.

— Да, Максимычъ, русскіе всѣмъ языкамъ учатся, а русскому — никто. Даже и тѣ, кто знаетъ-то его, и тѣ не желаютъ говорить на немъ. Дала мнѣ наша фирма одинъ разъ

порученіе къ одному лицу съѣздить, по торговому дѣлу значитъ. Ну-съ пріѣхалъ, карточку далъ: Михайловъ и прочее ,по дѣлу. Лакей говоритъ по-польски: «обождите». Жду. Потомъ приходитъ и спрашиваетъ: «панъ справляется, по какому дѣлу»; я ему говорю — «по важному, отъ нашей фирмы». Минутъ черезъ пятнадцать зовутъ меня. Привели въ кабинетъ. Покой большой, хорошо обставленный, много книгъ; на столѣ журналы, все кажется польскіе. За столомъ стоитъ человѣкъ, сѣдой и на Сенкевича по портретамъ похожъ. Я подхожу, кланяюсь. Онъ отвѣчаетъ, но руки не даетъ. Потомъ спрашиваетъ: «панъ Михайловъ?» «Я самый», отвѣчаю. «Я по русски не разумемъ, говорите по польски». А я по польски не понимаю». «Do you speak english?» «Oh yes».. Начали по англійски: лапти плететъ; на французскій перешли — тоже неважно. Но разговоръ кое-какъ кончили. Прошелъ послѣ этого мѣсяцъ или два. Являюсь въ Градоначальство. Паспортъ что-ли надо было получить заграничный. А тамъ у меня полковникъ знакомый, зашелъ къ нему подождать. Пустились въ разговоры. А тутъ дежурный входитъ, карточку ему визитную подаетъ. Прочиталъ ее полковникъ и говоритъ: «просите». Я уйти хотѣлъ. Не пустилъ: «пять минутъ и все кончено». Подошелъ я къ окну, смотрю на улицу. Не видѣлъ, кто вошелъ; слышу, только, говорятъ о какомъ-то городскомъ дѣлѣ: а потомъ я случайно обернулся. Гляжу, а это тотъ самый, что «по русски не розумемъ», и такъ это по русски чешетъ, что лучше насъ съ тобой. Я на него глаза выпучилъ; а онъ, какъ увидѣлъ меня, осѣкся, весь разговоръ скомкалъ и поскорѣй ушелъ. А, какъ уходилъ, ты посмотрѣлъ бы; какъ ракъ, пятился назадъ и все полковнику кланялся; ужъ только въ самыхъ дверяхъ обернулся.

— У меня, Василичъ, тоже былъ интересный случай, принялся разсказывать Максъ. За недѣлю до плѣна везъ я на подводѣ хлѣбъ въ полкъ. Дорога неближняя была, верстъ что-то 10-12. Ѣдемъ, съ возчикомъ бесѣдуемъ о войнѣ. Потомъ я ему говорю: «послѣдній разъ русскіе тутъ. Послѣ войны у васъ все будетъ свое: и армія, и чиновники; безъ насъ управляться ста-

нете». А возчикъ обернулся ко мнѣ и говоритъ: «мнѣ это не нравится. Я хоть полякъ самъ, но русскихъ предпочитаю». Удивился я. «Почему?», спрашиваю я. «Русскій человѣкъ — простой; русскій хоть и большой начальникъ, а держитъ себя доступно. Иногда я вожу комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, русскій онъ. Въ дорогѣ мы потолкуемъ обо всемъ, спроситъ онъ, какъ дѣла у меня, какъ внучки въ Варшавѣ живутъ; папиросой угоститъ, на постояломъ дворѣ мнѣ рюмку поднесетъ, не забудетъ. Въ уѣздномъ правленіи я къ чиновнику поляку не пойду — онъ и взятку возьметъ, и наоретъ, и дѣла не сдѣлаетъ. Не то, чтобы посадить меня, старика, даже и не поздоровается. Къ русскому пойду — дѣло другое; приметъ какъ слѣдуетъ — поздоровается, поговоритъ. Ну, дашь ему за труды, дѣло извѣстное, и скорѣе сдѣлаетъ, и пана надо мной не строитъ. Говорятъ, что москаль — собачьей крови, но только я думаю, что ея-то у нашего брата побольше. Теперь, при русскихъ, я имѣю право въ помѣщичій лѣсъ пойти, хворосту набрать. А правь наши паны одни, они меня и близко къ лѣсу не подпустятъ». Вотъ, Василичъ, какая исторія. Перевернулось у меня все въ головѣ; и теперь понять не могу, кто кого тамъ въ Польшѣ давитъ; только, по разсказамъ-то выходитъ, что не русскіе жмутъ польскихъ холоповъ, — закончилъ Максимычъ.

— Польскій хлопъ — хорошій хлопъ; польская шляхта и купечество — не знаю, какіе они; а простой народъ польскій — сердечный; когда мы шли въ плѣнъ, сколько намъ польки хлѣба передавали, молокомъ поили, водой, чаемъ; плакали, на васъ глядючи.

— А я, Василичъ, думаю, что, вообще, народъ съ народомъ не враждуетъ. Враждуютъ верхи. Посмотри на ландштурмистовъ. Съ любопытствомъ глазѣютъ на насъ, и только. Да и что мы имъ сдѣлали, чтобы они волкомъ смотрѣли?

— А ты въ Восточной Пруссіи не былъ?

— Какъ не быть. Похозяйничали мы тамъ. Только, вѣдь, это ни я, ни ты, никто не виноватъ. Всѣ виноваты. Они у насъ тоже въ занятыхъ-то городахъ картины и диваны изъ домовъ

тащили, да къ себѣ отправляли. Теперь только одинъ убытокъ другъ другу дѣлаютъ, но когда нибудь да надо же будетъ разрушенное возстанавливать. На насъ если взвалить — несправедливо; не хотѣли мы этой войны; на нѣмцевъ — и между ними много такихъ, я думаю, что не пошли бы на войну своей охотой.

— Словомъ, дѣло такое, Максимычъ, что не выпивши, не разберешь. Налей-ка блевантину, пока онъ силы еще своей не потерялъ... Ну, будь здоровъ!..

Такъ коротали время Максъ и Михайловъ. Проснувшись утромъ съ опухшими глазами, въ состояніи невыразимо - поганаго похмелья, они сразу же принимались искать средствъ и возможности снова подняться на вершины блаженства.

Но это становилось все труднѣе. Свои имъ перестали вѣрить; тогда они стали просить у лицъ, ихъ не знавшихъ, отъ офицеровъ спустились къ деньщикамъ. Деньщики часто приходили къ нимъ, въ грубой формѣ требуя уплаты долга; грозили пожаловаться на нихъ и русскому генералу и нѣмецкому коменданту.

Оба они такъ же, какъ и Никулитовъ, умѣли вести себя тихо: у насъ въ комнатѣ никогда не бывало пьянаго шума.

Нельзя сказать, что другіе были лучше ихъ: всѣ пили. Но, выпивъ, большинство дѣлало затѣмъ перерывъ.

У меня самого бывало иногда такое настроеніе, что я спускался внизъ и бралъ бутылку или двѣ вина.

Благодаря ему, придвигалось далекое; невозможное становилось почти возможнымъ, память оживляла событія и лица. Глаза не видѣли сѣрой обстановки: все было закрыто коврами фантазіи. Въ этомъ созданіи переживаній, которымъ, казалось, чуточку не хватаетъ, чтобы стать дѣйствительностью, и заключалась страшная сила алкоголя.

Особенно для тѣхъ, кто ничего не дѣлалъ.

И Максъ съ Михайловымъ, понемногу, со ступеньки на ступеньку, спускались все ниже и ниже. А оба они были не безъ дарованій. Михайловъ, какъ я уже сказалъ, былъ человѣкъ съ высшимъ коммерческимъ образованіемъ, зналъ язы-

ки, зналъ Европу. Максъ, хотя и простой техникъ, имѣлъ большой практическій опытъ, и отъ него можно было многому поучиться.

При помощи только ножа, онъ дѣлалъ удивительныя рамки; вырѣзалъ для лагерной церкви ажурное паникадило и семисвѣчникъ на престолъ; сдѣлалъ запрестольный крестъ, затѣйливыя гнѣзда для лампадокъ передъ иконами. Работалъ онъ съ увлеченіемъ, цѣлыми днями, и совершенно безкорыстно. Когда же онъ кончилъ, и больше для него дѣла не нашлось, то тутъ то онъ и запилъ.

Какъ только въ комнатѣ начинали звенѣть бутылки, Саламатинъ снимался съ мѣста и уходилъ. А потомъ и я.

— Не могу смотрѣть, какъ они пьютъ, — говорилъ Саламатинъ, — въ сущности, чего мнѣ — ко мнѣ не лѣзутъ, ведутъ себя тихо — а глядѣть тошно.

— И мнѣ тоже, — сознался я.

— Когда они тамъ угощаются, я, какъ на иголкахъ, сижу; невольно всѣ ихъ разговоры слушаю. Въ концѣ концовъ, заниматься и нельзя. Бѣжишь изъ комнаты.

— Я думаю въ другую комнату перейти, — выдалъ я свою мысль.

— А вы послушайте-ка, — сказалъ Саламатинъ, не отвѣчая на мои слова. Мы прислушались. Изъ комнаты, этажомъ ниже, доносился нестройный ревъ. Кто-то выводилъ соло:

Изъ - за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные
Стеньки Разина челны.

И хоръ дружно рявкалъ:

Выплываютъ расписные
Стеньки Разина челны.

Послѣ «Разина» запѣли «Вечерній звонъ». Одни пѣли, другіе громко говорили, смѣялись; часто хлопали дверью.

У нашихъ сосѣдей внизу была ассамблея.

— Попробуйте-ка заниматься при такихъ условіяхъ! Здѣсь-то хоть тихо.

Но я все-таки рѣшилъ перейти.

ГЛАВА XI.

Жилъ у насъ въ комнатѣ одинъ прапорщикъ. Звали его Алексѣй Сергѣевичъ Перель. По возрасту, онъ былъ самый старшій изъ насъ — ему уже докатывался 40-ой годъ.

Росту онъ былъ небольшого; волосы имѣлъ черные, кудрявые, но уже съ серебристыми прожилками; трехугольное, очень подвижное лицо его оканчивалось бородкой клинушкомъ. Самой замѣчательной чертой въ его характерѣ было соединеніе крайняго миролюбія и необыкновенной воинственности. Эти двѣ противоположности уживались въ немъ, нисколько не мѣшая одна другой. Его воинственность была лишь слѣдствіемъ безграничной любви къ Россіи. Но природа помѣстила этотъ геройскій духъ въ маленькомъ, хиломъ тѣлѣ, снабдивъ еще это тѣло ужаснымъ геморроемъ. Вѣроятно, Перель могъ бы не итти на фронтъ, а устроиться гдѣ нибудь въ тылу, а то и вовсе освободиться отъ военной службы. Но онъ этого не сдѣлалъ. Сложенія онъ былъ настолько слабаго, что его утомляла одна наша лѣстница: онъ рѣдко выходилъ въ садъ и лежалъ, большей частью, у себя на кровати, читая французскія книги.

Глядя на него, мы не понимали, какъ онъ могъ дѣлать на войнѣ большіе переходы. Между тѣмъ, онъ участвовалъ во взятіи Львова, Перемышля и во многихъ другихъ бояхъ. Онъ имѣлъ двѣ боевыхъ награды. Его недугъ такъ мучилъ его, что онъ не могъ обходиться безъ промывательнаго. Но

эти затруднительныя обстоятельства не портили ему настроенія. Когда ему, по его же словамъ, подходило время «родовъ», онъ бралъ свой сосудъ, наполнялъ его водой и спускался съ нимъ внизъ.

Говорить не приходится, какъ удивлялись встрѣчные, не знавшіе Переля и его недуговъ, при видѣ человѣка, бережно несшаго сосудъ, обвитый резиновой трубкой. Нѣкоторые даже слѣдовали за нимъ посмотрѣть, что онъ будетъ дѣлать. Онъ сердился на это «праздное любопытство» и заявлялъ, что это «совсѣмъ неинтересно».

Отступленіе русской арміи въ 1915 году ни на комъ такъ тяжело не отразилось, какъ на немъ. Послѣ отдачи Львова и Перемышля, онъ пересталъ заниматься и читать. Цѣлыми днями онъ, молча, смотрѣлъ въ окно, ничего не слыша и не видя. Даже во снѣ онъ продолжалъ переживать то, что его мучило днемъ. Одинъ разъ ночью мы слышали, какъ онъ бредилъ, убѣждая кого то, что «это ничего не доказываетъ, что русская армія отступила. Это еще не значитъ, что она разбита. Самое главное — народный духъ; а народный духъ — цѣлъ»...

Раны, полученныя на войнѣ, были, по его словамъ, священныя. Кто то изъ офицеровъ, въ присутствіи Переля, пожаловался на недостаточность военнаго образованія и позавидовалъ его университетскому значку.

— А по-моему, — загорѣлся Перель, — самое почетное и высокое — это быть защитникомъ отечества. Мой значокъ имѣетъ силу только пока есть наша страна, пока есть Россія.

О самомъ себѣ онъ выражался такъ: «окончивъ курсъ ерундическихъ наукъ, поступилъ въ дровокатское сословіе, гдѣ, по слабости здоровья и по подлости характера, остаюсь и по настоящее время».

Всякое явленіе онъ умѣлъ освѣтить по своему и найти въ немъ смѣшное; одно его слово, одно замѣчаніе часто заставляли смѣяться всю комнату, но шутилъ онъ безъ всякой злобы.

Во время гоненія на куреніе, онъ получалъ много таба-

ку отъ знакомаго изъ Швейцаріи, — эти посылки нѣмцы конфисковать почему то не рѣшались; и многихъ Перель щедро одѣлялъ своимъ табакомъ.

Приходили къ нему и за юридическими совѣтами. Онъ давалъ ихъ вполнѣ охотно. На нашихъ курсахъ онъ читалъ элементарную математику; онъ прекрасно зналъ ее и часто рѣшалъ задачи для собственнаго удовольствія. Для деньщиковъ онъ учредилъ школу грамоты; занимался отдѣльно съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Слабыми сторонами Переля были его сапоги и штаны. Онъ очень не любилъ, когда рѣчь заходила объ этихъ предметахъ.

Еще въ началѣ плѣна онъ купилъ себѣ очень хорошую пару сапогъ. Но они были сдѣланы для огромныхъ нѣмецкихъ ногъ и имѣли короткія, похожія на грамофонный рупоръ, голенища. Во время ходьбы, Перель, чтобы не потерять сапогъ, волочилъ ноги по землѣ. По шарканію подошвъ, мы еще издалека узнавали его приближеніе.

Штаны онъ носилъ защитнаго цвѣта, какъ и всѣ, только сзади портной ихъ почему то черезчуръ расширилъ. Когда Перель вставалъ, мотня у него свисала до самыхъ колѣнъ.

Въ своихъ сапогахъ и штанахъ Перель имѣлъ видъ человѣка на лыжахъ, у котораго спадаютъ невыразимые. Подойдя къ кровати, онъ поднималъ сперва одну ногу, потомъ другую и какъ то ими дрыгалъ; сапоги сами сползали съ его ногъ. Затѣмъ, онъ лѣзъ на кровать, гдѣ и «окапывался». Если же ему надо было выйти, онъ спускалъ ноги съ кровати и начиналъ ими по особенному болтать въ воздухѣ: сапоги послушно сами налѣзали на ноги.

Случалось, что къ Перелю заходилъ новый посѣтитель, незнавшій его слабыхъ сторонъ.

— Гдѣ вы купили такіе сапоги? — спрашивалъ новичекъ, глядя на ихъ задранные кверху носки.

— Ну, гдѣ я купилъ! — сердился Перель. Какъ будто не о чемъ больше и говорить, какъ о сапогахъ.

Иногда его останавливали въ саду посторонніе:

— Алексѣй Сергѣевичъ, у васъ, кажется, брюки спадаютъ, — замѣчали ему безъ злого умысла.

Алексѣй Сергѣевичъ уподоблялся тигру.

— Какое вамъ дѣло до моихъ штановъ, смотрите-ка лучше за своими!

Эти мелочи не мѣшали ему быть справедливымъ и пользоваться всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ.

Каждый дорожилъ его мнѣніемъ; онъ былъ нашей совѣстью. Такъ какъ мой уходъ изъ комнаты могъ бы толковаться разно, то прежде, чѣмъ это сдѣлать, я откровенно разсказалъ Перелю, почему я перевожусь. Перель понялъ меня; онъ даже признался, что и его самого тяготитъ пьянство Михайлова и Макса.

Я перешелъ въ комнату № 81, двумя этажами ниже. Тамъ жили Высотскій, Арцышевичъ, Берестовъ, капитанъ Добротворскій; съ остальными я быстро познакомился; люди были тихіе, почти всѣ занимались, работать можно было безъ помѣхи.

Весной 15 года русскіе плѣнные получили возможность устроить въ лагерѣ небольшую церковку. Нѣмцы отвели для нея комнату на четвертомъ этажѣ послѣдняго корпуса; провели туда нѣсколько лишнихъ лампочекъ, покрыли полъ линолеумомъ и дали столикъ для алтаря. Все остальное плѣнные сдѣлали сами. Запрестольный образъ, изображавшій моленіе о чашѣ, и другія иконы были нарисованы русскими художниками. Покровы на алтарѣ, ризы — все это было скроено и сшито плѣнными. Максъ сдѣлалъ, какъ я говорилъ, паникадило, подставки для лампадокъ и массу другихъ мелочей. Для службы священники пріѣзжали изъ солдатскихъ лагерей; пріѣзжали они ненадолго, на день, на два и послѣ службы отправлялись обратно.

Много народа сходилось на богослуженіе. Эта небольшая комната, преобразованная въ церковь, казалась уголкомъ Россіи. Тихое позвякиваніе кадила, запахъ ладана, голосъ священника, пѣніе хора, — все это было свое, родное, далекое,

незабываемое. Съ особеннымъ чувствомъ и вниманіемъ плѣнные прислушивались къ словамъ:

— О мирѣ всего міра...

— О плавающихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ...

Въ этихъ простыхъ словахъ чувствовалась безконечная глубина и прозорливость. Ихъ творцу былъ открытъ ужасъ міра безъ мира. Ясной и трогательной была эта скорбь о всѣхъ томящихся. Непобѣдимое волненіе проходило черезъ душу. Вѣчные глаголы милосердія и любви находили прямую дорогу къ сердцу.

На богослуженіе приходили и союзники. Имъ нравилось русское церковное пѣніе. Появлялись также и французскіе преторы; они съ интересомъ присматривались къ нашимъ церковнымъ обрядамъ.

Въ религіозномъ отношеніи англичане были, видимо, ближе къ православію, чѣмъ къ католицизму. Когда пріѣхалъ англиканскій священникъ, то для совершенія богослуженія онъ попросилъ уступить ему церковь, хотя католики тоже имѣли свою часовню, и даже съ органомъ.

Затѣмъ, когда погибъ лордъ Китченеръ, англичане обратились къ нашему священнику съ просьбой отслужить панихиду.

Русская панихида — вещь замѣчательная. Она говоритъ о всепрощеніи, о райскихъ обителяхъ, объ упокоеніи со праведными; но, несмотря на это, въ ея напѣвахъ много тоски. Каковы бы ни были обѣщанія будущаго, все же покинуть грѣшную землю и свѣтлое солнце — самое печальное, что есть въ жизни.

Англичане стояли и внимательно слушали; они крестились и становились на колѣни, слѣдуя примѣру русскихъ.

На панихиду пришли также и нѣмцы: они слышали, что это — «одна изъ самыхъ сильныхъ вещей въ русскомъ богослуженіи». Такъ намъ объяснилъ одинъ изъ караульныхъ унтеръ - офицеровъ, въ мирное время пѣвецъ Вагнеровскихъ оперъ.

Священники, прѣзжавшіе къ намъ, говорили, что въ солдатскихъ лагеряхъ люди по-прежнему мрутъ въ ужасающемъ количествѣ. Они не успѣвали отысповѣдывать и причастить всѣхъ умирающихъ.

— Теперь, слава Богу, — разсказывалъ Григорій, — священниковъ больше стало. Хоть тамъ не всѣхъ, то по крайности нѣкоторыхъ, какъ слѣдуетъ, обрядятъ передъ смертью, отысповѣдуютъ, причастятъ. А, если кто и безъ молитвы помретъ, такъ ему священникъ хоть разрѣшеніе дастъ, въ могилку проводитъ, землю освятитъ. А когда я еще въ лагерѣ былъ — народъ болѣетъ, мретъ, а открыться на духу — некому, и причастія получить невозможно; такъ, съ тяжелымъ духомъ, люди и помирали. Потомъ додумались: заболѣлъ кто нибудь, чуетъ — не выживетъ, зоветъ къ себѣ товарища, что ближе къ нему былъ, и говоритъ ему грѣхи такіе-то и такіе-то, то-то и то-то я сдѣлалъ и беретъ съ него обѣщаніе, что, какъ только онъ вернется въ Россію, сейчасъ же къ попу на духъ должонъ явиться и грѣхи умершаго разсказать.

— Ну, а если тотъ, кому грѣхи были сданы, самъ взялъ, да и захворалъ? — спросилъ Высотскій.

— Тогда, коли онъ чуетъ, что и ему послѣдняя минута подходитъ, зоветъ третьяго; тому — и свои и чужіе грѣхи довѣряетъ. Мнѣ вотъ такъ двое отысповѣдалось, и какъ только батюшка въ лагерь пріѣхалъ, я ему сейчасъ за умершихъ и за себя покаялся. Легче стало послѣ того.

По сосѣдству съ нами жили католическіе монахи и преторы. Они все время ходили по корридору, перебирали четки и постоянно бормотали что-то себѣ подъ носъ; утромъ и вечеромъ они спускались въ свою часовню и даже обѣдали, положивъ молитвенникъ рядомъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ превратили изголовія своихъ кроватей въ маленькіе алтари, гдѣ они тоже могли молиться.

Намъ они казались страшными формалистами. Однажды вечеромъ одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ, что за истекшій день онъ прочиталъ 30 или 300 разъ (я уже не помню хорошо) Ave Maria. Такое усердіе онъ, видимо, ставилъ себѣ въ боль-

шую заслугу и на томъ свѣтѣ собирался представить по этому поводу изрядный счетъ.

Я ему отвѣтилъ притчей о гордомъ фарисеѣ, исполнявшемъ всѣ предписанія закона, и смиренномъ мытарѣ. Но преторъ только посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

Другой монахъ разсказалъ мнѣ, что всякая произнесенная молитва есть ступень въ рай. И цѣлыми днями онъ ходилъ и строилъ эти ступени. Въ этой райской лѣстницѣ количество, кажется, брало перевѣсъ надъ качествомъ. Съ высоты своей постройки будущій праведникъ съ сожалѣніемъ глядѣлъ на грѣшниковъ. Про православіе они съ нами не говорили. Но одинъ разъ, Саламатинъ, стоя у окна, откуда мы оба часто созерцали лѣса и думали о свободѣ, съ возмущеніемъ говорилъ:

— Сегодня у меня былъ разговоръ о религіи съ молодымъ семинаристомъ. Зашла рѣчь о католицизмѣ и православіи. Онъ и выпалилъ мнѣ: «православіе, это не религія, это схизма, ересь, скорѣе. Есть только одна истинная церковь — католическая».

— Ну, и вы что-жъ? — спросилъ я.

— Отвѣтилъ, что какое бы тамъ православіе ни было, оно все-таки ближе къ людямъ и жизни. Ему, напримѣръ, особенно не нравится, что русское духовенство можетъ вступать въ бракъ; онъ на самого Христа указалъ, какъ на примѣръ. А я возразилъ, что семейный священникъ чище и выше тихо блудящаго патера. Нѣтъ, я пришелъ къ убѣжденію, что наша Церковь шире, милосерднѣе и снисходительнѣе, чѣмъ католицизмъ, — закончилъ Саламатинъ, раньше никогда не думавшій о церковныхъ вопросахъ.

Прошло лѣто, приближалась зима. Одинъ день уходилъ, на смѣну являлся другой. Днямъ не предвидѣлось конца; они всѣ были унылы и похожи одинъ на другой, какъ окна въ казармѣ.

Я вставалъ рано и, если была хорошая погода, съ книгой уходилъ въ садъ. Тутъ, на ходу, я занимался и читалъ. Около 9 часовъ въ форточкѣ показывалась голова Высотскаго. Онъ кричалъ, что чай готовъ. Я поднимался, и мы выпи-

вали по двѣ кружки чая съ хлѣбомъ. Иногда нашъ завтракъ сдабривался пластинкой сала или колбасы, если дѣло происходило вскорѣ послѣ полученія Высотскимъ посылки изъ дому.

Напившись и потянувши Высотскаго, въ знакъ благодарности, за вихры, шли на аппель. Послѣ повѣрки, я усаживался въ комнатѣ за столикъ, раскладывалъ книги и принимался за работу. Такъ шло время до самаго вечера съ небольшими перерывами на обѣдъ и ужинъ. Впереди меня, у окна, сидѣлъ нашъ старшій по комнатѣ, прапорщикъ Романовъ. По профессіи онъ былъ инженеръ - химикъ и незадолго до войны кончилъ Ганноверскій политехникумъ. Романовъ былъ высокаго роста, пухлый и бѣлый, какъ настоящій московскій купчикъ; но онъ говорилъ страннымъ голосомъ, точно ему сдавливали горло.

— Это у меня наслѣдственное, вѣроятно, — объяснялъ онъ, — мой отецъ умеръ отъ рака въ горлѣ.

Онъ вырѣзывалъ по дереву и за этимъ дѣломъ коротали время.

Недалеко отъ него, сидя на кровати передъ малюсенькимъ столикомъ, занимался одинъ офицеръ гренадеръ — Пантелеймонъ Степановичъ Сабанѣевъ.

Есть живыя существа, которыя такъ сливаются съ окружающей обстановкой, что ихъ почти невозможно замѣтить: для этого надо, чтобы они шевельнулись. Таковъ былъ и Сабанѣевъ. Лицо у него было сѣрое, костюмъ сѣрый и начиненъ онъ былъ безцвѣтной мудростью людей, которые съ трудомъ проложили себѣ маленькую дорожку въ жизни и каждую минуту дрожатъ надъ своимъ бѣднымъ благополучіемъ. Онъ былъ скроменъ и бережливъ; эти качества онъ доводилъ до того, что окружающимъ становилось тошно. Ложась спать, онъ свертывалъ поясной ремешокъ и клалъ его на стулъ; рядомъ съ нимъ коробку спичекъ, «на всякій случай», и носовой платокъ; черезъ спинку вѣшалъ брюки и гимнастерку; сапоги стояли на разъ опредѣленномъ мѣстѣ. Даже спалъ онъ такъ аккуратно, что утромъ его прическа была въ полномъ поряд-

кѣ. Онъ рѣдко высказывался категорически, его сужденія были большей частью условныя; онъ казался неспособнымъ ярко вспыхнуть въ высокомъ порывѣ. Сначала я думалъ, что онъ не въ мѣру остороженъ и слишкомъ много времени удѣляетъ на мелочи жизни. Теперь мнѣ приходитъ въ голову другое: можетъ быть, все это было, словно, своего рода защитный цвѣтъ.

— Аккуратность и точность на половину сокращаютъ неудачи жизни, — говорилъ онъ. Эти слова казались мнѣ противной мудростью слабыхъ, пока, увы, я силой вещей, самъ не дошелъ до этого же. Передавая о своихъ впечатлѣніяхъ на войнѣ онъ говорилъ:

— Лежишь подъ снарядами, а самъ только думаешь — унеси меня Господи отсюда. Пусть, кто хочетъ, тотъ и забираетъ и Польшу и Литву, лишь бы я остался цѣлъ.

— Пантелеймонъ Степанычъ, да побойтесь вы Бога, что вы за чушь на себя городите! — обращался къ нему его однополчанинъ.

— А что горожу? Говорю, что трусилъ, говорю правду.

— А припомните, какъ вы редутъ брали почти голыми руками.

И однополчанинъ Сабанѣева обращался къ намъ:

— Пришелъ приказъ взять нѣмецкій редутъ, что впереди нашихъ позицій былъ. Пошла рота Пантелеймона Степаныча прямо на вѣрную смерть. У насъ ничего, кромѣ винтовокъ, а у нѣмцевъ и пушки, и пулеметы были. Кромѣ того, три ряда проволочныхъ загражденій надо было пройти. И рота взяла редутъ.

— Такъ, что-жъ изъ этого, — не сдавался Сабанѣевъ, — меня послали, я долженъ былъ повиноваться. Если бы я не пошелъ, то меня отдали бы подъ судъ и разстрѣляли, и только всего.

Къ себѣ Сабанѣевъ относился критически. Утромъ, причесываясь передъ зеркальцемъ, онъ говорилъ самому себѣ:

— У всѣхъ носъ, какъ носъ; одному мнѣ Господь Богъ руль привѣсилъ.

Но лицо у него было, какъ лицо: несмотря на нѣсколько крупныя черты, оно было бы даже красиво, не будь оно такимъ сѣрымъ. Сабанѣевъ, видимо, прошелъ тяжелую школу жизни; его привычки и характеръ были выработаны имъ самимъ, безъ посторонней помощи.

Изъ скуднаго офицерскаго жалованія онъ, за семь лѣтъ службы, скопилъ нѣсколько тысячъ. Онъ умудрился сдѣлать это, живя въ Москвѣ и несмотря на постоянные вычеты изъ жалованія на обѣды, на подарки и т. д.

— Я хочу быть обезпеченнымъ на старости лѣтъ, чтобы мнѣ не надо было унижаться и писать прошенія: «припадая къ стопамъ Вашего Превосходительства и орошая оныя старческими слезами...»

Происходя изъ бѣдной семьи, Сабанѣевъ, однако, не жалѣлъ денегъ на образованіе сестры; черезъ годъ она должна была кончить медицинскіе курсы.

— Кончитъ курсъ — пусть дѣлаетъ, что хочетъ, хоть замужъ выходитъ. Не будетъ отъ одной мужниной милости зависѣть.

Ей же, уходя на войну, онъ оставилъ и все свое содержаніе.

Посылки же отъ нея скорѣе устрашали Сабанѣева, чѣмъ радовали. Онъ всегда ворчалъ, перебирая полученные продукты и бѣлье.

— Зачѣмъ она все это шлетъ? Небось, ей самой не хватаетъ на жизнь: теперь, поди, все такъ дорого въ Москвѣ...

Полученнымъ отъ сестры онъ любилъ угостить, но когда его угощали другіе — онъ отказывался наотрѣзъ.

Чужая собственность была для него священной, все равно, будь это старый сапогъ, очутившійся подъ его кроватью, деньги, земля, заводъ. Въ собственности онъ видѣлъ воплощеніе трудовъ и дарованій владѣльца.

— Умѣлъ пріобрѣсти — и хорошо. Не каждый на это способенъ. Пусть владѣетъ себѣ на здоровье...

Завѣтнымъ стремленіемъ Сабанѣева было попасть въ Академію Генеральнаго Штаба. И время своего плѣна онъ рѣшилъ

использовать на подготовку по языкамъ. Занимался онъ старательно, вникая во всѣ тонкости чужой рѣчи. Онъ имѣлъ учителя — претора. Для насъ было непонятно, откуда онъ выгадывалъ деньги на плату: того, что мы получали на руки, едва хватало на мойку бѣлья и самые мелкіе расходы. Его рѣчи о служебныхъ успѣхахъ, о могуществѣ власти и богатства носили какой то странный характеръ: Сабанѣевъ какъ будто хотѣлъ всѣхъ увѣрить, что только это для него и является важнымъ. Но мнѣ, почему-то, казалось, что это было не такъ. Обыкновенно, онъ просыпался очень рано и, чтобы не будить другихъ, тихонько лежалъ на своей кровати. Съ моего мѣста я хорошо видѣлъ его безрадостное, тоскливое лицо. Мнѣ казалось, что въ эти минуту онъ переживалъ большое душевное безпокойство. Иногда онъ перекладывалъ голову и что-то про себя тихонько шепталъ. Его глаза, бездонные и неподвижные, казалось, что то видѣли. У меня было впечатлѣніе, что я стою у какой то тайны и, говоря откровенно, я испытывалъ довольно жуткое чувство. Внѣшне общительный и разговорчивый, Сабанѣевъ никогда ничего не говорилъ о своихъ внутреннихъ переживаніяхъ.

Мы втроемъ — Сабанѣевъ, Романовъ и я — были самыми большими домосѣдами. Между нами часто завязывались разговоры. Романовъ охотно разсказывалъ о своихъ студенческихъ годахъ и объ особенностяхъ жизни въ Германіи. Сабанѣевъ слушалъ его съ интересомъ и задавалъ Романову много вопросовъ, сравнивая жизнь въ Россіи и Германіи.

— Если ганноверскій студентъ переѣзжаетъ на другую квартиру, — говорилъ Романовъ, — онъ зоветъ къ себѣ въ этотъ день товарищей. Приглашенные являются вечеромъ и забираютъ вещи. Одинъ несетъ лампу, другой чемоданъ, третій книги, потомъ ведутъ собаку, а сзади всѣхъ идетъ хозяинъ съ пустыми руками. Двигаются гуськомъ. Когда по дорогѣ фонарь попадается, каждый обернется вокругъ столба и идетъ дальше.

— А полиція какъ смотритъ на эти затѣи? — интересовался Сабанѣевъ.

— Да никакъ. Всѣ шуцмана знаютъ, что это студентъ на другую квартиру переходитъ.

— А пьютъ нѣмецкіе студенты?

— Первый семестръ особенно. Сидятъ до полночи въ биргалкѣ, а потомъ выйдутъ, и давай вывѣски перевѣшивать. Бывало, идешь утромъ въ Институтъ и видишь вдругъ на аптекѣ какую нибудь «Wursterei». Это значитъ студенты веселились.

— А какъ студенты и профессора къ русскимъ относились?

— Да такъ, съ большой прохладой.

— Это неудивительно. Они такіе патріоты своего отечества, — замѣтилъ Сабанѣевъ.

— Положимъ, нѣмцы имѣютъ нѣкоторыя основанія для прохладнаго отношенія къ намъ, — замѣтилъ Романовъ. — Они на свои университеты смотрятъ съ большимъ уваженіемъ. Тамъ, гдѣ написано «курить запрещается» — нѣмецкій студентъ курить не станетъ. Затѣмъ, всѣ они одѣты чисто и прилично; никто изъ нихъ не прійдетъ на лекцію въ грязномъ воротничкѣ и невычищенныхъ сапогахъ. Одинъ разъ, на моихъ глазахъ, въ аудиторію двое русскихъ заявились — въ грязныхъ косовороткахъ и высокихъ сапогахъ; и еще съ дубинками въ рукахъ.

— Но, что же дѣлать, если они, положимъ, бѣдняки.

— До войны въ Германіи такіе пустяки стоило прилично одѣться, что объ этомъ и говорить не приходится. Нужно было только хотѣть. Да и это не все. Эта же самая пара послѣ лекціи, тутъ же, не выходя изъ аудиторіи, закурила, какъ разъ подъ самой вывѣской: «das Rauchen ist verboten». На нихъ нѣмцы глаза вытаращили. А когда педель сказалъ имъ, что курить въ аудиторіи запрещается, то одинъ поплевалъ на сигару и въ карманъ положилъ; а другой свою о стѣну потушилъ. А стѣны-то въ аудиторіи масляной краской выкрашены.

Мѣсяца черезъ два въ эту же комнату перешелъ Перель. Предварительно онъ всѣмъ представился и попросилъ разрѣшенія поселиться у насъ. Вечеромъ, лежа въ кроватяхъ, мы

обсуждали этотъ вопросъ; никто противъ него ничего не имѣлъ. Причиной ухода Переля изъ прежней комнаты былъ Никулитовъ съ одной стороны, Максъ и Михайловъ — съ другой.

— Я только теперь вполнѣ понимаю васъ, — говорилъ мнѣ Перель, — дѣйствительно, слышать каждый день звонъ бутылокъ и видѣть опухшія красныя физіономіи — стало невмоготу.

Онъ помѣстился рядомъ со мной; поставилъ у кровати свой стулъ, подъ изголовье засунулъ ящикъ съ книгами, стряхнулъ съ ногъ сапоги, залѣзъ на кровать, свернулъ папиросу, снялъ китель, укрылся имъ и былъ сразу у себя дома.

Сабанѣевъ и Перель явились другъ для друга находкой. Они ни въ чемъ не сходились. На сомнѣнія и недоумѣнія перваго, второй отвѣчалъ жаромъ и пыломъ патріотическаго воодушевленія.

— И зачѣмъ, подумаешь, Россіи нужна была война? — говорилъ Сабанѣевъ, сидя на кровати, — слава Богу, все у насъ было. И хлѣбъ, и порядокъ, и деньги. Страна богатѣла. Пусть бы дрались себѣ, кто этого хотѣлъ.

Перель, дремавшій подъ кителемъ, просыпался отъ ужаса. Его ноги приходили въ движеніе; онъ откидывалъ китель, усаживался на кровати въ позѣ Будды на алтарѣ и поднималъ перчатку.

— Что это вы, Пантелеймонъ Степанычъ, городите?! — съ горечью говорилъ Перель. — Вы думаете, что нѣмцы оставили бы въ покоѣ Россію? Безъ нея они живо справились бы съ Франціей и Англіей, а потомъ, будьте увѣрены, принялись бы и за насъ.

— Этого я не знаю, а что послѣ войны у насъ революція будетъ — я увѣренъ.

— Ну, такъ что-жъ, что революція? Отъ этого плохо Россіи не станетъ. Будетъ у насъ выборный строй и отвѣтственное правительство. А такой дѣльный офицеръ, какъ вы, только выиграетъ отъ подобной перемѣны...

— Нѣтъ, Алексѣй Сергѣевичъ, — отвѣчалъ Сабанѣевъ, — отъ революціи мы потеряемъ. То, что я сберегъ, напри-

мѣръ, при революціи я ужъ не получу, а если и получу — то оно не будетъ имѣть такой цѣны...

— Потеряютъ тамъ члены Государственнаго Совѣта, да такія лица, какъ Безобразовъ, а вамъ бояться нечего...

Эти разговоры были началомъ долгихъ преній.

— Въ нашемъ строѣ есть недостатки, — говорилъ Сабанѣевъ, — но они будутъ при всякомъ строѣ. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ правятъ русскіе люди. А, случись революція, — ихъ «уйдутъ». Неизвѣстно, кто еще тогда будетъ править Россіей.

— Какъ кто, — горячился Перель, — будутъ править лучшіе, выборные люди. Наконецъ, вы сами сможете попасть въ число этихъ выборныхъ, если захотите. Посмотрите на нашихъ революціонеровъ, гдѣ вы найдете больше подвига? Люди отрекались отъ личной жизни, шли на эшафотъ...

— А вы читали «Бѣсы» Достоевскаго, Алексѣй Сергѣевичъ? Помните, какъ Достоевскій рисуетъ революціонеровъ?

— Да, помилуйте, Достоевскій самъ былъ революціонеромъ...

— Сперва, а потомъ?

— Но, согласитесь сами, что вѣдь наша страна нуждается въ реформахъ. Только вы одинъ не хотите этого видѣть...

— Странный человѣкъ Пантелеймонъ Степановичъ, — разсуждалъ одинъ разъ Перель, когда Сабанѣева не было въ комнатѣ, — его преданность старому строю вовсе не вытекаетъ изъ личныхъ выгодъ, это ясно; почему онъ держится такъ за него?

— Пантелеймонъ Степанычъ вовсе не такой консерваторъ, какимъ онъ кажется, — отозвался товарищъ Сабанѣева, — у насъ въ полку онъ былъ скорѣе на линіи революціонера. Чтобы прочесть въ подлинникѣ «Капиталъ», онъ долго изучалъ нѣмецкій языкъ. Русскую исторію онъ знаетъ прекрасно. У него есть дома небольшая библіотека: тамъ и Платоновъ, и Ключевскій, и Костомаровъ. Онъ даже и русской палеографіей интересовался, разбиралъ какія то лѣтописи...

Однажды Романовъ прочиталъ намъ изъ газетъ, что знаменитый нѣмецкій летчикъ,. — ротмистръ Freiherr von Richthofen, сбившій 83 непріятельскихъ аэроплана, погибъ.

— Германія вправѣ гордиться подобнымъ человѣкомъ, — заявилъ Перель, — какъ надо любить родину, чтобы такъ рисковать собой! Какъ вы думаете насчетъ этого, Пантелеймонъ Степанычъ?

— Что-жъ тутъ хорошаго, Алексѣй Сергѣевичъ, убить сотню людей, если не больше?

— Но вѣдь онъ это сдѣлалъ для своей страны. Или для васъ родина пустой звукъ?

— Для меня больше моя собственная совѣсть...

— Ну и человѣкъ же, ужасался Перель, ей-Богу я начинаю думать, что вы говорите одно, а въ головѣ у васъ другое...

Послѣ вечерняго аппеля лампы у насъ горѣли еще съ четверть часа. Этимъ временемъ плѣнные пользовались, чтобы сходить внизъ, перекинуться тамъ съ кѣмъ нибудь словомъ и успѣть раздѣться.

— Только и знаешь, что снимаешь штаны, да надѣваешь, жаловался въ темнотѣ веселый круглолицый поручикъ Калутисъ, до плѣна все это шло какъ то само собой, незамѣтно. А тутъ — не то; вечеромъ думаешь — неужели опять ложиться, а утромъ, — неужели опять вставать? Хотѣлъ бы я знать, будутъ-ли еще на свѣтѣ войны и плѣнные?»

— Послѣ этой войны Европа, вѣроятно, будетъ воевать съ Россіей, — отозвался изъ своего угла капитанъ Добротворскій.

— Почему? — спросилъ кто-то.

— Очень просто. Россія врядъ ли дастъ сама независимость Польшѣ, и, чтобы принудить ее, Европа объявитъ Россіи войну.

— Но, вѣдь, Польшѣ обѣщана независимость, ей совсѣмъ нечего ломиться въ открытую дверь.

— На увѣренія москалей нечего полагаться, — отвѣтилъ Добротворскій, отъ нихъ надо силой вырвать то, что принадлежитъ намъ.

— Напрасно вы такъ кидаетесь на Россію, — сказалъ Перель. — Даровать Польшѣ что-нибудь она еще можетъ. Это ея добрая воля. Но потребовать отъ нея Польша ничего не можетъ. Это было-бы смѣшно. И, кромѣ того, Россія имѣетъ самое несомнѣнное право на ту часть Польши, которая была въ ея границахъ.

— Какое же это право? — спросилъ Добротворскій.

— Право побѣды. Россія Польшу завоевала своей кровью. Ни одинъ народъ не откажется отъ права побѣды.

— Значитъ право состоитъ въ силѣ?

— А позвольте спросить, отказались-ли бы поляки, стань они побѣдителями, отъ того, что даетъ побѣда?

— Конечно, нѣтъ. Но вѣдь побѣда поляковъ означала бы побѣду Запада надъ Востокомъ, побѣду культурной націи надъ некультурной.

— Побѣжденные вообще имѣютъ обыкновеніе такъ думать о побѣдителяхъ. Прежде чѣмъ обращаться къ Россіи, вы потребуйте отъ Англіи, чтобы она оставила Индію, Гибралтаръ, Африку, а заодно уговорите и Францію вернуть Ниццу, Корсику, и очистить Тунисъ, Алжиръ, Индо-Китай.

— Увидимъ, что скажетъ Европа послѣ войны, — продолжалъ Добротворскій, она просто можетъ приказать Россіи: «вонъ изъ Польши».

— Какой будетъ конецъ войны — никому неизвѣстно. Можетъ случиться всеобщая катастрофа, и нѣмцы останутся побѣдителями. И тогда врядъ-ли вы осмѣлитесь сказать нѣмецкому офицеру: «вонъ изъ Польши».

— Вѣроятно, тогда капитанъ Добротворскій поступитъ на службу къ нѣмцамъ, — сказалъ Калутисъ.

— Не примутъ такое д....о. Только на русской терпѣли, — отозвался кто-то.

ГЛАВА XII.

Со своей прежней комнатой я не порвалъ связей и иногда ходилъ туда навѣстить Саламашу. Прійдя однажды къ

нему въ гости, я нашелъ его на кровати. Въ углу, на своихъ мѣстахъ лежали Максъ и Василичъ. У нихъ былъ періодъ безденежья, они нѣсколько дней не пили, и ихъ лица приняли естественный видъ. Еще въ корридорѣ былъ слышенъ Саламашинъ голосъ. Онъ пѣлъ, повторяя безъ конца послѣднія слова стиха:

Ach du bist mein lieber Августинъ, Августинъ:
Объѣлся, таки, ты капустинъ, капустинъ...

Первое, что мелькнуло у меня въ головѣ, была мысль — не помѣшался ли Саламатинъ.

Но Василичъ меня успокоилъ:

— Не бойтесь, входите. Отъ тоски мы вздумали устроить состязаніе менестрелей. Теперь какъ разъ Саламатинъ чередъ.

— Ну и тоска, — говорилъ Саламатинъ, — зима, дожди, ранніе сумерки, хоть волкомъ вой. А какъ въ вашей комнатѣ?

— Да такъ же, какъ у васъ, приблизительно.

— Значитъ, тоже невесело. Понимаете, все время заниматься нельзя. А какъ перестанешь, хоть на минуту, не знаешь, что дѣлать съ собой; ну и тянешь «Mein lieber Августинъ».

Онъ говорилъ правду: стоило на минуту оторваться отъ книги, какъ въ душу лѣзли «удушливые газы», по выраженію Высотскаго.

Наступившее Рождество дало возможность передохнуть немного. Сначала его съ трескомъ отпраздновали англичане. Къ нашему большому удивленію, почти всѣ они оказались изрядными выпивохами.

На ихъ сочельникъ, послѣ ужина въ своихъ комнатахъ, они выкатили въ корридоръ піанино и начали его катать по всему этажу. Одинъ изъ нихъ что-то игралъ на ходу, другой мяукалъ, а остальные рявкали кто что хотѣлъ, какъ хотѣлъ и когда хотѣлъ.

Въ этой чудесной какофоніи было все, кромѣ слуха и умѣнія пѣть. У свѣтлыхъ русичей такой способъ празднованія ничего не вызвалъ, кромѣ самой глубокой симпатіи. Францу-

зы же неодобрительно ворочались въ кроватяхъ. Англичане поприглашали на свои праздники знакомыхъ изъ русскихъ и такъ ихъ ублаготворили, что нѣсколько человѣкъ, не найдя дороги къ себѣ, заночевали въ другихъ комнатахъ, подъ чужими кроватями. Англичане - деньщики тоже устроили торжество для своихъ русскихъ товарищей, гдѣ обѣ стороны братались до самой зари. На Рождество и на Новый Годъ по обоимъ стилямъ нѣмцы разрѣшили плѣннымъ забавляться до 12 часовъ ночи и до этого времени не тушили огней.

Когда подошло русское Рождество — удивлялись уже англичане. Еще задолго до праздника русскіе стали копить продукты; кромѣ того, накупили консервовъ у союзниковъ. Благодаря этимъ приготовленіямъ, Рождество было встрѣчено, какъ слѣдуетъ. Шуму было, пожалуй, еще больше, чѣмъ у англичанъ, но какъ то самый шумъ былъ музыкальнѣе. Много пѣли веселаго, но много и красивыхъ, заунывныхъ пѣсенъ. Французы на этотъ разъ уже не протестовали — они покорились.

Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, нанесшіе визитъ русскимъ, «пали костьми»; ихъ разносили на шинеляхъ по комнатамъ съ пѣніемъ «Святый Боже». Когда огни въ комнатахъ были потушены, толпа собралась въ корридорѣ; образовался оркестръ: нѣсколько мандолинъ, гитара, небольшая гармонія. Каждая нація показывала свои танцы.

У насъ въ комнатѣ, благодаря Высотскому и Арцышевику, Рождество было отпраздновано мирно, своей компаніей. Сверхъ положеннаго, мы имѣли овсянку, ветчину, чай съ печеніями и два большихъ кувшина горячаго глинтвейна. Пригласили къ нашему столу и капитана Добротворскаго. Онъ не отказался и принесъ, какъ свою долю въ торжествѣ, мазурокъ, недавно имъ полученныхъ отъ жены. И между нами не было ни поляковъ, ни русскихъ, съ ихъ безконечной враждой и запутанными счетами, а были только глубоко тосковавшіе о свободѣ люди.

Прошли праздники. Наступилъ 1916 годъ. Снова замелькали безрадостные, неотличимые одинъ отъ другого, дни.

Съ перваго марта мы стали получать по 113 марокъ въ

мѣсяцъ, вмѣсто прежнихъ 60. Этотъ увеличенный окладъ намъ должны были выдавать еще съ перваго августа или сентября, хорошо не помню, и потому на долю каждаго пришлось получить около 300 марокъ за прежніе мѣсяцы.

Но ничего съѣстного на эти деньги все-равно нельзя уже было достать Зато въ кантинѣ появилось множество разныхъ вещей — дорожныя корзины, чемоданы, дешевые часы, запонки, мыло; но все это было уже произвоство военнаго времени. Мы съ Высотскимъ купили себѣ по аллюминіевой чашкѣ съ видомъ Мюндена, а затѣмъ рѣшили устроить небольшой пиръ.

Въ это время одинъ изъ нѣмцевъ - монтеровъ, работавшій въ лагерѣ, приносилъ съ собой коньякъ и продавалъ его, черезъ деньщиковъ, плѣннымъ офицерамъ. Мы купили бутылку коньяку, сдѣлали запасъ вина и пива и сѣли забывать плѣнъ.

Вмѣсто закуски, мы имѣли только хлѣбъ; хлѣбную же марку намъ удалось достать за 5 денежныхъ марокъ у союзниковъ. Кромѣ того, у насъ былъ еще огрызокъ колбасы. Мы терли имъ хлѣбъ и ѣли. Высотскій разсказывалъ, какъ онъ ловилъ лососей въ Невѣ; я — о степяхъ, о кумысѣ, объ Уралѣ. Время пролетѣло быстро.

Не дожидаясь аппеля, мы улеглись спать. У насъ былъ обычай, что о легшихъ раньше повѣрки старшій по комнатѣ сообщалъ дежурному офицеру: «Leutnant такой то и такой то больны и спятъ». Дежурный только смотрѣлъ, есть ли на соотвѣтствующихъ кроватяхъ человѣческія тѣла. Тѣмъ дѣло, обыкновенно, и кончалось.

Но на этотъ разъ, когда Романовъ доложилъ Абту, что Leutnant такой то «ist krank und schläft», Абтъ рѣшилъ разбудить меня. Онъ подошелъ къ кровати и грубо дернулъ меня за руку. Я проснулся въ тотъ же моментъ, всталъ и, ничего не говоря, только посмотрѣлъ на Абта. Тотъ отступилъ и крикнулъ часовыхъ, стоявшихъ у двери. Часовые приблизились. Абтъ приказалъ арестовать меня. Это было совершенно неожиданно;

никто не понималъ, въ чемъ моя вина: во время этой сцены я не произнесъ ни одного слова.

Меня повели въ караульное помѣщеніе. По дорогѣ я далъ волю своему настроенію. Всѣ мало - мальски обидныя и оскорбительныя для нѣмцевъ слова припомнились мнѣ почему то въ этотъ моментъ безъ всякаго усилія. Я шелъ, изрыгая неимовѣрныя хулы на Германію и ея правителей. На шумъ, поднятый мной, открывались двери встрѣчныхъ комнатъ, и любопытные спрашивали меня, въ чемъ дѣло. Я получилъ много знаковъ одобренія своему поведенію и горячаго сочувствія моей долѣ. Меня привели въ караульное помѣщеніе, дали скамейку. и послѣ аппеля отпустили.

На слѣдующій день утромъ за мной явились изъ комендатуры и привели въ Gerichtszimmer. Тамъ сидѣли Абтъ, офиціальный переводчикъ и Фрицъ. Переводчикъ объявилъ, что, по распоряженію коменданта, я предаюсь суду, и съ меня надо снять допросъ. Сначала меня спросили, гдѣ и когда я родился, какъ мое имя, имя отца, Familiennаme, а затѣмъ, сколько и что я пилъ вчера.

— А кому и зачѣмъ это надо? — спросилъ я въ свою очередь.

— Капитанъ Абтъ говоритъ, что вы вчера вечеромъ были очень пьяны.

— Это совершенная неправда.

— Когда васъ вели караульные, вы кричали на весь лагерь.

— Еще бы! Я весь день чувствовалъ себя больнымъ и поэтому рано легъ спать. Капитанъ же Абтъ разбудилъ меня. Я ему даже ничего не сказалъ, а онъ приказалъ арестовать меня.

— У васъ былъ вызывающій видъ.

— Можетъ быть. Я слабѣю въ плѣну и становлюсь очень нервнымъ.

Но Абтъ все-таки очень интересовался тѣмъ, что я пилъ наканунѣ. Я перечислилъ подробно: утромъ — двѣ чашки чая, за обѣдомъ — стаканъ воды, и вечеромъ — снова чай.

— Вы утверждаете, что ничего не пили спиртного?

Я снова отрекся, хотя и чувствовалъ, какъ отъ меня, при каждомъ словѣ, исходитъ сильный винный «пахъ».

На дальнѣйшіе вопросы я отказался отвѣчать. Съ тѣмъ меня и отпустили. Уходя, въ сосѣдней комнатѣ я увидѣлъ еще двухъ подслѣдственныхъ, Топоркова и Чириновича. Первый былъ артистъ Московскаго Малаго театра, а второй — ученикъ Консерваторіи, обладатель чудеснаго тенора. Оба они тоже привлекались Абтомъ къ отвѣтственности за нетрезвый образъ жизни.

На другой день меня позвали въ кабинетъ самого коменданта, генерала фонъ - Визе. Кромѣ фонъ - Визе, тамъ былъ уже переводчикъ, двое другихъ обвиняемыхъ и русскій генералъ Лагуновъ. Войдя, я скромно остановился у порога. Фонъ-Визе разговаривалъ съ Лагуновымъ черезъ переводчика, о томъ, какія бы мѣры могли ограничить потребленіе алкоголя.

Лагуновъ пожалъ плечами и отвѣтилъ, что самое лучшее и вѣрное — запрещеніе продажи вина и пива. Увидавъ меня, фонъ - Визе замолчалъ и нахмурился.

— Кто это? — спросилъ онъ у переводчика.

— Leutnant Z.

Я стоялъ и смотрѣлъ на портретъ Гинденбурга, висѣвшій у окна. Большое мясистое лицо, волосы ежомъ, усы метлой; ни дать ни взять — полицеймейстеръ изъ русскаго губернскаго города. Фонъ - Визе казался его младшимъ братомъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ комендантъ.

— Leutnant Z. отказался вчера подписать протоколъ и отвѣчать на вопросы безъ разрѣшенія старшаго.

— Спросите, кого онъ считаетъ старшимъ въ лагерѣ?

— Для меня старшимъ является генералъ Лагуновъ, — отвѣтилъ я.

Фонъ - Визе покраснѣлъ, ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Kein General Lagunoff, здѣсь я старшій! — потомъ онъ что то принялся писать на блокъ - нотѣ.

— Что у васъ произошло? — спросилъ меня Лагуновъ.

Я разсказалъ.

Комендантъ кончилъ писать и обратился къ переводчику:

— Переведите, что лейтенанты Топорковъ и Чириковичъ наказываются тремя сутками ареста, а Z. — пятью.

Такъ я лично познакомился съ генераломъ фонъ - Визе.

Черезъ нѣсколько дней утромъ за мной пришелъ часовой отвести меня на гауптвахту. Странное чувство охватило меня, когда мы вышли за лагерную ограду. Въ теченіе 16 мѣсяцевъ я жилъ, не выходя изъ-за рѣшетки. Былъ теплый день. Солнце ярко свѣтило.

Съ рѣки дулъ пріятный вѣтерокъ. Воробьи устраивали свои семейныя дѣла и густыми стайками перелетали съ дерева на дерево. Выйдя на дорогу, мой конвойный остановился и зарядилъ винтовку; затѣмъ кивкомъ головы показалъ направленіе, и мы пошли. Попадавшіяся по дорогѣ дѣти останавливались и провожали насъ глазами. Мы шли серединой улицы и, перейдя мостъ, вошли въ городокъ. Я шелъ и смотрѣлъ на магазины; въ окнахъ многочисленныхъ Konditorei, Bæckerei и Würsterei ничего не было видно: вмѣсто товаровъ, полки были покрыты листами сѣрой бумаги. Около одной изъ такихъ Konditorei намъ попалась навстрѣчу дѣвушка въ черномъ, съ заплаканными глазами.

— Фрицъ! — окликнула она моего конвойнаго. Тотъ остановился; остановился и я. Дѣвушка подошла къ намъ.

— Мы получили сегодня телеграмму: нашъ Гансъ убитъ подъ Верденомъ, — сказала она.

У нея были роскошные золотые волосы, стройная фигура, ясные, большіе глаза. На красивой ногѣ развязался шнурокъ башмака.

Крупныя, какъ роса, слезы потихоньку катились внизъ. Лицо было чудеснаго розоваго цвѣта. Сильная грудь поднималась и опускалась. Мое сердце заволновалось: вѣдь, за исключеніемъ сестры Оржевской, впродолженіе 16 мѣсяцевъ мы не видѣли близко ни одной женщины. Присутствіе подо-

шедшей дѣвушки было мнѣ безконечно пріятно. Я слѣдилъ за каждымъ движеніемъ губъ ея большого, краснваго рта; глядѣлъ на развязавшійся шнурокъ, на руки съ длинными пальцами, какъ они теребили накинутую на плечи шубку.

О чемъ шелъ разговоръ, я не знаю, вѣрнѣе, я не прислушивался. Меня туманила близость этой молодой, здоровой жизни. Въ отвѣтъ на мое восхищеніе, дѣвушка улыбнулась, показались бѣлые, ровные зубы. Попрощавшись съ конвойнымъ и дружески кивнувъ мнѣ, моя валькирія ушла. Я нѣсколько разъ обернулся ей вслѣдъ.

Пришли на гауптвахту; она находилась на краю города и представляла собой небольшое, аккуратно построенное зданіе. У входа бродилъ часовой, напѣвая «Deutschland über alles».

Увидѣвъ насъ, онъ позвонилъ въ колоколъ. Изъ зданія вышелъ караульный унтеръ - офицеръ. Ему мой конвойный передалъ бумагу изъ комендатуры. Онъ прочиталъ ее и сдѣлалъ знакъ слѣдовать за нимъ. Черезъ корридоръ мы прошли въ пріемную. Я сидѣлъ на скамейкѣ, пока меня сдавали и заносили по разнымъ книгамъ. Затѣмъ конвойный и унтеръ - офицеръ попрощались; меня же проводили въ длинный, узенькій корридорчикъ съ большимъ окномъ на одномъ концѣ. Съ правой стороны въ корридоръ выходило пять небольшихъ, но массивныхъ дверей. Мы остановились у второй отъ окна. Стукнулъ тяжелый засовъ, открылась дверь.

— Bitte!

Я вошелъ; меня сейчасъ же заперли, и я остался въ полумракѣ. Камера была небольшая. Пять шаговъ въ длину, три или три съ половиной въ ширину. Около трети помѣщенія занимала кровать. Собственно, это были голыя доски, положенныя на желѣзныя козла. Никакой мебели больше не было. Я присѣлъ на кровать. Совсѣмъ вверху, у самаго потолка, находилось небольшое окошечко. Подоконникъ круто скатывался въ камеру. Вставъ на кровать, я едва доставалъ головой его нижній край. За стекломъ виднѣлась толстѣйшая рѣшетка. Снаружи къ окну былъ придѣланъ желѣзный за-

кромъ. Благодаря этому можно было видѣть только небо. Въ углу, у кровати стояла макитра для воды. Температура было довольно прохладная, градусовъ 10, не больше. Я снялъ шинель и накинулъ ее на плечи.

Взятыя съ собой вещи — книги для чтенія, сахаръ, хлѣбъ, мыло, зубную щетку — я разложилъ на одномъ концѣ кровати.

Куреніе разрѣшалось лишь въ корридорѣ; для этого надо было позвонить выводного. Поэтому, на гауптвахтѣ установился такой modus vivendi: караульные не отбирали у арестованныхъ табака и спичекъ,, а арестованные не безпокоили караульныхъ. Это молчаливое соглашеніе свято выполнялось обѣими сторонами. Мнѣ объ этомъ еще въ лагерѣ разсказали и даже указали мѣсто, куда бросать окурки.

Я сидѣлъ и думалъ, чѣмъ бы заняться; но скуки, какъ это ни странно, я не испытывалъ. Прогулка, новыя лица и впечатлѣнія меня освѣжили. Затѣмъ я принялся отыскивать вентиляціонную трубу, которая служила курилкой арестованнымъ. Поиски были прерваны стукомъ засова. Дверь открылась. Вошелъ принимавшій меня унтеръ - офицеръ и Григорій; Григорій принесъ мой сѣнникъ, простыни и одѣяла. Я очень обрадовался ему; онъ передалъ мнѣ еще кусокъ сала отъ Высотскаго и печеніе отъ Калутиса. Затѣмъ онъ снова ушелъ, за нимъ послѣдовалъ и нѣмецъ, объяснивъ предварительно, что въ случаѣ какой либо нужды, я долженъ позвонить одинъ разъ.

Я сдѣлалъ постель, спряталъ подъ изгловье вещи и легъ, такъ какъ больше дѣлать ничего не оставалось.

Неожиданно мои мысли были прерваны шепотомъ, исходившимъ, словно изъ подземелья. Я прислушался.

— Russe, Russe... — звалъ кто то. Я осмотрѣлся.

Съ одной стороны стѣна была совсѣмъ гладкая: съ другой, у самой двери, на уровнѣ пола чернѣлась дыра; изъ этой дыры и несся шопотъ. Я долженъ былъ лечь на полъ, чтобы заглянуть въ дыру и узнать, въ чемъ дѣло. Все объяснилось просто: меня звалъ сосѣдъ изъ камеры рядомъ. Ока-

залось, что каждая пара комнатъ имѣетъ общую печку и вентиляторъ, проходившій черезъ всю толщу стѣны; онъ служилъ арестованнымъ и какъ курилка, и какъ телефонъ. Я разговорился съ сосѣдомъ. Онъ посовѣталъ постлать на полъ шинель и лечь на нее. Такъ и было сдѣлано. Лежа на животахъ, въ полутемныхъ камерахъ, мы передавали одинъ другому краткія исторіи нашихъ жизней.

— За что васъ арестовали? — спросилъ онъ. Я разсказалъ.

— А я сюда попалъ прямо изъ госпиталя. Я былъ раненъ на французскомъ фронтѣ и наканунѣ выхода сказалъ капралу, что онъ глупъ. Меня и отправили на гауптвахту. Восемь сутокъ строгаго ареста получилъ. А строгій арестъ очень плохая вещь.

— А какъ его отбываютъ у васъ?

— Лишаютъ свѣта, постельныхъ принадлежностей и горячей пищи. У меня закрыто окно, и въ камерѣ всегда темно. Сплю на голыхъ доскахъ, нѣтъ даже шинели, и только черезъ два дня даютъ горячую пищу, а то — хлѣбъ и воду. А я потерялъ много крови, и мнѣ бываетъ очень холодно, особенно ночью.

— Имѣете вы табакъ? — спросилъ я, думая, что онъ хочетъ курить.

— Пока есть. До васъ въ вашей камерѣ сидѣлъ одинъ русскій. Уходя, онъ оставилъ мнѣ папиросы и спички.

— Лейтенантъ, — сказалъ онъ послѣ короткой паузы, — скоро должны раздавать ужинъ. Какъ только услышите шаги — вставайте.

— Хорошо.

— А потомъ, — продолжалъ онъ, — если вы не съѣдите всего, дайте остатки мнѣ; понимаете, когда человѣкъ сидитъ на одномъ хлѣбѣ съ водой... Вы извините меня, но мы теперь камрады, неправда-ли?..

Передъ вечеромъ опять загремѣлъ засовъ. Пришелъ громаднѣйшій нѣмецъ, со свирѣпыми усами. Прежде всего, онъ подозрительно покосился на полъ: не валяются ли окур-

ки, но, увидѣвъ, что все было въ порядкѣ, добродушно улыбнулся и поставилъ на полъ большую миску макаронъ съ кусочками мяса.

— Имѣете ложку? — спросилъ онъ.

— Да.

Онъ ушелъ. Я принялся за ѣду. Трудно сказать, какой вкусной показалась мнѣ эта похлебка. Но уже послѣ нѣсколькихъ ложекъ появилось противное чувство пресыщенія. Я окликнулъ своего камрада и передалъ черезъ трубу миску. Почувствовавъ по тяжести, что она еще почти полная, камрадъ забезпокоился.

— Вы сами ничего не ѣли, кажется?

— Больше не могу.

— Вы больны?

— Нѣтъ, но послѣ нашей лагерной пищи, такой много не съѣшь...

Онъ съѣлъ остатки и съ благодарностями передалъ посуду обратно.

— Васъ плохо кормятъ въ лагерѣ? — спросилъ онъ, значительно повеселѣвшимъ, послѣ горячаго ужина, голосомъ.

— Очень.

— А жителей увѣряютъ, что плѣнные питаются очень хорошо...

Мы закурили.

— Я по профессіи кожевникъ, — пустился онъ въ разговоры, — дѣлаю чемоданы, сумочки, бумажники, сѣдла. Моя семья въ Бреслау. А вы откуда?

— Я съ Дона.

— Русскіе — хорошіе камрады. — признался сосѣдъ; — намъ хотя и говорили, что они убиваютъ плѣнныхъ и раненыхъ, но это, я думаю, неправда. Казаки — дѣло другое...

Около восьми часовъ вечера караульный выпустилъ меня погулять въ корридоръ.

Потомъ онъ открылъ среднюю камеру и крикнулъ:

— Leutnant, не хотите ли поговорить со своимъ товарищемъ?

И, къ моему удивленію, я увидѣлъ прапорщика Леонтьева — одного изъ самыхъ тихихъ людей въ лагерѣ. Ему было всего 22 года, и призводилъ онъ впечатлѣніе подкошеннаго цвѣтка.

— Какъ вы очутились здѣсь? — удивился я.

— Изъ-за Абта. Напала на насъ въ комнатѣ тоска. Устроили пирушку. Я и выпилъ то немного; стало плохо, легъ на кровать и заснулъ...

Остальная часть его исторіи походила на мою.

Потомъ насъ опять развели по камерамъ. Я раздѣлся и легъ. Изъ подъ двери пробивался тонкій лучъ свѣта. Я засмотрѣлся на него и заснулъ.

Сонъ перенесъ меня въ безконечныя степи. Была весна и утро. Всходило солнце. На цвѣтахъ, на травѣ переливалась роса. Чувство простора и свободы охватывало душу. Раздался топотъ и ржаніе. Прибѣжалъ бѣлый конь съ серебряными крыльями; на спинѣ у него сидѣла валькирія, уцѣпившись за гриву. Распущенные волосы покрывали воинственную дѣву непроницаемой мантіей. Валькирія ласково смотрѣла на меня, а конь билъ землю копытомъ. Мигъ — и я на конѣ. Раздался боевой кличъ. Блеснуло серебро крыльевъ, золотистые волосы опутали мое лицо.

Неудержимый порывъ кверху. Открылись безконечныя пространства; порвалась связь съ земнымъ; на мигъ предстали безсмертіе и вѣчность...

И вдругъ я проснулся; и, проснувшись, я еще не понималъ, что проснулся; вокругъ еще пахло цвѣтами, конь и валькирія были гдѣ то совсѣмъ близко, а на лицѣ еще словно лежала золотистая паутинка. Скучно иногда просыпаться!..

Въ семь часовъ появился караульный. Повели мыться. Мылись арестованные всѣ вмѣстѣ, наверху, въ глиняныхъ чашкахъ. Изъ русскихъ были только я и Леонтьевъ. Вымывшись, сошли внизъ. Мой сосѣдъ - камрадъ, вооружившись метелками и щетками, наводилъ порядокъ въ коррридорчикѣ и камерахъ. Потомъ насъ снова заперли.

— Лейтенантъ, — позвалъ меня къ дырѣ камрадъ, — я

сказалъ караульному, чтобы онъ далъ вамъ двѣ кружки кофэ: одну для васъ, а другую передайте, пожалуйста, мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, появился караульный съ двумя большими чашками кофэ и двумя кусками хлѣба. Поставивъ все на край кровати, онъ выразительно кивнулъ на стѣну.

— Gut, — сказалъ я съ понимающимъ видомъ.

— Знаете, — сказалъ камрадъ, передавая обратно чашку, — если караулъ хорошій, еще можно жить. Я и ставни открою, супа дадутъ, на ночь одѣяло принесутъ — еще ничего. Слѣдующій караулъ будетъ хуже — тамъ много новичковъ, а они всего боятся.

Такъ проходило у насъ время въ разговорахъ; для меня это была большая практика въ языкѣ: я хотя и понималъ сосѣда, но самому говорить было тяжело.

На обѣдъ мнѣ принесли густой лапши съ мясомъ и копченую селедку. Съѣлъ я на этотъ разъ уже больше, а остатки доѣлъ камрадъ.

— Danke, — сказалъ онъ, просовывая миску, — сегодня мнѣ ничего не дали, кромѣ воды и хлѣба. Все новички, боятся, чортъ бы ихъ взялъ.

На третій день моего сидѣнія камрадъ уходилъ на свободу.

— Leutnant, — обратился онъ ко мнѣ, — сегодня я выхожу на свободу и ѣду въ Бреслау. Благодарю васъ. Вы были хорошимъ камрадомъ. Мы съ вами не враги, не правда ли? Воюютъ наши правительства и большіе капиталисты. Leben Sie wohl. — Мы пожали другъ другу въ вентиляторъ руки. На этомъ и закончилось наше знакомство.

Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и Леонтьевъ. На его мѣсто привели кого то другого. Судя по большому движенію и необычному гулу въ корридорѣ, я заключилъ, что случай былъ съ осложненіями. Но звонить, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, мнѣ не хотѣлось.

Вечеромъ, когда я курилъ въ корридорѣ, караульный по-

казалъ на дверь одной изъ камеръ и, сдѣлавъ брезгливое лицо, сказалъ: «nicht gut».

На другой день я узналъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, что на мѣсто Леонтьева посадили Трифонова. Я зналъ его; это былъ безнадежный алкоголикъ.

На войнѣ Трифоновъ показалъ себя съ самой хорошей стороны. Въ бояхъ онъ былъ спокоенъ и мужественъ; ободрялъ робѣвшихъ, не боялся снарядовъ; рискуя собственной жизнью, вынесъ нѣсколькихъ раненыхъ изъ опаснаго мѣста. Такъ говорили о немъ однополчане.

Но въ плѣну алкоголь губилъ его. Онъ пилъ долго и упорно. Денегъ онъ имѣлъ много: его отецъ былъ изъ богатыхъ московскихъ кущовъ. Его зналъ самъ фонъ - Визе; онъ запретилъ продавать ему алкоголь, но Трифоновъ всегда умѣлъ обойти запрещеніе. Напившись, онъ терялъ представленіе о дѣйствительности. Послѣднее время Трифоновъ опустился до невозможности. Свою кровать онъ превратилъ чуть ли не въ уборную. И въ концѣ концовъ, въ виду физической невозможности жить съ нимъ, сожители Трифонова рѣшили доложить обо всемъ коменданту.

Комендантъ распорядился арестовать его на 10 сутокъ. Когда же въ комнату пришелъ караульный отвести его на гауптвахту, Трифоновъ не могъ итти: такъ онъ былъ пьянъ. Дали еще другого провожатаго. По дорогѣ Трифоновъ падалъ. Конвойные волокли его за руки. Волокомъ онъ доѣхалъ до мѣста назначенія. Пока Леонтьевъ выѣзжалъ изъ камеры, Трифонова приставили къ стѣнкѣ; затѣмъ, положили его на сѣнникъ, внесли въ камеру и заперли. Оставшись одинъ, онъ, видимо, не могъ отдать себѣ отчета въ случившемся и понять, гдѣ онъ находится. Немного погодя, заглянувшій къ нему караульный увидѣлъ на сѣнникѣ слѣды изверженій изо всѣхъ отверстій, и среди нихъ — самого виновника, въ кошмарномъ бреду.

Въ послѣдній день моего пребыванія подъ арестомъ я встрѣтился съ Трифоновымъ въ умывальной. Лицо у него бы-

ло сизое, распухшее, волосы всклокоченные, руки дрожали; дыханіе несло отвратительный запахъ винпаго перегара.

Онъ долго мочилъ голову въ тазу; намочивши, сталъ теребить волосы гребенкой. Гребенка прыгала въ рукахъ и часто падала. Онъ съ трудомъ поднималъ ее, причемъ рука часто шла куда то въ сторону, мимо головы, дѣлая рѣзкія зигзагообразныя движенія. Желая мнѣ что то сказать, онъ не могъ сперва разжать рта; затѣмъ челюсти его запрыгали, онъ заговорилъ хриплымъ голосовъ; во время разговора зубы иногда такъ лязгали, что я боялся, какъ бы онъ не откусилъ языка.

— Слушайте, — обратился онъ ко мнѣ, — ради Бога, поговорите съ нѣмцами, пусть мнѣ достанутъ немножко коньяку опохмелиться. Видите, я просто умираю.

— Что такое? — спросилъ караульный

— Eine halbe Flasche коньяку, — сказалъ Трифоновъ.

Но нѣмецъ только присвистнулъ.

— Лейтенантъ. — обратился онъ ко мнѣ, — вашъ товарищъ хотѣлъ повѣситься; мы у него забрали подтяжки и полотенца. Куда-жъ ему пить?

Послѣ обѣда ко мнѣ въ камеру пришелъ караульный унтеръ - офицеръ.

— Васъ сегодня выпускаютъ, — объявилъ онъ, — соберите ваши вещи; за ними скоро придетъ деньщикъ изъ лагеря.

— Очень хорошо.

— Всего лучшаго. Желаю вамъ возвратиться скорѣе въ Россію.

Я поблагодарилъ и началъ складывать вещи. Онъ задумчиво смотрѣлъ на мои сборы и вздохнулъ.

— А я скоро на французскій фронтъ ѣду. Тутъ у меня жена и трое дѣтей остается.

Черезъ полчаса пришелъ изъ лагеря Григорій съ конвойнымъ и забралъ мои вещи.

Погода стояла хорошая; мы шли потихоньку и говорили о лагерныхъ событіяхъ.

— А безъ васъ полковникъ Воскресенскій умеръ. Вышелъ въ садъ погулять и вдругъ упалъ. Отвезли его въ госпиталь. Такъ тамъ и скончался. Вскрывали его; чахотка у него какая то оказалась — молневая, что-ли; на все тѣло бросилась и на мозгъ, главное.

Меня поразила эта смерть. Я говорилъ съ полковникомъ еще незадолго до ареста, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе вполнѣ здороваго человѣка.

— Что-жъ удивительнаго, — разсуждалъ Григорій, — развѣ это пища, что намъ даютъ въ лагерѣ? Ни силы, ни крѣпости въ ней нѣтъ настоящей; когда болѣзнь приходитъ, человѣкъ сопротивленія не можетъ оказать.

Непріятно было снова входить въ предупредительно раскрывшіяся передъ нами ворота, но бѣжать было некуда.

Въ канцеляріи меня помѣтили вернувшимся и отпустили.

— А, Шильонскій узникъ явился!.. — воскликнулъ Перель, когда я показался въ комнатѣ. — Добро пожаловать. Садитесь и разсказывайте ваши приключенія.

Въ короткихъ словахъ я сообщилъ о своемъ пребываніи на гауптвахтѣ. Перелю больше всего понравилось описаніе супа съ лапшей.

— Чудесная вещь, то-то вы такъ поправились. Что бы вамъ принести намъ на пробу.

— А безъ тебя тутъ похороны были, — вставилъ Высотскій.

— Слышалъ, но только просто не вѣрится.

— Фактъ, — подтвердилъ Перель, — однимъ русскимъ полковникомъ въ Мюнденѣ стало меньше.

— Это только еще начало, — отозвался Сабанѣевъ, очинивая карандашъ.

— Ха-ха-ха!.. — раскатился Перель, — вы хотите сказать, Пантелеймонъ Степанычъ, что мы всѣ тамъ будемъ. Это мы знаемъ. Вы лучше намъ скажите что нибудь веселенькое.

— Какое тамъ веселье можетъ быть, Алексѣй Сергѣичъ, при такой пищѣ. Всѣ мы тощаемъ и худѣемъ. Никто не можетъ сказать, чья и когда будетъ слѣдующая очередь.

— Это правда. Кормятъ насъ такъ, что съ голоду не помрешь, но и сытъ не бываешь; но долго это не будетъ продолжаться, я увѣренъ. Теперь уже у насъ весна, и, по всей вѣроятности, русскіе скоро предпримутъ большое наступленіе. Союзники помогутъ. Нѣмцы поймутъ въ концѣ концовъ, что имъ не выйти изъ кольца, и сдадутся. Съѣдутся дипломаты, подпишутъ договоры и развезутъ плѣнныхъ по домамъ.

— Сколько еще до того плѣнныхъ перемретъ, — вздохнулъ Сабанѣевъ.

Начавшееся въ мартѣ русское наступленіе у Двинска оживило наши надежды. Мы думали, что это только начало всеобщей грандіозной битвы. Видимо, и сами нѣмцы ожидали серьезныхъ дѣйствій на ихъ восточномъ фронтѣ: желѣзная дорога, проходившая за Везеромъ на горѣ, гремѣла днемъ и ночью, перевозя войска, орудія и лазареты на русскій фронтъ. Деньщики, бывавшіе въ городѣ, сообщали, что Мюнденскій и Кассельскій вокзалы запружены военными эшелонами.

Но дѣло на этомъ и кончилось. Какъ мы предполагали, со стороны русскихъ, это была, вѣроятно, демонстрація, чтобы отвлечь часть нѣмецкихъ силъ отъ Вердена.

Какъ бы тамъ ни было, конецъ войны въ этомъ году казался неминуемымъ: столько было уже погублено и искалѣчено людей, столько истрачено денегъ, столько уничтожено культурныхъ цѣнностей, что дальнѣйшая борьба казалась безуміемъ и угрозой уже всему человѣчеству.

Пришла Страстная недѣля. Пріѣхалъ священникъ изъ Касселя. Служеніе привлекло большую толпу молящихся; много плѣнныхъ исповѣдывалось и причащалось. Удивительные напѣвы Страстной Седьмицы приходили слушать и союзники, и нѣмцы.

На заутреню, которую комендантъ разрѣшилъ служить въ полночь, явился весь лагерь. Пришли самые равнодушные и невѣрующіе: церковь объединила всѣхъ, безъ различія.

Вернувшись послѣ Богослуженія, мы съ Высотскимъ накрыли столъ, уставили его, чѣмъ Богъ послалъ, и пригласили къ нашей скромной трапезѣ Переля. Если угощеніе было и небольшое, за то веселье оказалось самымъ искреннимъ. Высотскій показывалъ, какой величины водятся въ Невѣ лососи и, разводя руками, заставлялъ насъ обоихъ отодвигаться въ стороны. Перель что то говорилъ о Тамбовскомъ вилайетѣ и необходимости Константинополя для Россіи. Я тоже не отставалъ отъ нихъ. Это была очень веселая Пасха, потому что это была Пасха надеждъ.

Наступила цвѣтущая весна. Снова деревья сдѣлались бѣлыми и розовыми. Въ ожиданіи событій, я гулялъ по саду и занимался.

Цѣлыми ватагами повсюду бродили плѣнные съ фотографическими аппаратами. Снимали зданіе, садъ, черепаху, Везеръ, часовыхъ, мусорную телѣгу, облака, отдѣльныя деревья. Какая то птичка свила гнѣздо довольно низко на черешнѣ; сняли и ее. Отъ фотографовъ не было спасенія: въ лагерѣ имѣлось около ста аппаратовъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ; среди нашихъ фотографовъ нашлись и хорошіе спеціалисты; я видѣлъ много прекрасныхъ снимковъ.

Однажды мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой картины: одинъ французскій солдатъ снималъ у рѣшетки своего пріятеля - деньщика. Пока онъ возился съ аппаратомъ, ихъ уже снялъ англійскій офицеръ. Съ горки французскій летчикъ захватилъ всю эту сцену. Но самымъ послѣднимъ оказался русскій, поймавшій въ свой объективъ и летчика и англичанина и француза.

Весна была радостная. И ходилось легко, словно у ногъ отросли крылья.

ГЛАВА XIII.

Наши деньщики тоже ожили.

— Надо полагать, это послѣдняя весна въ плѣну, — говорилъ Григорій. — Домой пора, за дѣло надо приниматься:

косить, пахать, молотить. А то ужъ изъ деревни пишутъ — нехватка большая въ людяхъ, земли поднимать некому.

— А какъ теперь въ солдатскихъ лагеряхъ, — спросилъ его Высотскій.

— Да послѣ пріѣзда сестеръ словно полегчало — изъ комитетовъ разныхъ стали слать галеты, шеколадъ, молоко въ банкахъ. Ну, изъ Россіи тоже нѣтъ-нѣтъ, сухарей пришлютъ, то изъ одежи кое что, изъ бѣлья. А, главное, притерпѣлся народъ, которые еще не померли. Потомъ на сельскія работы идутъ: мужчины то на войнѣ, дома одни бабы, да дѣти малыя. Каждый день въ лагерь просьбы поступаютъ — не согласится ли кто изъ плѣнныхъ на полевыя работы пти.

— И идутъ?

— Идутъ, особенно, кто поздоровѣе. Все равно въ лагерѣ ничего не высидишь, а только здоровье окончательно потеряешь.

— А какъ устраиваются? — спросилъ Сабанѣевъ.

— Кто какъ. Нѣкоторые, такъ очень хорошо. Особенно, если человѣкъ въ деревню попадетъ, да въ такую семью, гдѣ мужъ на войнѣ, или убитъ. Такіе то, можно сказать, по-семейному живутъ. Но это рѣдко. Больше то нѣмецкая полиція для плѣнныхъ отдѣльный сарай отводитъ, переплетаютъ его проволокой, на ночь, послѣ работы, туда и загоняютъ, какъ скотину.

— А бѣгаютъ съ работъ?

— Сколько еще. Особенно тѣ, кто у ихнихъ помѣщиковъ работаетъ. Работа — съ утра до вечера, пища плохая, обращеніе жестокое, ну и бѣгутъ.Я намеднись въ городъ за посылками ходилъ, одного русскаго встрѣтилъ, неподалеку работаетъ. Онъ разсказывалъ, какъ они втроемъ бѣгали. Дюже любопытно.

— Ну, ну, разскажи Григорій! — вскочилъ Перель, всегда горячо сочувствовавшій бѣглецамъ.

— Утекли они это отъ своего барона и прямо къ голландской границѣ. Ночью шли, а днемъ гдѣ нибудь въ лѣсу скрывались, въ ямкѣ лежали, огонекъ небольшой разводили, чтобы

согрѣться. Мѣсяцъ то октябрь былъ, прохладно. Разъ всю ночь подъ дождемъ шли, продрогли и ужъ на зарѣ недалеко отъ опушки сарай увидѣли; жилья не видать было, рѣшили они туда на день схорониться. Наверху то сѣно было. Нашли гдѣ то лѣсенку, полѣзли. Ну, первые то двое благополучно забрались, а подъ третьимъ лѣстница обломилась, но, однако, и онъ вскарабкался. Спрятались всѣ въ самый дальній уголъ. А днемъ вдругъ голоса послышались, изъ сосѣдняго хутора хозяинъ, надо полагать, съ сыномъ пришелъ, свое сѣно посмотрѣть. Притаились наши — ни живы, ни мертвы. Подошли хозяинъ съ сыномъ поближе, мальчикъ и говоритъ: «Папа, посмотри, лѣстница поломана и на землѣ валяется, у насъ воры, должно быть, были».

За это время наши все-таки научились по-нѣмецки понимать. Ну, а мужчина догадался, вѣроятно, и отвѣчаетъ: «Это плѣнные побывали, ворамъ у насъ не водъ». Поговорили они еще между собой и прочь пошли. Наши то все думали, вотъ-вотъ полиція нагрянетъ, однако, Богъ помиловалъ. Вечеромъ въ темнотѣ спустились кое какъ и опять побрели. Пѣлый мѣсяцъ такъ ходили. Ѣсть нечего, бѣлокъ ловили, жарили на огнѣ, благо, спички съ собой захватили. На огородахъ рѣпу, свеклу, брюкву воровали. Отощали очень. Когда курить хотѣлось — набирали листьевъ, подъ мышками сушили, а потомъ крошили и курили. Двухъ то зацапали, а третьему удалось бѣжать.

— А что сдѣлали съ пойманными? — спросилъ кто то.

— Одного снова на баронскую мызу отправили, а другого то, разсказчика самаго, въ штрафной лагерь сослали. Ужъ и лагерь же, — помоталъ Григорій головой, — до того нѣмцы додумались, что русскому никогда бы и въ голову не пришло.

Какъ только въ этотъ лагерь приведутъ плѣннаго, такъ у него сейчасъ же всѣ пуговицы, до одной, обрѣзываютъ, которыя, значитъ, на штанахъ, на кальсонахъ, на гимнастеркѣ пришиты. Кромѣ того, иголки и нитки отбираютъ, и имѣть ихъ запрещали. Встанетъ человѣкъ, а съ него все валится, значитъ...

— Да, какъ же ходили?

— Да, такъ: одной рукой штаны держали, а другой — воротъ закрывали. Такъ и ходили. Куда же въ такомъ видѣ убѣжишь?

Несмотря на помощь комитетовъ, въ солдатскихъ лагеряхъ жить было очень скверно.

— Точно, — объяснялъ недавно присланный изъ Касселя солдатикъ, — присылаютъ намъ иногда и бисквиты, и молоко и шеколадъ. Но только намъ то не больно много достается. Пришло, скажемъ, нѣсколько ящиковъ съ разнымъ добромъ. Вызываютъ переводчиковъ принять. Тѣ приходятъ, откупориваютъ ящики, а пока, до распредѣленія, все въ переводчиковы комнаты уносится. Потомъ нашихъ пріемщиковъ зовутъ — приходите получать. Тѣ приходятъ, а все, глядишь, ужъ усохло; ящики то наполовину пустые. Вздумаешь говорить — еще хуже: переводчики то наши наряды на работы ведутъ; скажутъ какіе изъ насъ, что дѣло съ посылками не чисто — такъ ихъ не въ очередь въ нарядъ; а то еще и нѣмцамъ ябедничаютъ — что нѣмцевъ ругали, тогда и того хуже. Одинъ изъ нашихъ то переводчиковъ прямо заявляетъ: «Я въ Россію послѣ войны не поѣду. Больно нужно!» И, какъ наши слышали, въ Касселѣ магазинъ присматриваетъ. У самихъ нѣмцевъ всѣ карманы нашими галетами полны. Вызовутъ въ комендатуру, а нѣмецъ сидитъ — и шеколадъ ѣстъ, въ такой же обложкѣ, какъ и у насъ. А откуда онъ у него?

— Мы, Ваше Благородіе, противъ нашихъ переводчиковъ во-какъ, — вступилъ въ разговоръ второй солдатикъ, съ блѣднымъ, измученнымъ лицомъ, — у насъ ужъ такъ порѣшено: когда поѣдемъ въ Россію, никого изъ нихъ живымъ туда не допустить. Къ намъ однажды представитель Краснаго Креста пріѣхалъ; мы и пожаловались ему, что у насъ галеты воруютъ. Онъ настоялъ, чтобы обыскъ у переводчика сдѣлали. Подняли половицу въ баракѣ, а тамъ 48 банокъ мэлока стоитъ, да сколько еще бисквитовъ, да шеколаду; затѣмъ бумажникъ нашли, а въ немъ 10.000 марокъ, видно за продан-

ное раньше. Представитель и говоритъ намъ: — «ничего я не могу сдѣлать... Вашъ же братъ, плѣнный...»

— Да эти же переводчики наши, — заговорилъ снова первый солдатикъ, — тоненькія книжечки, что отъ нѣмцевъ получаютъ, намъ раздаютъ. «Читайте», говорятъ, «товарищи, узнайте, почему вы несчастны и кто васъ мучитъ». Откроешь книжечку, станешь читать, такъ оно и выходитъ, что царь — врагъ, офицеръ — врагъ, попъ — врагъ; одни нѣмцы какъ-бы друзья народу русскому».

Весной 1916 года мы затѣяли издавать журналъ. Пришла эта мысль въ голову прапощику Герману. На его призывъ дружно откликнулись художники и беллетристы. Первые принесли свои рисунки, а вторые — рукописи. Я тоже принималъ нѣкоторое участіе въ журналѣ, состоя секретаремъ редакціи.

Много надо было потрудиться прежде, чѣмъ могъ появиться первый номеръ «Kriegsgefangener'a». Въ немъ отразился нашъ плѣнъ съ его маленькими радостями и большой тоской. Особенно хороши были рисунки; нѣкоторыя карикатуры невольно вызывали смѣхъ. Что же касается беллетристики, то, если не все было сказано гладко, за то все было свое, пережитое. Въ короткихъ безыскусственныхъ разсказахъ нашла свой исходъ наша жизнь и ея неволя. Многіе читатели «Kriegsgefangener'a» заявляли, что послѣ него другія литературныя произведенія кажутся имъ слишкомъ придуманными. Редакторъ - издатель со своимъ секретаремъ обѣщали выпускать журналъ такъ часто, какъ только возможно. Но увы — это было трудно. Журналъ могъ выходить только рукописнымъ. На насъ лежала обязанность подобрать матеріалъ, переписать его, отдать художникамъ для заготовленія виньетокъ, сброшюровать и переплести. Выходилъ «Kriegsgefangener» въ одномъ экземплярѣ и давался въ каждую комнату для прочтенія на нѣсколько дней, съ просьбой беречь его отъ нѣмецкаго глаза.

Всего удалось выпустить два номера; когда третій былъ еще въ зародышѣ, нѣмцы произвели среди плѣнныхъ

« перепутаницу » : редакторъ и сотрудники были разсѣяны по разнымъ лагерямъ; я-же въ это время находился въ госпиталѣ, и кто увезъ съ собой «Kriegsgefangener» я до сихъ поръ не знаю.

Большая морская битва въ концѣ мая ничего намъ не дала: ни надеждъ, ни разочарованій. Если нѣмцы были потрепаны, то и англичанамъ не поздоровилось.

А нашего наступленія все не было. Мы начали уже терять надежду, что оно будетъ въ этому году. Но вотъ, однажды, придя утромъ за чайниками, Григорій сказалъ:

— Такъ что на русскомъ фронтѣ наступленіе началось. Всѣ схватились за газеты.

Размахъ и сила русскаго наступленія нѣмцевъ ошеломили.

«Безпрерывно продолжавшійся въ теченіе 48 часовъ артиллерійскій огонь изъ орудій самаго разнообразнаго калибра заставилъ наши войска отойти на заранѣе заготовленныя позиціи», сообщало высшее нѣмецкое командованіе.

«Послѣ сконцентрированнаго артиллерійскаго огня русскіе послали сорокъ штурмовыхъ волнъ»...

«Яростныя русскія аттаки, сопровождаемыя неслыханнымъ еще артиллерійскимъ огнемъ»...

«Не щадя ни снарядовъ, ни людей, русскіе наступаютъ и продвигаются впередъ»...

Такъ рисовали нѣмецкія газеты наше наступленіе. Онѣ также называли его «безумной тратой снарядовъ», «преступно принесенными въ жертву гекатомбами человѣческихъ жизней». Но что они сами позволяли себѣ напрасно стукаться лбомъ о Верденъ — это не было ни «безумной тратой снарядовъ», ни «преступно принесенными въ жертву гекатомбами человѣческихъ жизней».

Послѣ сообщеній Главной нѣмецкой квартиры, мы читали русскія сообщенія; онѣ печатались обыкновенно гдѣнибудь на послѣдней страницѣ мелкимъ шрифтомъ. По этимъ короткимъ строчкамъ мы и судили объ успѣхѣ Брусиловскаго наступленія.

Кромѣ перечня завоеванныхъ пунктовъ тамъ сообщалось также о количествѣ взятыхъ въ плѣнъ германцевъ и австрійцевъ: 5000, 10000, 15000, 20000 — вотъ поскольку забирала каждый день армія Брусилова. А одинъ разъ была приведена исключительно большая цифра — 35.000 за однѣ сутки. Приведя это число, газета добавляла: «на будущихъ мирныхъ переговорахъ Россія должна будетъ особо поплатиться за такія ложныя сообщенія».

— Бѣдная Россія, сказалъ Перель, нѣмцы желаютъ ей представить счетъ даже за ея побѣды.

Но, какъ ни храбрились нѣмцы, все-таки, ясно было, что такого наступленія они совсѣмъ не ожидали. Это было видно по тону и содержанію газетныхъ статей. Онѣ уже не пѣли гимновъ пресловутой германской «Siegeswille», а были озабочены больше хозяйственными дѣлами и совѣтовали варить картошку въ шелухѣ, утверждая, что очищенная, при варкѣ, теряетъ около 30% питательныхъ веществъ. Въ одной Познанской газетѣ я даже прочелъ сообщеніе, что одинъ германскій ученый нашелъ способъ добывать жиры изъ комаровъ.

Въ это время трудно было встрѣтить болѣе счастливаго человѣка, чѣмъ Перель. Онъ сіялъ, слушая о побѣдахъ Брусилова, и смѣялся до упаду, говоря о комариномъ жирѣ.

Въ своихъ журналахъ нѣмцы то и дѣло помѣщали статьи объ Алексѣевѣ, Рузскомъ, Поливановѣ и другихъ выдающихся нашихъ генералахъ. Гинденбургъ въ одной статьѣ о русской арміи называлъ ее дѣятельной и стойкой.

О бывшемъ русскомъ Главнокомандующемъ — Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ не помню, кто ужъ изъ нѣмцевъ говорилъ, что, если онъ и не обладаетъ обширными тактическими и стратегическими познаніями, то зато онъ добрый вояка съ твердой волей. Его отступленіе въ 1915 году называлось «безпримѣрнымъ» въ исторіи по тому искусству, съ какимъ онъ вышелъ изъ тяжелаго положенія. Еще лѣтомъ 1915 года командующій Кассельскимъ корпусомъ посѣтилъ нашъ лагерь. Онъ просилъ ему представить русскихъ гене-

раловъ. Здороваясь съ Лагуновымъ, нѣмецкій генералъ сказалъ:

— Я уважаю русскій народъ. Эта война — несчастье для насъ и для васъ ; будучи союзниками, мы покорили-бы весь міръ.

Нѣмцы сами признавали тотъ фактъ, что въ Россіи оказались прекрасные спеціалисты въ военномъ и морскомъ дѣлѣ.

«Намъ всегда рисовали русскихъ, какъ грязныхъ и неумытыхъ свиней; на дѣлѣ же этотъ народъ оказывается однимъ изъ способнѣйшихъ», — замѣчала какая то газета.

«При такомъ положеніи вещей намъ нечего надѣяться на внутренніе безпорядки въ Россіи», — писалъ большой берлинскій органъ.

Но особенно горько было нѣмцамъ, что Россія и слушать не хотѣла о мирѣ. Постоянно въ газетахъ приводилось, что Государственная Дума, самъ Государь, все русское общество — говорятъ о войнѣ до побѣднаго конца.

«Бѣдный русскій народъ», — вздыхалъ одинъ германскій журналистъ, — «ему навязали войну, которой онъ совсѣмъ не хотѣлъ. Теперь русскій крестьянинъ долженъ сражаться въ угоду царскимъ генераламъ и чиновникамъ. Но когда нибудь да пробьетъ часъ возмездія».

Наряду съ сообщеніями о стремленіи Россіи довести войну до побѣднаго конца, газеты изрѣдка и осторожно помѣщали извѣстія, что царица Александра Ѳеодоровна посѣтила гдѣ то нѣмецкихъ раненыхъ, что она не желала и не желаетъ этой войны, что она не принимаетъ участія въ придворной жизни, и что русскій народъ не любитъ ее и считаетъ за нѣмку.

Вскорѣ послѣ начала русскаго наступленія, нѣмецкія газеты писали:

«Царица Александра Ѳеодоровна посѣтила ставку Брусилова. Она пробыла тамъ нѣсколько дней; въ ея поѣздѣ находился также Распутинъ. Пока царица бесѣдовала съ генераломъ, Распутинъ гулялъ вдоль поѣзда въ голубой рубашкѣ, вышитой царицыными руками. Наступленіе началось лишь послѣ того, какъ царица уѣхала».

Послѣ наступленія царица опять пріѣзжала къ Брусилову. Ея пріѣздъ и совпавшее съ нимъ ослабленіе русскаго натиска нѣмцы отмѣтили. Да и не они одни. У многихъ изъ плѣнныхъ появились сомнѣнія. Партію царицы стали называть открыто «нѣмецкой».

Черезъ эти извѣстія и глухія угрозы тяжело расправиться со своими врагами виднѣлась Германія, сильная не только своею военной мощью, но также и умѣньемъ всякій пустякъ заставить служить себѣ на пользу.

Но какъ бы тамъ ни было, Брусиловское наступленіе начало стихать. Грянули бои на Соммѣ. Нѣмцы не щадили красокъ, описывая ужасъ ураганнаго огня. Одинъ корреспондентъ сообщалъ, что отъ силы огня плавилась проволока заграждеій. Но, если, дѣйствительно, бои на Соммѣ не походили на другіе бои, результаты ихъ, — особенно по сравненію съ Брусиловскимъ натискомъ, — казались намъ совсѣмъ незначительными. Мы поняли, что въ этомъ году на развязку надѣяться трудно. У многихъ снова проснулась мысль о бѣгствѣ.

Первымъ бѣжалъ англійскій офицеръ, пріятель Саламатина. Какъ бѣжалъ онъ — никто не зналъ; нигдѣ не было ни пробоины, ни подкопа. Въ лагерѣ все было цѣло. Это обстоятельство сбивало комендатуру съ толку. Она смутилась еще больше, когда такъ же тихо исчезъ и второй англичанинъ. Саламатинъ ходилъ съ ликующимъ лицомъ; я думалъ, что со слѣдующимъ рейсомъ отправится и самъ Саламаша. Можетъ быть, это такъ и было бы, не открой нѣмцы тайны побѣговъ.

Однажды, когда русскіе деньщики тащили въ сосѣдній сарай большую корзину кухонныхъ отбросовъ, ихъ внезапно окружили караульные. Корзину по ихъ приказанію вывернули. Вмѣстѣ съ картофельной шелухой оттуда выкатился одинъ изъ русскихъ офицеровъ. Этой дорогой, какъ оказалось, бѣжали два первыхъ бѣглеца.

Обыкновенно, корзину съ отбросами оставляли въ сараѣ. Сарай не охранялся, и все остальное тамъ поручалось судьбѣ и случаю.

— Кто то донесъ, — говорили деньщики, — и, надо по-

лагать, кто-то изъ своихъ. Изъ нѣмцевъ никто и глазомъ не видалъ, какъ мы это дѣлали.

Врядъ ли былъ способенъ на доносъ кто нибудь изъ среды самихъ деньщиковъ. Они всѣ не любили нѣмцевъ, и никто не говорилъ по-нѣмецки. Недѣли черезъ три послѣ этого убѣжалъ третій англійскій офицеръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Раннимъ утромъ, когда не успѣлъ еще разсѣяться туманъ, цѣлая ватага плѣнныхъ выбѣжала во дворъ и стала играть въ чехарду. Часовые заглядѣлись на игру. Этимъ моментомъ воспользовались двое англичанъ. Они отошли въ уголокъ поукромнѣе, одинъ сталъ у самой рѣшетки, а другой разбѣжался, прыгнулъ ему на плечи, съ плечъ перескочилъ черезъ первую рѣшетку, въ два прыжка былъ у второй и въ одинъ мигъ скрылся въ кустахъ надъ рѣкой. Часовые ничего не замѣтили. Услышавъ про этотъ побѣгъ, лагерь ахнулъ: убѣжать такимъ образомъ могъ только прекрасный гимнастъ и отчаянная голова.

На слѣдующее утро пріѣхали полицейскіе съ собаками. Какой то толстый нѣмецъ, держа на привязи собаку изъ породы договъ, показывалъ ей на землю, на столбы, на кусты. Собака махала хвостомъ, лаяла и на всѣхъ столбахъ и кустахъ оставляла знаки, такъ много говорящіе песьимъ носамъ, но искать не пожелала. Нѣсколько разъ она принималась такъ отряхивать прахъ нашего лагеря, что земля летѣла во всѣ стороны.

Словно дѣлая уступку человѣческой глупости, песъ повелъ, наконецъ, своего поводыря по кустамъ. Но, когда они оба очутились на сосѣднемъ картофельномъ полѣ, песъ присѣлъ тутъ въ позѣ, очень взвеселившей плѣнныхъ. На этотъ разъ собачьи поиски кончились ничѣмъ. Такъ какъ плѣнные, жившіе въ сѣверо - западной части Германіи, въ случаѣ побѣга, неизбѣжно направлялись къ голландской границѣ, какъ къ самой близкой, то нѣмцы особенно усилили ея охрану.

У насъ въ лагерѣ стали говорить, что самое трудное — не бѣжать, и не добраться до границы, а перейти ее. Она оберегалась многочисленной стражей съ дрессированными собака-

ми; кромѣ того, было нѣсколько рядовъ проволочныхъ заграждений; по нѣкоторымъ изъ нихъ, будто бы, проходили токи высокаго напряженія.

Бѣжавшій вскорѣ послѣ англичанъ русскій офицеръ, поручикъ Тарасовъ, былъ убитъ при попыткѣ перейти въ Голландію. Наша комендатура получила объ этомъ официальное увѣдомленіе отъ начальника пограничной стражи на голландской границѣ.

Нѣмцы ловили большинство бѣжавшихъ внутри самой Германіи; ихъ выдавало незнаніе языка, обычаевъ, не говоря уже о костюмѣ. Пріятеля Саламатина, англійскаго офицера, поймалъ нѣмецкій офицеръ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Бѣглецъ шелъ по дорогѣ въ костюмѣ «подъ рабочаго», передѣланномъ изъ англійской военной формы. Ему надо было пройти мимо одной небольшой виллы; въ садикѣ, передъ домомъ, сидѣлъ на скамейкѣ нѣмецкій офицеръ со своей женой.

Англичанинъ спокойно прошелъ мимо супружеской четы, не обративъ на нее вниманія. Но не успѣлъ онъ пройти и двадцати шаговъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно услышалъ за собой голосъ: «будьте любезны, на одну минуту». Онъ обернулся — это звалъ его нѣмецкій офицеръ. Дѣлать было нечего, англичанинъ подошелъ. Нѣмецъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Если не ошибаюсь, вы англійскій офицеръ.

Бѣглецъ былъ пораженъ.

— Видите, вы не знаете обычаевъ страны, — сказалъ нѣмецъ, — потому я васъ и узналъ. У насъ никто не проходитъ мимо, не сказавши «Guten Tag».

Нѣмецъ оказался гостепріимнымъ. Взявши съ англичанина слово, что тотъ не убѣжитъ, онъ пригласилъ его къ себѣ въ домъ, предложилъ ванну, накормилъ обѣдомъ и даже положилъ спать въ своемъ кабинетѣ. Только на другое утро, когда проѣзжали полицейскіе, хозяинъ сдалъ имъ своего гостя.

Удобнѣе всего было плѣннымъ бѣгать съ прогулокъ. По взаимному договору съ Россіей, Германія разрѣшила русскимъ плѣнымъ, давшимъ честное слово не бѣжать, небольшія прогулки по окрестностямъ Мюндена. Давшихъ слово собирали въ сто-

ловой, провѣряли и затѣмъ отправляли на прогулку, въ сопровожденіи нѣсколькихъ караульныхъ и дежурнаго офицера. Постепенно, къ давшимъ слово стали присоединяться и недавшіе. Наши старшіе убѣдили фонъ-Визе, что плѣнные все равно никуда не могли бы скрыться въ своей формѣ. Прогулки сдѣлались смѣшанными. По возвращеніи караулъ только пересчитывалъ плѣнныхъ. И вотъ, однажды, не досчитались двухъ прапорщиковъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Они отстали въ лѣсу отъ главной группы, сбросили свои фуражки, нахлобучили нѣмецкіе рабочіе картузы, скинули кителя и брюки и надѣли сдѣланные русскими портными въ лагерѣ пиджаки и штаны, выкрашенные чернилами. Въ такомъ видѣ оба отправились на ближайшую ж.-д. станцію. Тамъ они купили билеты до границы. Видъ ихъ ни въ комъ подозрѣнія не вызвалъ. Въ поѣздѣ народу было немного; они сѣли въ самый темный уголъ и половину дороги проговорили съ жандармомъ, который жаловался имъ на дороговизну жизни. Пріѣхавъ до конечной станціи, они переночевали въ первой попавшейся гостиницѣ и вечеромъ пошли на вокзалъ, въ разсчетѣ взять билеты до ближайшаго голландскаго городка. Имъ хотѣли уже дать билеты, какъ вдругъ кому то изъ нѣмцевъ пришла въ голову мысль спросить у нихъ паспорта.

Благодаря этому, вмѣсто Голландіи, они очутились въ кутузкѣ, а оттуда были препровождены обратно въ Мюнденъ.

Чѣмъ больше продвигалось лѣто и чѣмъ больше росла у насъ увѣренность въ неизбѣжности еще третьей зимней кампаніи, тѣмъ скучнѣе становился поручикъ Хановъ, однополчанинъ Сабанѣева. Онъ уже не сидѣлъ цѣлыми днями надъ нѣмецкимъ романомъ, а куда то часто началъ исчезать. Одинъ разъ онъ пришелъ, несмотря на жару, въ шинели въ накидку и въ совершенно мокрыхъ штанахъ и рубашкѣ.

Спросить его, гдѣ онъ искупался, было какъ то неловко, но я догадывался, что поручикъ Хановъ ищетъ путей къ свободѣ.

Однажды, въ жаркій августовскій день я стоялъ у окна и смотрѣлъ вдаль. Кромѣ меня и Переля въ комнатѣ никого не было.

Пришелъ Фрицъ и спросилъ, гдѣ лейтенантъ Хановъ.

Мы отвѣтили, что его въ комнатѣ нѣтъ. Фрицъ ушелъ.

Минутъ черезъ десять у бетонной дыры, рядомъ съ нашими уборными, появились нѣмцы и стали лить туда воду изъ громадной пожарной кишки. Я подумалъ, что они промываютъ плохо дѣйствующую сточную трубу, и началъ слѣдить за ихъ работой. Вдругъ изъ трубы показалась мокрая человѣческая голова. Одинъ нѣмецъ ударилъ по ней мѣднымъ наконечникомъ трубы; голова спряталась; черезъ мгновеніе показалась другая — другой ударъ. У меня мелькнула мысль, что находящихся въ этой трубѣ людей нѣмцы хотятъ утопить, какъ мышей. По тѣлу пробѣжалъ холодокъ ужаса, и я потерялъ всякій контроль надъ собой. Высунувшись въ окно, я сталъ что то кричать нѣмцамъ. Къ моимъ крикамъ присоединились крики и свистки другихъ; гулявшіе въ саду останавливались и вопросительно смотрѣли въ окна: оттуда имъ показывали на дыру и нѣмцевъ. Учуявъ, что дѣло нечисто, нѣсколько русскихъ офицеровъ бросились къ нимъ и пытались вырвать кишку. Нѣмцы не давали, на шумъ прибѣжалъ цѣлый отрядъ караульныхъ, съ дежурнымъ офицеромъ во главѣ, и началъ разгонять толпу. Большой, рослый прапорщикъ Идзиковскій съ жаромъ что то объяснялъ щуплому дежурному офицеру, тотъ не слушалъ Идзиковскаго и, держа въ рукахъ громадный револьверъ, поворачивался во всѣ стороны, отыскивая центръ возстанія. Тогда Идзиковскій выхватилъ большой перочинный ножъ и на половину разрѣзалъ кишку. Увидѣвъ это, караульный унтеръ - офицеръ бросился на него; но прапорщикъ Рузскій ловко подставилъ нѣмцу ногу. Нѣмецъ тяжело упалъ на землю, но быстро вскочилъ и, забывъ уже объ Идзиковскомъ, бросился, съ обнаженнымъ палашемъ, за Рузскимъ. Такъ они оба пробѣжали по всему саду. Потомъ Рузскій влетѣлъ въ черепаху; за нимъ, на два корпуса позади, нѣмецъ. Бывшіе въ черепахѣ плѣнные, пропустивъ перваго, сгрудились около второго, спрашивая, что случилось. Этимъ моментомъ воспользовался Рузскій, чтобы черезъ столовую убѣжать къ себѣ въ комнату.

Тѣмъ временемъ Идзиковскій продолжалъ о чемъ то гром-

ко говорить дежурному офицеру; на помощь Идзиковскому явился еще русскій летчикъ. Увидѣвъ противъ себя двухъ здоровенныхъ дѣтинъ, офицеръ направилъ на нихъ свой револьверъ. Но летчикъ, чуть отстранивъ кистью руки дуло маузера, спокойно продолжалъ говорить.

На лицѣ его не было ни вызова, ни страха; тонъ голоса былъ ровный. Это подѣйствовало на лейтенанта, на караульныхъ и на всю толпу. Бывшіе въ ямѣ поручикъ Хановъ и прапорщикъ Гусь воспользовались моментомъ затишья и вылѣзли. Ихъ сейчасъ же окружили нѣмцы и повели на допросъ въ комендатуру, не давъ смѣнить ни бѣлья, ни платья.

Намѣреніе нѣмцевъ залить водой живыхъ людей взволновало весь лагерь, особенно русскихъ. Дѣло на арестѣ поручика Ханова и прапорщика Гуся не кончилось.

Противъ Рузскаго нѣмцы выставили обвиненіе въ неповиновеніи властямъ. Найди они его въ тотъ моментъ — Рузскій немедленно былъ бы отданъ подъ судъ. Но нѣмцы не могли его отыскать. Убѣжавъ отъ унтеръ - офицера, Рузскій разсказалъ въ своей комнатѣ, что съ нимъ произошло. Тотчасъ же были приняты экстренныя мѣры для его спасенія: голову остригли подъ нулевой номеръ, сбрили усы, перемѣнили костюмъ.

На другое утро, послѣ аппеля, насъ не распустили, а заставили построиться въ двѣ шеренги; послѣ этого плѣнныхъ обошелъ гонявшійся за Рузскимъ унтеръ - офицеръ. На колѣнѣ лѣвой штанины еще виднѣлось у него пятно отъ вчерашняго паденія. Онъ шелъ медленно, немного прихрамывая; сбоку шелъ Абтъ съ портфелемъ; сзади за ними двое часовыхъ. Проходя мимо Рузскаго, унтеръ - офицеръ указалъ на его сосѣда, но потомъ, всмотрѣвшись, призналъ свою ошибку.

Такъ виновнаго и не нашли, можетъ быть, потому, что пострадавшій не особенно и искалъ его.

Поручикъ Хановъ и прапорщикъ Гусь, вмѣстѣ съ двумя другими, рѣзавшими пожарную кишку, были отданы подъ судъ. Ихъ продержали нѣсколько времени въ Кассельской тюрьмѣ, а потомъ снова вернули въ лагерь.

Тогда то поручикъ Хановъ и разсказалъ намъ о своихъ

подземныхъ похожденіяхъ. По его словамъ, имъ совсѣмъ не угрожала опасность быть залитыми водой. То, что нѣмцы лили въ трубу, уходило по боковому каналу прямо въ Везеръ. Они же гуляли по трубамъ, которыя шли подъ черепахой въ противоположномъ направленіи. Трубы были такой величины, что они ходили, лишь немного согнувшись. Такъ кончился неудачей ихъ проектъ бѣжать при помощи этой трубы.

Прапорщикъ Кочкуровъ — одинъ изъ преданныхъ суду за пожарный рукавъ, разсказалъ, что въ тюрьмѣ онъ видѣлъ много русскихъ солдатъ. Они ему сообщили, что тамъ есть карцеръ такихъ размѣровъ, что заключенный не можетъ ни встать, ни сѣсть, ни лечь; кромѣ того, имѣется комната, вся въ зеркалахъ. Тотъ, кто попадаетъ туда, долженъ постоянно сидѣть съ закрытыми глазами: иначе, отъ вынужденнаго созерцанія собственнаго отраженія, повтореннаго безконечное множество разъ, люди сходятъ съ ума. Въ эти камеры нѣмцы сажали плѣнныхъ за неповиновеніе, за попытки къ бѣгству.

Все это порождало у плѣнныхъ непримиримую ненависть къ нѣмцамъ и приводило иногда къ непонятнымъ на первый взглядъ поступкамъ. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ въ банѣ кто то изъ плѣнныхъ не только вымылся, но и оставилъ не особенно пріятные слѣды.

Нѣмцы пришли въ ужасъ. Corpus delicti взяли на лопату и потащили къ Абту. Пошло слѣдствіе. Среди вещественныхъ доказательствъ была найдена совсѣмъ непереварившаяся рыбешка. Абтъ, зная какія, приблизительно, комнаты мылись въ часъ преступленія, распорядился произвести въ нихъ обыскъ. Найдена была банка консервовъ такой же рыбы у одного молодого французскаго семинариста. Онъ не сталъ запираться; въ своемъ поступкѣ онъ не видѣлъ ничего особеннаго.

— Вѣдь, это же все нѣмецкое, — говорилъ онъ Саламатину.

Были и другіе факты. Въ 16 году французскіе плѣнные получали много хлѣба изъ Швейцаріи.

Однажды утромъ Григорій докладывалъ Высотскому:

— Французы — народъ особенный; вотъ ужъ кто, мож-

но сказать, ненавидитъ Германію. Теперь, видать, у самихъ нѣмцевъ нехватка хлѣба, такъ они обрѣзки подбираютъ, что французы бросаютъ. Французы замѣтили это и такую штуку стали устраивать: отрѣжутъ кусокъ хлѣба, совсѣмъ хорошій, безъ гнилизны, помочатся на него, извините за выраженіе, и послѣ на открытомъ мѣстѣ положатъ, чтобы нѣмцы забрали...

Григорій утверждалъ еще, что на самыя трудныя и грязныя работы берутъ только русскихъ и англичанъ.

— Французъ дастъ унтеръ - офицеру коробку сардинокъ или чего нибудь подходящаго, ну, тотъ, значитъ, ему поблажку сдѣлаетъ. А русскимъ и давать то нечего; англичанамъ тоже неважно: дастъ онъ, не дастъ, — нѣмецъ все равно ушлетъ его на черную работу.

Черной работой деньщики называли выкачиваніе насосомъ нечистотъ изъ уборныхъ въ ассенизаціонную бочку. Каждый день качали часа по два. Работа эта поднимала неимовѣрное зловоніе, и всѣ деньщики спасались отъ нея, какъ могли. Однажды, гуляя въ саду, я увидѣлъ одного русскаго деньщика на скамейкѣ подъ деревомъ. Къ нему подошелъ другой съ метлой въ рукѣ.

— Ты что-жъ, сегодня не работаешь? — спросилъ солдатъ съ метлой своего товарища.

— Нѣтъ, — кратко отвѣтилъ тотъ.

— Счастливъ, а я только полъ подмелъ, какъ ужъ на помпу иди.

— Да и меня нѣмецъ хотѣлъ запречь, да я не дался.

— Что-жъ ты сдѣлалъ?

— Онъ мнѣ — «на помпу иди», а я ему: «руссишъ пумъ-пумъ, инглишъ пумъ - пумъ, французишъ никсъ пумъ - пумъ. Нихтъ гудъ».

— Ну и нѣмецъ что?

— Да ничего. Пошелъ да взялъ французовъ — они тутъ же въ карты играли.

— Хорошо, ты языкъ знаешь, разговаривать съ ними можешь, — вздохнула метла.

ГЛАВА XIV.

Лѣто 1916 года было богато событіями и надеждами. Нѣмецкія газеты говорили что-то о коварности сѣвернаго медвѣдя, напавшаго на болѣе слабую Австрію; о томъ, что двуединая имперія была и будетъ вѣрной союзницей Германіи, и слухи о какихъ то таинственныхъ сепаратныхъ переговорахъ вѣнскихъ дипломатовъ съ врагами лишены всякаго основанія.

Одно было ясно, что война не кончится такъ скоро.

— Будутъ биться, пока не дойдутъ до ручки, — высказался какъ то Перель послѣ чтенія военнаго сообщенія.

Настроеніе наше перемѣнилось. Изъ весенне - веселаго, увѣреннаго оно стало тоскливымъ, а подчасъ и невыносимымъ.

Однажды утромъ Арцышевичъ, спавшій недалеко отъ меня, сказалъ:

— Я ухожу отъ Васъ, Веньяминъ Валеріановичъ. Меня переводятъ въ другую комнату.

Онъ сталъ собирать свои вещи и укладывать ихъ въ чемоданъ; снялъ со стѣны портретъ своей Шурочки — молодой, красивой дѣвушки, въ рамкѣ его собственной работы, посмотрѣлъ на него и спряталъ поглубже.

— Онъ тамъ помнется или поломается, — замѣтилъ я, припомнивъ, съ какой радостью былъ встрѣченъ когда то этотъ портретъ. Но Арцышевичъ махнулъ только рукой.

— Вѣшать его ужъ не придется. Вчера вечеромъ получилъ отъ нея письмо — недавно замужъ вышла.

Онъ нагнулся надъ чемоданомъ. Я смотрѣлъ на его преждевременно полысѣвшую голову и думалъ, что ему еще нѣтъ и 27 лѣтъ. Когда онъ выпрямился, алая капля блестѣла въ углу рта. Онъ вытеръ ее платкомъ и показалъ мнѣ кровавую полоску.

— Видите?

Я кивнулъ головой.

— Помните, какъ меня артиллеристъ ударилъ? Теперь у меня порокъ сердца, и кровь горломъ идетъ. Я уже давно чувствовалъ, что боленъ, и писалъ ей, что она свободна и пусть не ждетъ меня. Вотъ она и вышла замужъ.

На новомъ мѣстѣ карточки ея Арцышевичъ уже не повѣсилъ.

Послѣ его ухода я часто думалъ о немъ, объ его тихомъ, нѣжномъ, но не понадобившемся Шурочкѣ, чувствѣ. Исторія съ Шурочкой не была единственной въ этомъ родѣ.

Однажды, я зашелъ къ русскому доктору, на короткое время переведенному въ нашъ лагерь. Онъ ожидалъ, когда нѣмцы отправятъ его куда нибудь на тифъ. Слѣдомъ за мной бурей влетѣлъ капитанъ Сененко, попавшій въ плѣнъ въ концѣ 1914 года. Капитанъ былъ кряжистый мужчина, съ легкими рябинками на продолговатомъ лицѣ.

— Докторъ, — обратился капитанъ такимъ голосомъ, словно ему не хватало дыханія: — скажите, на сколько времени можетъ затянуться беременность?

— Въ чемъ дѣло, я не совсѣмъ васъ понимаю? — сказалъ докторъ.

Капитанъ махнулъ рукой, въ которой было зажато скомканное письмо.

— Вы знаете, я поѣхалъ на войну, какъ только она была объявлена; съ той поры я и не видалъ своей жены. И вотъ только что я получилъ письмо, гдѣ меня поздравляютъ съ новорожденнымъ!

Докторъ неувѣренно началъ что то говорить о чудесахъ природы, но капитанъ прервалъ его:

— Довольно, не утѣшайте, я и самъ все понимаю... — и, не кончивъ, заплакалъ — сухо, коротко, съ гримасами.

Докторъ разстегнулъ ему воротъ рубашки. Немного ниже сердца, вмѣсто вырваннаго пулей ребра, была тонкая, красная пленочка; она сильно поднималась и спадала при дыханіи.

Было страшно на нее смотрѣть: казалось, вотъ - вотъ порвется эта тонкая преграда, и хлынетъ кровь...

А онъ-то мечталъ, что, уйдя послѣ войны со службы, какъ инвалидъ, онъ купитъ клочекъ земли и займется образцовымъ куроводствомъ. Но пришелъ листокъ бумаги изъ Россіи и развѣялъ всѣ капитанскія мечты.

Этотъ случай сдѣлался извѣстнымъ всему лагерю.

— Дюже плохо то, Ваше Благородіе, — разсуждалъ Григорій, — что тутъ дѣться-то некуда въ лагерѣ. Что тамъ баба согрѣшила, дѣло житейское, всяко бываетъ. По мирному времени, мужъ-то ее, ну, за волосья оттаскалъ бы, или на богомолье пошелъ бы, въ пустынь какую. Смотришь — и полегчало. А тутъ всѣ знаютъ, какое дѣло у капитана случилось, а схорониться ему никуда нельзя, у всѣхъ людей на глазахъ. Носи все на сердцѣ, тягостно это...

Одинъ разъ къ доктору заявился поручикъ, съ измученнымъ, нервнымъ лицомъ, словно осѣвшій и преждевременно постарѣвшій.

— Докторъ, что дѣлать мнѣ?

— А что съ вами?

— Да вотъ посмотрите...

И, снявъ рубашку и бинты, онъ показалъ невѣроятной величины чирьи, сидѣвшіе повсюду: на спинѣ, на груди, по бокамъ.

— Замучили они меня, — жаловался офицеръ: — одинъ проходитъ, — два новыхъ появляются. Цѣлыя ночи не сплю, лежать невозможно, особенно, когда нарывать станетъ. Самъ противенъ себѣ, — вездѣ гной, все присыхаетъ, болитъ.

— А у лагернаго врача были? — спросилъ докторъ.

— Былъ, да что-же, онъ рѣжетъ, гдѣ можно, да перевязываетъ. Не помогаетъ, третій мѣсяцъ хожу къ нему. И откуда на меня такая напасть, сифилиса у меня не было, родители — здоровые, — жаловался несчастный поручикъ.

— А какъ вы питаетесь? — спросилъ докторъ.

— Всегда голоденъ.

И такихъ заболѣваній, на почвѣ хроническаго недсѣданія, въ лагерѣ было немало.

— А меня сегодня ночью къ больному вызывали, — сказалъ мнѣ однажды утромъ этотъ же докторъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Легъ я уже спать, дремать началъ, горшки съ гречневой кашей начали мерещиться, какъ вдругъ прибѣгаютъ изъ одной комнаты, сію же минуту притти просятъ. Прибѣ-

жалъ. Вижу — держатъ прапорщика одного: вечеромъ, какъ огни потушили, сталъ онъ бросаться, хотѣлъ въ окно вылѣзть, голову разбить. Нѣсколько часовъ около него провозился. Пришлось связать, нѣмцевъ разбудить, чтобы въ околоткѣ морфію достать и вспрыснуть. Сегодня рано его въ госпиталь забрали. А жалко парнишку: совсѣмъ молоденькій и хрупкій такой; товарищи передавали, что въ обыкновенномъ состояніи онъ очень тихій, добрый и симпатичный человѣкъ. Вѣроятно, припадокъ-то случился у него отъ голода, на почвѣ остраго малокровія мозга.

— А какъ фамилія больного? — спросилъ я.

— Леонтьевъ. Вы его знали?

— Какъ же, мы съ нимъ вмѣстѣ подъ арестомъ сидѣли...

Послѣ минутнаго молчанія докторъ продолжалъ:

— Знаете, большинство плѣнныхъ — люди очень больные. Первое мое назначеніе было въ солдатскій лагерь — бороться съ тифомъ. Кромѣ меня, въ этомъ же лагерѣ работало нѣсколько нѣмецкихъ врачей. Тифа то, какъ говорили они, въ лагерѣ, пожалуй, и не было. Люди мерли просто отъ голода. Противъ него лишь одно лѣкарство — хлѣбъ да каша. Но ихъ то и не имѣлось. И вотъ въ этомъ лагерѣ въ первый разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ особой категоріей больныхъ. Придетъ какая нибудь борода, на видъ здоровѣе, чѣмъ остальные. И жалуется — и тамъ у него болитъ, и здѣсь; то безсонница, то сны страшные; одному къ сердцу подкатываетъ, у другого съ ногами что то дѣлается, у третьяго — просто мочи нѣтъ терпѣть. И душевное состояніе — ужасное: говорить начнетъ — заикается, вотъ-вотъ расплачется, руки дрожатъ, возбудимость самая легкая. Начнешь выслушивать — ничего, какъ будто, нѣтъ.

Обратился я къ нѣмецкимъ коллегамъ, что это, по ихъ мнѣнію, а они улыбаются: — «Мы называемъ это явленіе — Stacheldrahtsneurose. Это — ничего, это почти у всѣхъ плѣнныхъ наблюдается».

Они правы, этотъ «неврозъ колючей проволоки», въ большей или меньшей степени, у всѣхъ плѣнныхъ имѣется, но эта штука не такая безобидная, какъ они думаютъ. Такъ вотъ и съ

Леонтьевымъ было: плѣнъ заѣлъ, колючая проволока всѣ нервы исцарапала.

И, когда я слушалъ доктора, мнѣ казалось, что земля въ своемъ пробѣгѣ черезъ міровое пространство попала въ злое, заколдованное мѣсто.

— Не могу понять, что со мной дѣлается: внутри какъ будто погребъ появился. И не зябну особенно, а чувствую, что кишки холодныя, словно онѣ въ мерзломъ болотѣ лежатъ, — говорилъ однажды утромъ Сабанѣевъ.

— У васъ всегда не слава Богу... — шутилъ Перель, подманивая ногой второй сапогъ.

Но я понималъ, о чемъ говорилъ Сабанѣевъ: временами и у меня неожиданно появлялось ощущеніе внутренняго холода; казалось, что въ организмѣ отмерло что то живое и теплое, оставивъ послѣ себя пустое, холодное и сырое пространство, неспособное прогрѣться тепломъ всего остального тѣла.

— Просто вы оба отощали, вамъ бы теперь обоимъ сала, да хлѣба, да каши, и мнѣ за компанію, — сказалъ Высотскій: — бросьте вы ваши книги, да идите въ садъ и грѣйтесь на солнцѣ...

Погода, дѣйствительно, была великолѣпная, и я часто выходилъ во дворъ, на солнце.

Сидя на припекѣ, я жмурилъ глаза и отдавался ощущенію полнаго покоя и полудремоты. Солнце пріятно грѣло лицо, и, сквозь закрытыя вѣки, казалось розовымъ, безконечнымъ ковромъ; въ коверъ вплетались золотистыя нити, летали блестящія разноцвѣтныя точки, неожиданно появлялись изъ глубины затуманеннаго сознанія легкія, свѣтлыя видѣнія.

— Ваше Благородіе, разрѣшите присѣсть около васъ, — раздался, однажды, чей то голосъ.

Я открылъ глаза; возлѣ меня стоялъ русскій солдатъ, недавно переведенный къ намъ изъ Касселя.

— Дремали, разбудилъ я Васъ, должно быть?

— Нѣтъ, ничего, — и, подвинувшись, я пригласилъ его сѣсть.

Наружностью мой сосѣдъ походилъ на стародревняго рус-

скаго крестьянина. Его спина и плечи поразили меня своей величиной и массивностью. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова богатырь, потомокъ Микулы Селяниновича, который земную тягу себѣ въ сумочку положилъ. Такіе люди пашутъ лѣтъ до восьмидесяти, потомъ скотину пасутъ, а, когда имъ стукнетъ сотня — надѣваютъ чистую рубаху и ложатся подъ образа умирать.

Богатырь сѣлъ рядомъ со мной и подставилъ лицо подъ солнце; и тутъ только я замѣтилъ, что онъ весь трясся, словно это былъ не человѣкъ, а студень.

— Откуда, дядя? — спросилъ я его.

— Пермскіе мы, изъ Пермской губерніи будемъ.

— Оно и видно. Ужъ больно здоровый народъ среди вашихъ встрѣчается.

— На томъ стоимъ, Ваше Благородіе; другіе то насъ за нашъ видъ и крѣпость лѣшими прозываютъ. Да, что говорить о томъ, что было. И здоровье и силушка — все ушло: горе да болѣзнь остались.

— Раненъ былъ, дядя, что-ли?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, здоровымъ попался. Только не знаю, на лучше или хуже это обернулось. Какъ попалъ въ лагерь, тифъ схватилъ, а потомъ воспаленніе въ легкихъ, — ну, выжилъ, однако. Силы то поубавилось. Потомъ приходитъ въ комендатуру нашу требованіе — отправить 1000 рабочихъ на французскій фронтъ. Стали выбирать, — кто покрѣпче, да поздоровѣе, того и записывали. И меня съ другими записали. Разбили насъ на рабочія роты, надзирателей приставили и къ Вердену повезли желѣзныя дороги строить. Много тамъ нѣмцы чего понастроили. Заставили насъ рельсы таскать. Но плѣнные народъ тощой — схватятъ рельсину щипцами человѣкъ двадцать пять, да упустятъ ее. Какъ она упадетъ — такъ нѣсколькимъ ноги переломаетъ, а то и на смерть зашибетъ. Нѣмцы такихъ на рогожу, да и вонъ. И работали мы съ утра до вечера, а иногда и до ночи поздней. Поднимутъ насъ рано утромъ, дадутъ по кружкѣ кофэ, да по краюшечкѣ хлѣба и маршъ на работу. Въ полдень перерывъ на обѣдъ былъ; да-

вали по кружкѣ хлебова горячаго и хлѣба кусочекъ, а, вмѣсто ужина, въ бараки спать загоняли. Голодно было. Когда мы пріѣхали, собакъ вездѣ вокругъ много было; а потомъ, какъ пожили мы тамъ съ мѣсяцъ, ни одной, кажись, не осталось: всѣхъ переѣли; заманимъ пса къ себѣ, убьемъ, шкуру закопаемъ, а мясо сваримъ.

Невкусное оно, такъ мы туда травъ разныхъ клали.

Много пришлось пережить. И отъ аэропланов французскихъ пришлось натерпѣться не мало. Одинъ разъ поблизости англійскій аэропланъ спустился. Нѣмцы обрадовались, побѣжали къ нему. А летчики, значитъ, выждали, подпустили поближе, да изъ пулемета шарахнули. Нѣсколько человѣкъ убили. Нѣмцы въ сторону. Аппаратъ поднялся и улетѣлъ. Такъ за то, что мы аэроплана не задержали, нѣмцы четверыхъ изъ нашихъ такъ саданули, что тѣ душу Богу отдали. Не жизнь, а мука была. Взглянешь иной разъ на солнышко, такъ и не знаешь, куда Богъ, куда добрые люди подѣвались. И маялись мы подъ Верденомъ три мѣсяца.

Потомъ, видно, и сами нѣмцы спохватились: изъ 1000 человѣкъ — сотни двѣ осталось. Какъ пріѣхали, то насъ въ 4 баракахъ держали, а, напослѣдокъ, всѣхъ въ одинъ свели Остальныхъ то умучали. На четвертый мѣсяцъ всѣхъ оставшихся кого снова въ лагерь отправили, кого въ госпиталь, а я въ Бельгію попалъ. Заставили насъ тамъ фабрики обдирать. Станки, машины, ремни приводные, желѣзо съ крышъ — все забирали. Послѣ нѣмцевъ, какъ послѣ саранчи, — ничего не остается. Диваны изъ домовъ, картины, — ничѣмъ не брезговали. Съ однихъ воротъ даже рѣшетку заставили снять: красивая такая была, кованая, въ цвѣточки, золоченая. Громоотводы, и тѣ не были забыты: наконечники платиновые у нихъ — тащи, значитъ, въ Германію. То-есть такъ ободрали Бельгію, что и повѣрить нельзя. Лейтенантъ, что нами командовалъ, въ одномъ домѣ обои со стѣны приказалъ содрать, скатать и на поѣздъ отправить.

Въ Бельгіи я и захворалъ. Смутно какъ то стало, ѣсть не тянуло, шумы въ головѣ пошли; часомъ трудно разобрать было,

гдѣ явь, гдѣ не-явь. Посмотрѣлъ меня докторъ нѣмецкій и въ лагерь отправилъ, а оттуда я въ госпиталь попалъ. Провалялся я съ мѣсяцъ, тамъ — въ Кассель, а изъ Касселя — сюда, въ деньщики. Только ужъ не работникъ я больше. И не болитъ ничего, а въ середкѣ то вотъ въ самой, словно, испорчено что. Одинъ день повожусь съ метлой, на другой день къ здѣшнему доктору иду: тотъ мнѣ всегда ужъ освобожденіе даетъ, понимаетъ мое положеніе. Но только-жъ за меня товарищи должны работать, а мнѣ совѣстно. Выйду на солнышко, сижу, да о женѣ, ребятахъ думаю. Четверо ихъ у меня, старшому 17 лѣтъ будетъ. До войны то мы жили ничего, слава Богу: и пашня была, и пасѣка большая, все было.

Чувствую — здѣсь умирать придется, а не хочется въ эту землю ложиться. Чужая она. Такъ бы еще хотѣлось на родныя мѣста взглянуть, на нашу церковь перекреститься, дѣтокъ поглядѣть, жену побаловать...

Тѣнь отъ дерева передвинулась и легла на насъ. Деньщикъ сразу съежился.

— Домой пора, — сказалъ онъ, — какъ солнышка нѣтъ, такъ я никакъ согрѣться не могу. Счастливо оставаться, Ваше Благородіе.

Я пожалъ ему руку, и солдатъ, трясясь, направился къ зданію.

Въ концѣ іюля Берестовъ попросилъ, однажды, Григорія купить въ кантинѣ сахару. Григорій взялъ деньги и пошелъ внизъ, но черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился съ пустыми руками и заявилъ:

— Капутъ сахаръ; нѣтъ его и не будетъ больше...

Эта новость была для насъ очень непріятной. Если мы еще до сихъ поръ кое какъ перебивались, то именно благодаря сладкому чаю. И, только лишившись сахару, мы увидѣли, какимъ онъ являлся важнымъ питательнымъ средствомъ для насъ. Правда, начали продавать сахаринъ, но это было совсѣмъ не то. Онъ давалъ странный привкусъ пустой аптечной сладости, въ которой все же было что то горькое. Послѣ чая съ сахариномъ, желудокъ продолжалъ оставаться голоднымъ, словно пу-

стымъ; во рту и на губахъ появлялась пленка тошнотворнаго вкуса; надо было непремѣнно споласкивать ротъ. Много опытовъ продѣлывали мы съ сахариномъ: пробовали класть его прямо въ чай, дѣлали крѣпкій растворъ изъ нѣсколькихъ таблетокъ и имъ сдабривали чай, но безъ успѣха. Особенно старался Высотскій, но и онъ, въ концѣ концовъ, сдался:

— Или съ сахаромъ, или безъ ничего.

И большинство плѣнныхъ пришло къ такому же выводу.

Отсутствіе сахара сказалось на мнѣ чувствомъ смутной неловкости: гдѣ-то чего-то недостовало, но чего, именно, я не могъ ясно опредѣлить. Потихоньку, какъ телеграфная проволока, загудѣли нервы — они просили сахару. Я чувствовалъ, какъ въ тѣлѣ уменьшаются запасы нервной силы. Воля и дѣятельность утонули въ органическихъ переживаніяхъ. Стремленіе удовлетворить требованія своего тѣла, или, по крайней мѣрѣ, перестать чувствовать ихъ — стало правиломъ поведенія. Оно сказывалось на всемъ настроеніи, всякая мысль была связана съ нимъ. Я упрекалъ себя, что не сдѣлалъ запасовъ, когда это было возможно. Представлялъ себя иногда бакалейнымъ торговцемъ и рисовалъ въ своемъ воображеніи цѣлые ряды сахарныхъ головъ и мѣшки, полные сахарнаго песку.

Къ довершенію всѣхъ невзгодъ, меня стала серьезно безпокоить раненая правая рука. Она не переставала болѣть, и, съ теченіемъ времени, боли лишь усиливались; появилась опухоль, достигшая въ августѣ размѣровъ средняго яблока. Она сидѣла глубоко, не имѣла рѣзкихъ границъ, и, при легкомъ нажатіи на нее, ощущалась острая боль, какъ будто меня кололи длинной иглой.

Движенія стали ограниченными, и, если кто нибудь, по незнанію, задѣвалъ больное мѣсто, у меня захватывало духъ отъ невыносимой боли. Нѣсколько разъ я былъ у нѣмецкаго врача; онъ предлагалъ операцію, я отказывался, думая, что ее лучше будетъ сдѣлать въ Россіи. Но, потерявъ, въ концѣ концовъ, надежду на скорое возвращеніе, я сталъ подумывать, не согласиться ли на его предложеніе.

Все-таки, прежде, чѣмъ пойти въ госпиталь, я обратился

къ одному русскому врачу, случайно оказавшемуся въ лагерѣ.

— Къ сожалѣнію, я акушеръ, — сказалъ онъ, но руку осмотрѣлъ внимательно.

— Затрудняюсь сказать, что это, — заговорилъ онъ послѣ осмотра: — рука на ощупь горячая, въ больномъ мѣстѣ ясно слышна пульсація. Можетъ быть, это аневризма, но боюсь утверждать что либо навѣрное. Тутъ есть еще другой докторъ, полякъ; если не ошибаюсь, онъ хирургъ спеціалистъ.

Пошли къ этому хирургу. Онъ жилъ вмѣстѣ съ офицерами - поляками.

Въ комнатѣ, куда мы пришли, за столомъ сидѣлъ и раскладывалъ пасьянсъ человѣкъ въ докторскихъ погонахъ. У него былъ сѣрый цвѣтъ лица и дряблыя, отвислыя щеки; мутные глаза были безъ всякаго выраженія; на головѣ просвѣчивала старательно зачесанная лысина, на лицѣ, на шеѣ и на рукахъ виднѣлись бѣлесоватыя пятнышки, словно выѣденныя молью.

— Докторъ Свенцкій, — обратился къ нему мой провожатый, я привелъ къ вамъ больного; случай, кажется, интересный: у него на рукѣ имѣется опухоль, и въ ней ясно прощупывается пульсація...

Но докторъ Свенцкій только взглянулъ на насъ своими водянистыми глазами и не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ отвѣтъ; взявъ колоду картъ, онъ сталъ тасовать ее, сдувая муху, садившуюся ему на руку. Мы постояли и вышли.

ГЛАВА XV.

Выхода для меня не было, и я согласился на операцію: пришлось подождать нѣсколько дней, пока въ госпиталѣ не освободится мѣсто. Когда я сидѣлъ однажды послѣ обѣда за столикомъ и читалъ Киплинга, въ комнату пришелъ русскій солдатикъ, прислуживавшій въ околоткѣ, и сказалъ:

— Собирайтесь въ госпиталь, Ваше Благородіе.

Сборы мои были недолги. Попрощался со знакомыми,

связалъ въ узелокъ кипку книгъ, накинулъ шинель, сунулъ въ карманъ нѣсколько плитокъ шеколада, подаренныхъ на прощанье друзьями, и все.

Въ госпиталь меня провожалъ конвойный. Мы шли пѣшкомъ. Всюду краснѣли яблоки, висѣли груши, вился горохъ. У дороги еще цвѣла ромашка; я сорвалъ одинъ цвѣтокъ. До госпиталя было минутъ 20 ходьбы.

Онъ помѣщался на откосѣ горы и состоялъ изъ нѣсколькихъ двухъэтажныхъ павильоновъ, расположенныхъ въ прекрасномъ паркѣ, среди цѣлаго моря зелени. Выдавались отдѣльныя сосны съ блестящей корой, темныя ели, клены съ золотыми листьями.

Весь госпиталь былъ обнесенъ чугунной рѣшеткой на каменномъ фундаментѣ. Ворота были закрыты, и моему конвойному пришлось позвонить. Вышелъ откуда то нѣмецъ въ круглой солдатской шапочкѣ и открылъ калитку. Мы вошли и направились къ ближайшему павильону; это былъ небольшой бѣленькій домикъ, заросшій плющемъ и виноградомъ. Густая трава на лужайкѣ была низко подстрижена; всѣ дорожки — выровнены и посыпаны гравіемъ. По лѣстницѣ мы поднялись въ первый этажъ. Служитель съ другого конца коридора увидѣлъ насъ и поспѣшилъ навстрѣчу. Втроемъ мы вошли въ ближайшую палату.

Въ ней никого не было. У одной стѣны стоялъ небольшой столъ, на немъ была сложена стопкой эмалированная посуда; изъ большой кружки на самомъ верху торчали ножъ, вилка и большая ложка, вдоль другой стѣны помѣщались двѣ кровати; ближайшая къ окну была, видимо, занята; другая свободная — застлана свѣжимъ бѣльемъ.

Изъ окна открывался прекрасный видъ. Долина и горы тонули въ зелени. Въ самомъ низу текла Фульда. Берега совершенно скрывали ее, и отъ шедшаго внизъ парохода виднѣлась только черная, дымившаяся труба. Она то приближалась, то удалялась, забирала вправо и влѣво, слѣдуя изгибамъ рѣки.

Несмотря на свѣжую зелень, въ воздухѣ уже плавали

прохладныя струйки: чувствовалось приближеніе осени. Служитель сказалъ что то конвойному и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся; вмѣстѣ съ нимъ пришелъ высокій, пожилой фельдфебель съ маленькимъ краснымъ крестикомъ на рукавѣ.

Мой коновйный подалъ ему какую-то бумажку. Онъ прочиталъ ее, поглаживая окладистую бороду, черкнулъ на ней что-то химическимъ карандашемъ и отпустилъ конвойнаго. Тотъ повернулся и, стуча сапогами, вышелъ изъ комнаты.

— Bitte, setzen Sie sich, сказалъ онъ негромко. Я сѣлъ, сѣлъ и фельдфебель.

Расположивъ въ порядкѣ на столѣ принесенные съ собой листки и книги, онъ началъ вписывать меня по всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства.

Наконецъ онъ кончилъ и сказалъ, что завтра утромъ меня осмотритъ старшій докторъ. Служитель принесъ халатъ, бѣлье и туфли. Мнѣ оставили шинель и папаху. Китель, сапоги и все остальное сложили въ мѣшокъ, завязали, привѣсили ярлыкъ съ моей фамиліей и унесли въ цейхгаузъ.

— Вотъ ваше мѣсто, сказалъ фельфебель, указывая на свѣжезастланную кровать. Съ завтрашняго дня вы будете получать среднюю порцію; и, пожелавъ мнѣ добраго вечера, онъ ушелъ.

Я остался одинъ въ комнатѣ и осмотрѣлся вокругъ. На вѣшалкѣ висѣла французская шинель моего новаго сожителя; подъ его кроватью виднѣлись жестяные ящики изъ подъ бисквитовъ, на ночномъ столикѣ стояла полузакрытая жестяная коробка съ фруктовыми консервами.

Вышелъ въ корридоръ. Изъ сосѣдней палаты доносилась французская рѣчь. Пройдя по корридору, я выглянулъ въ окно. деревья, чистый дворъ, скамейки, раненые нѣмцы въ халатахъ и круглыхъ Mütze на головахъ. Я вернулся къ себѣ и сталъ разбирать книги.

Черезъ полчаса подъ окномъ послышались шаги, и черезъ минуту въ комнату вошелъ французскій офицеръ, въ сопровожденіи русскаго полковника. Француза я видѣлъ въ первый

разъ, полковника же зналъ еще по лагерю. Увидѣвъ меня, полковникъ обрадовался:

— Слава Богу, хоть одинъ свой появился, а то я ужъ русскія слова началъ забывать: все время либо по-французски, либо по-нѣмецки лопочешь...

Полковникъ познакомилъ меня съ французскимъ офицеромъ. Это былъ sous-lieutenant, Mr Richard, раненый и взятый въ плѣнъ подъ Верденомъ. Mr Richard, захвативъ ложку и мисочку, пошелъ ужинать къ своимъ. Мы разговорились съ полковникомъ. Онъ уже лежалъ въ госпиталѣ третій мѣсяцъ, лечась отъ упорной экземы. Его очень интересовало, что дѣлается въ лагерѣ. Я разсказалъ и посовѣтовалъ ему не торопиться выходить отсюда. Полковникъ, въ свою очередь, познакомилъ меня съ больничными порядками.

— Плѣнныхъ въ госпиталѣ — четверо французовъ и насъ двое. Я помѣщаюсь отдѣльно, въ самой маленькой палатѣ. Кормятъ три раза въ день, и даютъ то же, что и своимъ. Служитель нашъ называется Кантомъ. Фельдфебеля, который васъ принималъ, зовутъ Herr Шефферъ. Онъ ведетъ канцелярію и помогаетъ при операціяхъ...

Полковникъ ушелъ. Въ сумеркахъ появился Кантъ и зажегъ газъ. Мы немного поговорили. Оказалось, что Кантъ самъ недавно вышелъ изъ лазарета: осколокъ гранаты, величиной съ маковое зернышко, попалъ ему въ глазъ и заставилъ его пролежать четыре мѣсяца въ одномъ изъ Вюрцбургскихъ госпиталей. Оттуда Кантъ вышелъ съ чистой отставкой и стекляннымъ глазомъ. Отношеніе его къ войнѣ было явно отрицательное.

— Это только большіе капиталисты воюютъ, — заявилъ онъ, — а народу война не нужна.

Изложивъ свои политическіе взгляды, онъ выхватилъ изъ кармана халата тряпку и исчезъ.

Вскорѣ пришелъ Mr Richard. Мы заговорили. Онъ былъ взятъ еще въ маѣ съ тяжелой раной лѣвой руки, нѣсколько разъ ему дѣлали операцію, но рана упорно не заживала. По профессіи онъ былъ учитель и на войну попалъ изъ запаса.

Изъ взятой имъ со столика книги упали на полъ двѣ карточки; на одной была снята молодая, красивая женщина, а на другой — двое очаровательныхъ дѣтей. Это была его семья.

Въ девять часовъ снова пришелъ Кантъ и погасилъ свѣтъ. На новомъ мѣстѣ я быстро заснулъ.

Рано утромъ, когда мы еще лежали, съ шумомъ отворилась дверь: явился неизмѣнный Кантъ и поставилъ на мой столикъ кружку кофэ съ молокомъ, двѣ бѣлыя небольшія булочки, кусочекъ масла и немного сахару. Давно я ужъ не видалъ и не ѣлъ такихъ деликатесовъ.

Затѣмъ началась уборка, а послѣ нея пришелъ Herr Шефферъ съ термометромъ и температурнымъ листкомъ. Пока я держалъ градусникъ, Herr Шефферъ разговаривалъ съ Mr Richard'омъ. Изъ ихъ разговора я узналъ, что французъ ходитъ на перевязки черезъ два дня въ третій, рана его очищается, и дѣло идетъ къ выздоровленію.

Моя температура оказалась нормальной, и Herr Шэфферъ пошелъ дальше, попросивъ меня никуда не выходить до визита старшаго доктора.

Въ половинѣ десятаго небольшой красный автомобиль остановился у воротъ госпиталя.

Изъ автомобиля вышелъ пожилой, средняго роста человѣкъ, въ сѣромъ костюмѣ, съ просѣдью въ волосахъ и небольшой бородкой. Это и былъ старшій докторъ. Кромѣ того, у насъ въ лагерѣ онъ исполнялъ обязанности оффиціальнаго нѣмецкаго врача.

У него всегда было озабоченное, но пріятное выраженіе лица.

Докторъ еще разъ осмотрѣлъ мою руку и назначилъ операцію на 2-ое сентября.

Пока же, я былъ предоставленъ самому себѣ. Не считая сегодняшняго дня, въ моемъ распоряженіи было цѣлыхъ три дня.

Радостный я выскочилъ во дворъ и пошелъ бродить по дорожкамъ. Въ самомъ концѣ парка стоялъ павильонъ съ прекрасной террасой. Вокругъ росли смолистыя сосны, на клум-

бахъ цвѣли бѣлыя и алыя розы; наверху шумѣло воздушное море. На террасѣ, укутавшись въ одѣяла, лежали на креслахъ больные. У нѣкоторыхъ былъ прекрасный цвѣтъ лица.

— Кто тутъ? — спросилъ я у полковника, сидѣвшаго по близости на лавочкѣ.

— А здѣсь туберкулезные и отравленные газами, — отвѣтилъ тотъ: — самое скверное мѣсто въ госпиталѣ, отсюда чаще всего на кладбище возятъ.

— Вы теперь имѣете камрада, Оберстъ, — обратился къ полковнику передвигавшійся на костыляхъ краснощекій нѣмецъ: — будетъ съ кѣмъ поговорить.

Въ полдень принесли обѣдъ. Я получилъ кусокъ мяса съ картофелемъ и компотъ. Хлѣбъ, по совѣту Mr Richard'a, я раздѣлилъ на двѣ части: одну съѣлъ за обѣдомъ, а другую оставилъ къ ужину.

Послѣ обѣда я засѣлъ за газеты; это былъ какъ разъ готъ моментъ, когда ожидали выступленія Румыніи. Всѣ передовицы были посвящены почти ей одной; много писали о природныхъ богатствахъ страны, о населеніи, о румынской арміи. Кончилось чтеніе тѣмъ, что я заснулъ. Разбудилъ меня Кангъ, принеся въ три часа кружку кофэ. Я выпилъ ее съ половиной оставшагося хлѣба, а другую припряталъ на ужинъ. Послѣ кофэ я вышелъ снова.

Возвращаясь съ прогулки, я обратилъ вниманіе на небольшое зданіе, стоявшее особнякомъ у воротъ. На одной сторонѣ было написано: «Eingang», на другой — «Ausgang»; обходя зданіе вокругъ у стѣны, около забора, я увидѣлъ десятка два простыхъ черныхъ крестовъ. На верхней части бѣлой масляной краской уже было написано: «Hier ruht»... Оставалось только добавить Name и Regiment. Тутъ же, подъ навѣсомъ, на верстакѣ, пожилой столяръ дѣлалъ новый крестъ, отмѣчая карандашомъ части для выемки. Я догадался, что это зданіе — мертвецкая.

Мнѣ стало непріятно. По тѣлу прошелъ холодокъ, сразу выцвѣли всѣ краски; стало тоскливо, безпокойно заметалась душа. Я пошелъ къ себѣ и легъ.

Перваго сентября вечеромъ меня остановилъ, спускаясь сверху, Шефферъ и сказалъ:

— Завтра утромъ ваша операція, не ѣшьте, чтобы не тошнило во время наркоза.

Пришло утро. Я ничего не ѣлъ, да мнѣ и не хотѣлось ѣсть. Усѣвшись на окнѣ въ корридорѣ, я сторожилъ доктора. Появился онъ, потомъ его ассистентъ, толстенькій, какъ огурчикъ, военный врачъ. Минутъ черезъ десять пришелъ Капъ.

— Lieutenant, bitte.

Я пошелъ въ операціонную. Она помѣщалась въ сосѣднемъ павильонѣ. Дворъ, лѣстница, корридоръ — были пройдены; я очутился передъ большой, бѣлой дверью. Нѣсколько нѣмцевъ и я со смятенной душой толкались передъ ней.

Прошло нѣсколько минутъ. Неожиданно растворились обѣ половинки двери, и изъ операціонной вынесли на носилкахъ блѣднаго, еще спавшаго больного. До меня донесся тонкій, холодный запахъ эфира. Затѣмъ въ дверяхъ показался Шефферъ:

— Кто слѣдующій? — спросилъ онъ.

Всѣ молчали.

— Кто хочетъ первымъ?

Я выступилъ впередъ.

Съ бьющимся сердцемъ я вошелъ въ операціонную. Кто то заперъ за мной дверь. Въ помѣщеніи была масса свѣта: стѣны и потолокъ были стеклянные. Въ углу, на газѣ, кипятились инструменты. Докторъ и ассистентъ мыли руки, одинъ служитель приготовлялъ операціонный столъ, другой смывалъ кровь на полу. Потомъ докторъ обернулся ко мнѣ. Мы поздоровались.

— Bitte, — сказалъ онъ и указалъ глазами на столъ.

Я скинулъ рубашку и полѣзъ; столъ былъ высокій, кто то опустилъ подножку, я взобрался и сѣлъ, потомъ легъ. Двое санитаровъ стали у головы, одинъ у ногъ. Подошелъ ассистентъ съ трубкой и выслушалъ легкія и сердце.

— Хорошо, выдержитъ, — сказалъ онъ старшему доктору.

— Maske! — крикнулъ тотъ. Мнѣ набросили на лицо че-

холъ изъ марли. Онъ сильно пахъ эфиромъ и еще чѣмъ то удушливымъ, тяжелымъ. Отъ этого запаха у меня сразу зазвенѣло въ ушахъ. Помня наставленія, данныя мнѣ въ лагерѣ другими плѣнными, я старался дышать возможно глубже, чтобы скорѣе вызвать сонъ. Но уже послѣ второго вдыханія я почувствовалъ удушіе и забился подъ маской. Сдѣлавъ усилье, я вырвался и сбросилъ маску.

— Что вы дѣлаете! — закричалъ докторъ, лежите смирно, тогда скорѣе заснете и не почувствуете, какъ сдѣлаютъ операцію.

— Не могу, — отвѣтилъ я, оперируйте меня лучше безъ наркоза.

Сперва онъ не хотѣлъ.

— Это будетъ больно, не выдержите.

— Ничего, выдержу.

Наконецъ, докторъ уступилъ.

— Повернитесь на бокъ и поднимите руку, — сказалъ онъ.

Я поднялъ руку; одинъ изъ санитаровъ помогалъ мнѣ удерживать ее. Затѣмъ, гуттаперчевой лентой руку обернули отъ кончиковъ пальцевъ до самой подмышки, а самую подмышку черезъ плечо туго перетянули резиновымъ жгутомъ. Послѣ этого ленту сняли; рука поблѣднѣла и онѣмѣла. Докторъ намазалъ іодомъ оперируемое мѣсто.

Операція началась; я отвернулся въ сторону. Что то тонкое и острое врѣзалось въ руку. Горячая полоска побѣжала внизъ; иногда на бокъ попадали отдѣльныя капли и обжигали кожу. Я чувствовалъ, какъ забираются понемногу вглубь. Иногда получалось ощущеніе остраго нажима на что то твердое; боль отдавалась по всему тѣлу, и въ тотъ же моментъ слышался лязгъ ножницъ. Но главная боль была въ подмышкѣ, въ той точкѣ, гдѣ жгутъ останавливалъ кровяную волну. Незамѣтная въ началѣ, боль въ подмышкѣ быстро наростала, приближаясь къ предѣламъ моего терпѣнія.

Холодный потъ выступилъ мелкими точками. Все тѣло начало трястись. Неожиданно я почувствовалъ на лицѣ теплыя

капли. Я поднялъ глаза кверху: у одного изъ санитаровъ катились слезы и падали на меня. Отъ невыносимой боли я слегка застоналъ.

Ассистентъ подошелъ ко мнѣ и показалъ мнѣ губчатую массу, сѣроватаго цвѣта, величиной съ яблоко.

— Вотъ, что вынули у васъ.

Наконецъ, рана была зашита, забинтована, и стали развязывать жгутъ. Какъ только его удалили — боль сразу прекратилась; я почувствовалъ большое облегченіе.

Мнѣ помогли одѣться, уложили руку въ косынку, и я ушелъ изъ операціонной, поблагодаривъ докторовъ.

Я вышелъ во дворъ. День мнѣ показался гораздо лучше, чѣмъ съ часъ тому назадъ, и я рѣшилъ немного пройтись. Обойдя вокругъ павильонъ для туберкулезныхъ, я присѣлъ на скамейку. Мнѣ стало сразу холодно. Деревья, зданія, небо стали мѣнять мѣста. По землѣ пошла зыбь. Сгрудившись въ безпорядочную кучу, весь міръ двинулся на меня. Все тѣло стало тяжелымъ и мокрымъ. Я не могъ открыть рта, поднять здоровой руки. Сверху шла темная туча, и внутри поднималась тошнота.

Потомъ послышались громкіе голоса. Я чувствовалъ, какъ меня подняли, уложили и понесли. Затѣмъ такъ же осторожно положили на кровать. Пришли докторъ и Шефферъ. Пощупали пульсъ, поставили градусникъ и, отмѣтивъ температуру, ушли.

Я долго лежалъ съ закрытыми глазами. Подъ вечеръ тѣло стало сухимъ и горячимъ; появилась жажда. Mr Richard изъ фруктоваго сиропа и воды приготовилъ мнѣ вкусное питье. Вечеромъ у меня было около 40°; я почти не спалъ ночью и прислушивался, какъ грохотали безпрерывно поѣзда — это нѣмцы везли войска на румынскій фронтъ. За ночь рука распухла, и утромъ я не могъ поднять головы. Кантъ устроилъ меня въ полусидячемъ положеніи и накормилъ съ ложечки.

На первую перевязку, которая была черезъ два дня, мнѣ долго не давали носилокъ; никого изъ санитаровъ по близости не было, и я рѣшилъ самъ пойти въ перевязочную, которая помѣщалась рядомъ съ операціонной. Упираясь рукой въ стѣ-

ны, я потихоньку шелъ, боясь каждую минуту упасть. Особенно трудно было взойти на лѣстницу. Видя мое состояніе, другіе больные уступили мнѣ очередь. Я вошелъ и сразу же сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Перевязка была мучительна, но и она кончилась. Когда Шефферъ кликнулъ носилки и ихъ не оказалось, позвали Канта. Охая, причмокивая и сожалѣя о случившемся, Кантъ раздобылъ въ одинъ мигъ носилки и со своимъ товарищемъ, рыжимъ веснущатымъ парнемъ, какъ пушинку, перенесъ меня на кровать.

Потянулись тяжелые дни. Скорбный листъ висѣлъ на стѣнѣ, я смотрѣлъ на температурную кривую и видѣлъ, что до той роковой точки, гдѣ уже нѣтъ надежды, оставалось не такъ много. Мерещились кресты около мертвецкой, и черная дощечка съ бѣлой надписью: «Hier ruht»... Я закрывалъ глаза, чтобы не прочесть черезчуръ знакомаго имени. Мелькали въ головѣ мысли о безсмертіи, Богѣ, вѣчности; но онѣ не приносили облегченія.

По утрамъ, до обѣда, я слышалъ пѣніе. Невдалекѣ отъ госпиталя были казармы саперъ. Саперы маршировали и пѣли:

« O, Meine Mutter, deine Sœhne
Sind gegangen nach Frankreich's Front . . . »

Голоса были звучные, молодые. Эхо далеко повторяло пѣсню, и я слышалъ ее до послѣдняго слова. У этой матери было трое сыновей, и всѣ на французскомъ фронтѣ. Старшій пишетъ ей: «самаго младшаго изъ насъ уже нѣтъ въ живыхъ. Но ты не горюй, — мы вдвоемъ постараемся замѣнить тебѣ покойнаго»... Потомъ снова письмо: старшій пишетъ, что у нея остался онъ одинъ — второй братъ тоже убитъ. Но пусть мать не горюетъ: онъ ее будетъ любить за троихъ. А потомъ и еще письмо; на этотъ разъ отъ кого то посторонняго. Всѣ ея три сына пали смертью храбрыхъ.

Рука стала толстой и тяжелой, она утомляла плечо; по приказанію доктора для нея сдѣлали что то вродѣ качелей: поставили съ каждой стороны по шесту, соединили наверху пе-

рекладиной, съ перекладины спустили приспособленіе для руки, похожее на люльку. Въ ней рука не утомляла и не требовала къ себѣ особаго вниманія. И ночью я могъ спать спокойнѣе. Недѣли черезъ двѣ температура стала спадать, а рука — желтѣть и худѣть.

Въ это время ко мнѣ, словно случайно, зашелъ докторъ. Онъ посмотрѣлъ листокъ, пощупалъ пульсъ и, справившись, какъ я себя чувствую, сѣлъ на стулъ у изголовья.

— Тѣмъ лучше, — продолжалъ онъ: — все-таки, я долженъ васъ предупредить, что, хотя на этотъ разъ, видимо, удастся избѣжать ампутаціи, за будущее ручаться нельзя. Чтобы спасти жизнь, можетъ быть, придется пожертвовать рукой. Вы взрослый, вы военный, вы терпѣливый, поэтому я и говорю съ вами прямо.

Я весь похолодѣлъ.

Этотъ докторскій визитъ унесъ мой покой. Какъ на зло, рана снова загноилась, и температура прыгнула вверхъ. Но, все-таки, я началъ понемногу вставать и выходить во дворъ. Я присаживался на первой скамейкѣ, грѣлся на солнцѣ, смотрѣлъ на долину. Проходившіе раненые здоровались, а нѣкоторые присаживались на скамейку; мы обмѣнивались вопросами о состояніи здоровья. У нихъ не было чувства враждебности ко мнѣ. Низенькій лейтенантъ, приходившій въ госпиталь на перевязку, первый кивалъ мнѣ головой.

Раненыхъ съ фронта привозили часто; чтобы очистить имъ мѣсто — выписывали всѣ болѣе легкіе случаи; такіе больные отправлялись по домамъ и, въ случаѣ надобности, посѣщали ближайшіе лазареты; такихъ приходящихъ больныхъ у насъ было около десяти человѣкъ.

— Завтра, лейтенантъ, намъ будетъ много работы: привозятъ новыхъ раненыхъ, — заявилъ однажды Кантъ, принеся обѣдъ.

На слѣдующій полдень ворота госпиталя широко распахнулись, и одинъ за другимъ начали подъѣзжать тяжелые автомобильные фургоны съ опущенными холщевыми полами. Съ нихъ стали сгружать раненыхъ. Стоны, крики, кровь. Вновь

прибывшихъ распредѣлили быстро; только однѣ носилки, покрытыя бѣлой простыней, остались стоять у подъѣзда, какъ будто забытыя — кто то умеръ по дорогѣ съ вокзала въ госпиталь. Его отправили въ мертвецкую.

Когда нагноеніе прошло и температура снова спала, я почувствовалъ дикій голодъ. Это было, вѣроятно, слѣдствіемъ потери крови и исхуданія. До операціи я вѣсилъ 75 кило, а три недѣли спустя — всего 68. Голодъ терзалъ меня, рвалъ внутренности, и я могъ думать только объ ѣдѣ. Кормили насъ неплохо, но мнѣ того, что давали, было мало. Съ трудомъ я высиживалъ три часа отъ утренняго кофэ до обѣда. Обѣдъ былъ самымъ счастливымъ моментомъ; но черезъ часъ снова уже просыпался голодъ; дневной кофэ и ужинъ, состоявшій изъ тарелки какой нибудь каши, не заглушали его. Я выходилъ во дворъ, рвалъ траву, древесныя листья и жевалъ ихъ; но такую пищу я не могъ проглотить, и, кромѣ того, отъ нея поднималась тошнота. Иногда, находясь въ одиночествѣ, я выл отъ голода.

Одинъ разъ, сидя на скамейкѣ, я услышалъ, что меня кто то зоветъ по-русски. Я осмотрѣлся: въ саду никого не было, въ окнахъ — тоже. Пробѣжала мысль, что мнѣ начинаютъ слышаться потусторонніе голоса. Но, въ концѣ концовъ, удалось открыть мѣсто, откуда меня окликали.

Въ хирургическомъ павильонѣ, почти подъ самой крышей, былъ рядъ небольшихъ окошечекъ. Въ одномъ изъ нихъ, забранномъ желѣзной рѣшеткой, виднѣлась фигура въ бѣломъ и звала меня.

— Подождите! — крикнулъ этотъ человѣкъ, я спущусь сейчасъ къ вамъ.

Черезъ минуту дверь внизу открылась, и показался человѣкъ въ больничномъ халатѣ, за нимъ слѣдовалъ здоровенный санитаръ. Когда они подошли ближе, я узналъ поручика Маевскаго. Мы были съ нимъ знакомы еще въ лагерѣ.

— Я васъ звалъ, — сказалъ онъ, здороваясь, — уже не первый разъ. Но только сегодня вы услышали и увидѣли меня; я прибылъ сюда недѣлю спустя послѣ вашей операціи.

Я посмотрѣлъ на Маевскаго. По наружности онъ былъ даже лучше многихъ истощенныхъ плѣнныхъ. Но глаза у него странно блестѣли, часто мигали; голосъ показался чрезчуръ звонкимъ; руки и голова сильно дрожали.

— Какъ вы очутились тутъ?

— Совсѣмъ неожиданно. Я самъ не могу объяснить, что со мной. Меня стали посѣщать какія то видѣнія. Въ комнатѣ замѣтили и испугались, сказали доктору. Тотъ меня сюда забралъ. Снжу одинъ, взаперти, за рѣшеткой; если выпускаютъ гулять, всегда санитаръ провожаетъ. Просилъ своихъ сторожей кого нибудь изъ русскихъ позвать ко мнѣ — отказывали; про одного говорили, что онъ боленъ, про другого, — что тотъ уже въ лагерь отправленъ...

Болѣзнь Маевскаго очень поразила меня. Онъ былъ тихаго и покойнаго нрава, любилъ заниматься. Родные его жили въ Москвѣ; фамилію его я не разъ встрѣчалъ въ спискѣ счастливцевъ, получавшихъ посылки: о немъ, очевидно, заботились.

— Я тутъ въ отдѣленіи для нервно - больныхъ, — продолжалъ Маевскій, — комната пустая, у меня подтяжки отобрали и полотенца не даютъ. Боятся, что я повѣшусь. Но это еще ничего. Главное — я одинъ. Когда приходитъ вечеръ, я что то вижу, мерещатся какія то тѣни; мнѣ становится страшно, хочется свѣта, хочется быть среди людей... Такъ тянетъ къ себѣ, къ своимъ; можетъ быть, я бы поправился тамъ. А къ вамъ у меня просьба — дайте папиросу, не откажите, ради Бога.

Я протянулъ ему папиросу. Санитаръ, сидѣвшій рядомъ со мной, слегка толкнулъ меня въ бокъ и отрицательно повертѣлъ головой.

Маевскій закурилъ съ наслажденіемъ.

— Мнѣ эти аспиды даже курить не позволяютъ, — жаловался онъ, — только три раза въ день бромомъ пичкаютъ. А мнѣ отъ этого нисколько не легче.

Аппетита у него не было, и на другой день Маевскій прислалъ мнѣ черезъ своего санитара кусокъ хлѣба и двѣ булочки.

За это я ему при слѣдующемъ свиданіи сунулъ коробку папиросъ и спичекъ.

Послѣ обѣда мы, обыкновенно, встрѣчались на лавочкѣ; смотрѣли на долину, на горы и высказывали другъ другу свои скорби и боли.

— Невыносимое состояніе, — жаловался Маевскій, — болѣть — ничего не болитъ, а жить тяжко...

Во время одной изъ такихъ бесѣдъ къ намъ подошелъ человѣкъ въ штатскомъ костюмѣ; подходя, онъ странно перебиралъ ногами, высоко поднимая ихъ.

— Русскіе? — вопросительно обратился онъ.

— Русскіе, — отвѣтилъ Маевскій.

— Позвольте представиться: — военный корреспондентъ, попалъ въ плѣнъ съ XX корпусомъ. Жилъ въ лагерѣ для военноплѣнныхъ, а теперь нахожусь въ госпиталѣ.

— Когда кончится, по вашему, война? — спросилъ его Маевскій: — Что надо сдѣлать, чтобы отправили въ Россію? Я нервно - боленъ, хочу хлопотать объ отправкѣ на родину и не знаю, какъ за это приняться.

— Я самъ скоро ѣду въ Россію; но обо мнѣ просили, писали, хлопотали во всѣхъ посольствахъ. А какъ отправляютъ больныхъ въ Россію, ей-Богу, не знаю. Главное — надо имѣть связи.

— А если у кого связей нѣтъ?

— Терпѣть надо, авось, война скоро кончится.

Корреспондентъ ушелъ. Маевскій посмотрѣлъ ему вслѣдъ и сказалъ:

— Связи, знакомства, а кто ихъ не имѣетъ, долженъ оставаться тутъ, хотя бы... — и, не договоривъ, онъ закрылъ лицо рукавомъ халата. Съ тѣхъ поръ въ госпиталѣ я съ нимъ больше не встрѣчался.

Однажды ночью, когда меня томила безсонница, я услышалъ на верхнемъ этажѣ нашего павильона необычную суету: передвигали кровати, кто то торопливо приходилъ и уходилъ, раздавались неясные голоса. Подъ этотъ шумъ я, наконецъ, уснулъ. А на утро Кантъ доложилъ:

— Сегодня ночью умеръ одинъ раненый.

Когда я пошелъ на перевязку, то одинъ изъ крестовъ былъ отставленъ въ сторону, и пожилой человѣкъ съ краснымъ платкомъ на шеѣ писалъ что то на дощечкѣ послѣ словъ: «Hier ruht»... Днемъ, изъ часовенки при мертвецкой вышли двѣ женщины въ черномъ; одна убивалась и звала: «мой Фрицъ, мой Фрицъ!».... Другая поддерживала ее и утѣшала: «успокойтесь, Frau Eleonora, у васъ хоть могила будетъ, а у меня ничего не осталось послѣ Фреда...»

Потомъ пришли пожилые люди въ черныхъ, старомодныхъ сюртукахъ.

Двое держало цеховыя знамена. Всѣ дѣйствія собравшихся носили торопливый характеръ, словно люди только на минуту оторвались отъ спѣшной работы. Быстро вынесли гробъ, быстро поставили его на дроги, и съ большой поспѣшностью маленькая процессія направилась къ кладбищу.

Въ этой картинѣ больше всего бросалось въ глаза отсутствіе въ толпѣ молодежи: ни юношей, ни дѣвушекъ, ни дѣтей; люди, дроги, лошади, — все это было старое, старое — правда, крѣпко сбитое, прочно сколоченное, но уже говорившее о долгой жизни, о большой работѣ, о заслуженномъ отдыхѣ. Но этому старому не было видно смѣны.

Однажды, въ началѣ октября, докторъ осмотрѣлъ мою руку и сказалъ Шефферу:

— Рана подживаетъ, завтра на выписку.

Отъ этихъ словъ у меня тоскливо заныло сердце. Какъ бы тамъ ни было, пищу здѣсь и тамъ нельзя было и сравнивать. Но дѣлать было нечего. Въ день отправленія за мной пришли Григорій и караульный. Я попрощался съ Кантомъ съ Шефферомъ, съ французами, и мы направились въ лагерь. Меня встрѣтили тамъ голыя стѣны и худыя, безрадостныя лица. И, все-таки, я съ удовольствіемъ почувствовалъ, что нахожусь между своими.

— Что съ тобой было? — спросилъ Высотскій: — Тутъ говорили, что у тебя какія то осложненія пошли?

Я разсказалъ о себѣ. У нихъ же новаго за это время ни-

чего не произошло; изъ Россіи тоже ничего утѣшительнаго не сообщали, и впереди была еще одна зимняя кампанія.

— Какъ бы только не околѣть съ голоду, — закончилъ Высотскій, — такъ кормятъ, что дальше ужъ некуда...

Ужинъ, дѣйствительно, былъ очень тощій, но Берестовъ, получившій нѣсколько банокъ молока и плитокъ шеколаду, устроилъ намъ добавочную кормежку.

Когда наступилъ вечеръ и пришла пора ложиться, я съ грустью вспомнилъ больничную кровать. Теперь мнѣ самому приходилось все дѣлать и, къ тому же, одной лѣвой рукой: правая все еще была въ косынкѣ.

Потухли огни, скоро всѣ заснули. Не могъ заснуть только я. Еще въ полдень, въ госпиталѣ, я почувствовалъ жгучую боль въ животѣ: отъ желудка къ пахамъ какъ будто текли струйки расплавленнаго металла. Но днемъ боль была меньше. и, кромѣ того, отвлекало еще окружающее. Теперь же боль усиливалась съ каждой минутой. Я грызъ полотенце. кусалъ руки, дулъ на животъ, дышалъ то часто, то рѣдко, поджималъ ноги, выпрямлялъ ихъ и, не выдержавъ, заплакалъ. Потомъ всталъ и потихоньку началъ ходить по комнатѣ.

Медицинской помощи мнѣ не могли оказать — въ лагерѣ, въ этотъ моментъ, былъ только одинъ санитаръ; у него имѣлся лишь перевязочный матеріалъ и слабительныя. Докторъ же пріѣзжалъ то въ полдень, а то и подъ вечеръ.

Я не спалъ всю ночь и, какъ только разсвѣло, пошелъ отыскивать санитара. Но онъ, конечно, помочь ничѣмъ не могъ. Оставалось ждать доктора. Я поднялся къ себѣ.

— Что съ тобой? — спросилъ Высотскій, — тебя, словно, съ креста сняли.

Я пролежалъ цѣлый день; къ счастью, днемъ, хоть и коротенькіе, но все же были перерывы между приступами. Въ эти перерывы я набирался силъ и терпѣнія для слѣдующаго приступа. Но ночи я очень боялся.

Докторъ пріѣхалъ подъ вечеръ. Пришли за мной. Высотскій проводилъ меня до околотка. Тамъ я сѣлъ въ полномъ изнеможеніи на первый стулъ.

— Что съ вами, — спросилъ довольно недружелюбно докторъ. Онъ, очевидно, думалъ, что я хочу просить его слова отправить меня въ госпиталь.

Я не могъ ничего говорить, и санитаръ разсказалъ доктору, что было со мной.

— Странно, только-что изъ госпиталя, — замѣтилъ докторъ, и, по тону его, я понялъ, что онъ считаетъ меня за симулянта. Меня осторожно раздѣли; я боялся каждаго движенія. Докторъ сердился.

— Такъ и осмотрѣть васъ нельзя.

Послѣ осмотра, онъ однако, задумался. Затѣмъ началъ что то говорить санитару. Было рѣшено лечить меня теплыми компрессами и перевести въ комнату при околоткѣ. Тамъ было теплѣе, удобнѣе, тише.

Я пролежалъ съ компрессами около двухъ недѣль. Мало-по-малу боли успокоились, но у меня было чувство, что они всякую минуту могутъ возвратиться.

За время моего пребыванія въ околоткѣ, изъ лагеря убѣжало двое англійскихъ офицеровъ. Ихъ побѣгъ былъ смѣлъ и простъ. Выйдя еще днемъ во дворъ, они, на виду у всего лагеря, вырѣзали щипцами часть внутренней ограды, скользнули въ дыру, вырѣзали дыру во второй и все.

Вся тонкость этой операціи заключалась въ слѣдующемъ: замѣтивъ, что караульные не стоятъ, а прохаживаются, англичане выбрали моментъ, когда оба часовые, сойдясь, повернули обратно, не обращая вниманія на то, что дѣлается у нихъ за спиной, и за это время успѣли все сдѣлать.

Только слѣдующая смѣна увидѣла вырѣзанную рѣшетку. Одному изъ бѣжавшихъ, лейтенанту Пулю, удалось пробраться въ Голландію, откуда онъ прислалъ, какъ говорили, письмо коменданту.

Меня перевели въ прежнюю комнату. Двухъ-недѣльныя боли еще сильнѣе истощили меня, а ѣсть было нечего. И вотъ, совершено неожиданно, я получилъ въ подарокъ 10 банокъ сгущеннаго молока и два кило хорошихъ бѣлыхъ галетъ. Подѣлился со мной, и совсѣмъ не отъ избытка, прапорщикъ Кре-

менецкій. Мы были съ нимъ очень мало знакомы, и я не знаю, изъ какихъ побужденій, кромѣ простого человѣколюбія, онъ могъ это сдѣлать.

Въ концѣ октября сняли повязку. Вмѣсто сильной, здоровой руки, былъ крючекъ съ прилипшей къ нему желтой морщинистой кожей. Мнѣ сталъ противенъ этотъ неразгибавшійся отростокъ — часть моего собственнаго «я».

Одѣваться, мыться, ѣсть — все приходилось одной лѣвой рукой. Но этимъ мои испытанія еще не кончились.

Спустя немного времени послѣ возвращенія изъ околотка, мнѣ стало тяжело говорить. Каждое сказанное слово сильно утомляло; начавъ говорить, я часто не доканчивалъ фразы; особенно не давались звуки «л» и «р». И самый голосъ становился все глуше, пока не исчезъ совсѣмъ: при попыткѣ говорить, только шевелились губы.

На волѣ, въ обыкновенныхъ условіяхъ около меня была-бы мать; я бы питался, лечился, боролся. А тутъ я не могъ выйти за предѣлы рѣшетки; на разстояніи ея колючки впивались мнѣ въ нервы. Дикое отчаяніе овладѣло мной. Я чувствовалъ, что подошелъ къ предѣлу. Что было за нимъ — безуміе, смерть ? . .

Лагерный докторъ былъ первый, къ кому я обратился.

Романовъ пошелъ со мной и разсказалъ, какъ я пересталъ говорить. Докторъ осмотрѣлъ горло и пожалъ плечами:

— Серьезнаго ничего нѣтъ. Небольшой катарръ и только. А, главное, неврастенія. И прописалъ эмскую воду.

Въ первую минуту я вздохнулъ съ облегченіемъ: «Слава Богу, не туберкулезъ».

Но сомнѣнія вскорѣ опять завладѣли мной.

Я былъ увѣренъ, что докторъ скрылъ отъ меня правду.

Эта болѣзнь совпала какъ разъ съ особенно сильнымъ голоданіемъ. Утромъ я выпивалъ два стакана голой эмской воды и шелъ во дворъ. Тутъ садился гдѣ-нибудь и сидѣлъ до обѣда, весь отдавшись чернымъ мыслямъ. Въ 12 часовъ шелъ на обѣдъ. Онъ состоялъ изъ тарелки супа, трехъ - четырехъ картошекъ на второе, а на третье чаще всего мы получали

ревенный корень. Супъ былъ жидкій; дѣлали его изъ Маггн, одинъ кубикъ на три приблизительно тарелки. Въ тарелкѣ было отъ 14 до 17 ложекъ. На ужинъ давали или три-четыре картофелины, или тарелку макаронъ; иногда же жидкую размазню, вродѣ клейстера. Хлѣба на весь день приходилось по кусочку съ ладонь.

Я бросилъ занятія: мысли прыгали, я не могъ сосредоточить вниманія. Послѣ обѣда я или лежалъ, или раскладывалъ пасьянсъ. Пасьянсъ отвлекалъ мои мысли; можетъ быть, онъ даже спасъ меня отъ сумасшествія. Меня раздражало, если мои сожители громко говорили. Когда-же они понижали голосъ, я былъ увѣренъ, что они говорятъ о моей скорой смерти.

Я не узнавалъ самого себя. Безотрадныя мысли легли между мной и всемъ міромъ. А раньше я такъ радовался тому, что жилъ, и заражалъ другихъ моимъ весельемъ. Теперь-же радость была во мнѣ убита. Я уже не могъ смѣяться, не могъ веселиться. И, только потерявъ радость, я увидѣлъ, какъ она необходима для жизни. Есть солнце на небѣ, и есть солнце въ душѣ человѣческой — это радость. Пока она у меня была, она украшала жизнь и весь міръ. А безъ нея стало пусто и холодно, утратилось содержаніе. Вмѣсто убитой радости, такъ же, какъ мракъ приходитъ, когда гаснетъ свѣтъ, появилась ненависть. Острая, безпощадная, все видящая, все подмѣчающая и ничего не прощающая. Она посягала на все; на свой языкъ она переводила всѣ человѣческія дѣла.

И, странно, на кого обратилась сперва вся острота моихъ переживаній этого времени: на пустынниковъ и святыхъ первыхъ временъ христіанства. Ихъ убѣжденіе въ какомъ-то первородномъ грѣхѣ человѣчества казалось мнѣ кощунственнымъ, а сами они представлялись людьми съ тупой, вялой мыслью, лишенными дара радоваться, смѣяться, веселиться. Вмѣсто святыхъ, я увидѣлъ человѣконенавистниковъ, подавленныхъ сознаніемъ неизбѣжной смерти, съ ихъ преступной попыткой убить въ человѣкѣ вѣру въ любовь, въ милосердіе, въ божественное снисхожденіе.

Потомъ — противъ обманщиковъ. Это было самое больное мѣсто въ душѣ. Ихъ было такъ много, и они сумѣли овладѣть всѣмъ міромъ и всѣми источниками, что нужны человѣчеству. Наука, литература, искусство, правители, революціонеры — все это лгало и враждовало между собой. Церковь увѣряла, что она знаетъ Высшее Существо, его намѣренія, его сущность. Наука продавала себя и служила всему, что отъ нея требовали. Писатели, не выносившіе своей мысли, безъ огня, безъ любви къ истинѣ, только засоряли сознаніе человѣчества. Правители презирали правимыхъ. Но имъ всѣмъ нужно было мое «я», моя вѣра, мое сознаніе, моя совѣсть, моя сила, моя жизнь. Отъ меня требовали повиновенія, тащили каждый въ свою сторону, угрожали и презирали. Я чувствовалъ себя охваченнымъ безпощадными, жадными щупальцами.

Въ молчаніи я искалъ виновныхъ. Искалъ для того, чтобы сорвать гнѣвъ взволнованной и больной души. И виновныхъ не находилъ. Жизнь оказалась такъ искусно построенной, что тѣ, которые должны были почему-то отдавать здоровье и жизнь, виноватыхъ не находили. Правители прятались за государство, наука объявляла себя нейтральной, церковь заявляла, что она молится лишь о мирѣ всего міра, писатели и художники клялись, что они служатъ одному искусству. Всѣ открещивались отъ ужасовъ, а ужасы были.

И съ повязаннымъ горломъ я раскладывалъ пасьясъ за пасьянсомъ, боясь за руку, за жизнь, боясь за собственный разсудокъ.

Отъ моего безпросвѣтнаго состоянія я не могъ даже во снѣ найти покоя. Видѣній на-яву у меня не было. Но въ тотъ моментъ, когда дремота переходила въ сонъ, со мной происходило что-то странное. Я словно перевоплощался и существовалъ въ какомъ-то другомъ времени и пространствѣ.

Я видѣлъ себя въ бѣломъ бурнусѣ, сидящимъ подъ финиковой пальмой среди безграничной пустыни. Въ моей рукѣ былъ поводъ отъ стоявшаго по близости верблюда. Я смотрѣлъ на верблюда, на пустыню... Былъ полдень: солнце ослѣпительно сверкало и серебрило пески. И вокругъ тиши-

на, спокойствіе. У меня не было никакого чувства связи съ прошлымъ. Затѣмъ, все исчезало. Я мчался черезъ громадныя пространства и, вздрагивая, находилъ себя на кровати. И это не было сномъ. Потомъ не разъ я видѣлъ себя римскимъ легіонеромъ, въ полномъ вооруженіи. На мнѣ былъ панцырь, шлемъ, поножи; въ рукахъ я несъ тяжелое древко съ орлами.

И много чего другого мерещилось мнѣ въ эти минуты. Цѣлые часы уходили на эти забытья и вздрагиванія. Мнѣ казалось, что каждая клѣточка моего организма вспоминала и переживала снова то, чѣмъ она была раньше у отдаленныхъ предковъ.

ГЛАВА XVI.

Въ самомъ началѣ нашего пребыванія въ Мюнденѣ, еще въ ноябрѣ 1914 года, опрашивая плѣнныхъ, нѣмцы записывали на отдѣльные листки всѣхъ, родившихся на Украинѣ. На вопросъ одного изъ насъ, почему они это такъ дѣлаютъ, переводчикъ отвѣтилъ: «потому что я люблю хохловъ». Мы не понимали цѣли этого раздѣленія и перестали имъ интересоваться, а потомъ забыли. Вспомнили мы объ этомъ лишь много позже, въ концѣ 16-го года.

Въ одинъ изъ ясныхъ зимнихъ дней, когда свѣже-выпавшій снѣгъ оживлялъ даже постылыя стѣны нашего лагеря, я увидѣлъ большую толпу въ корридорѣ, быстро направлявшуюся внизъ. Впереди бѣжалъ высокій блѣдный прапорщикъ съ длиннымъ носомъ; рядомъ съ нимъ, оглядываясь во всѣ стороны, слѣдовалъ смуглый горбоносый поручикъ. За ними съ криками, улюлюканіемъ, свистками двигалась толпа плѣнныхъ.

— Что такое? спросилъ шедшій со мной Высотскій.

— А это нѣмцы самостійниковъ привезли сюда, отвѣтилъ подошедшій къ намъ капитанъ Фряловъ. Сегодня утромъ нѣмцы помѣстили въ нашу комнату двухъ этихъ офицеровъ, только что откуда-то прибывшихъ. Заговорили мы съ ними — а эти по русски то-ли не хотѣли, то-ли не умѣли, заговорили, словомъ, по украински. Спросили откуда? — Изъ Кіева. Ста-

ли разспрашивать — Кіева не знаютъ; гдѣ служили? — въ русскихъ войскахъ, говорятъ; запутались только, въ какомъ полку. Затѣмъ списокъ украинцевъ достали, какимъ-то онъ чудомъ у нихъ оказался. Обошли они ихъ и въ нашу комнату на раду пригласили. Тѣ явились, обрадовались: думали, не хотятъ ли уже плѣнныхъ въ Россію отправлять, по случаю долгаго пребыванія за-границей. А эти двое, вмѣсто отправки въ Россію, о вольной Украинѣ заговорили, подъ скипетромъ Австріи, значитъ. Тутъ на нихъ насѣли. Они и признались, что они вовсе не русскіе, а австрійцы. Публика загалдѣла и предложила имъ изъ окна во дворъ спрыгнуть; австріяки на полный ходъ теку и дали.

Когда эта попытка украинской пропаганды въ нашемъ лагерѣ провалилась, и австріяки - самостійники укрылись подъ защиту комендатуры, нѣмцы перемѣнили образъ дѣйствія.

Плѣнныхъ, родившихся на Украинѣ, не спрашивая ихъ желанія, стали увозить. На сборы давали часа два-три, сажали въ поѣздъ и отправляли куда-то подъ Берлинъ, гдѣ находились мусульманскіе, индусскіе, ирландскіе, украинскіе и, Богъ знаетъ, еще какіе лагеря.

Такъ скоропалительно исчезли изъ нашего лагеря двое офицеровъ — Крамаренко и Ждановъ. Ждановъ былъ великороссъ чистѣйшей воды, москвичъ по происхожденію. Но при опросѣ онъ когда-то показалъ, что родился въ Черниговѣ. Сдѣлалъ-же это онъ изъ одного любопытства посмотрѣть, что будутъ дѣлать нѣмцы съ украинцами. Но нѣмцы долго ничего не дѣлали, и Ждановъ совсѣмъ забылъ о родномъ Черниговѣ. Вспомнилъ онъ о немъ лишь подъ Берлиномъ, въ украинскомъ лагерѣ.

Ни Крамаренко, ни Жданова самостоятельная Украина не соблазнила, и недѣли черезъ двѣ ихъ привезли обратно къ намъ.

— Лагерь отвратительный, разсказывалъ Крамаренко, простые бараки изъ досокъ; всюду щели, дуетъ, холодно, снѣгъ залетаетъ; кормежка, какъ въ Мюнденѣ, если не хуже, И вотъ, съ 8 часовъ до полудня мы должны были присутство-

вать въ залѣ; тамъ намъ читали исторію Украины и о томъ, какъ она страдала подъ гнетомъ Россіи. Затѣмъ, съ двухъ до шести мы снова собирались въ той-же залѣ; приходили какіе-то агитаторы и убѣждали насъ, что Россія будетъ разбита, и, въ интересахъ самихъ украинцевъ, лучше отдѣлиться отъ Москвы. Возражать запрещалось; у кафедры стояли нѣмцы - часовые; это послѣ того, какъ одинъ агитаторъ былъ жестоко избитъ своими слушателями. Сочувствовавшихъ отдѣленію Украины просили записываться въ канцеляріи. Изъ такихъ лицъ хотѣли устроить особые полки. Но только среди насъ эта агитація успѣха не имѣла. А среди солдатъ — еще меньше. Мнѣ одинъ изъ Житоміра говорилъ: «мабуть нѣмцы царя въ головѣ не мають. Твердятъ объ Украинѣ каждый день, а ѣсть украинцамъ, какъ и кацапамъ, не даютъ. Это у нѣмца народу мало стало, такъ чужими руками воевать хочетъ. Побѣди нѣмецъ, такъ онъ и кацаповъ и украинцевъ вытравитъ; всюду своихъ колонистовъ посадитъ».

Голодъ, такъ сильно мучившій насъ въ началѣ осени, зимой сталъ стихать. Вмѣсто голода, появилась слабость. Спуститься внизъ, подняться стало уже тяжело. Утомляло и раскладываніе пасьянса, тянуло больше лежать. Всѣ двигались, какъ разслабленные, говорили тихо. Особенно похудѣлъ Сабанѣевъ; онъ сильно осунулся, и цвѣтъ его лица походилъ на сѣрую оберточную бумагу. Онъ уже не занимался, а только машинально перелистывалъ грамматику. Замолкъ и неунывающій Перель. Въ комнатѣ не стало слышно смѣха, споровъ, разговоровъ. Во всемъ лагерѣ стало тише; лекціи и занятія потеряли интересъ. Начиная съ сентября мѣсяца, письма и посылки стали приходить неправильно, въ очень маломъ количествѣ.

Если раньше русскихъ посылокъ приходило ежедневно 15-20, то теперь ихъ получалось всего 2-3; такъ же было и съ письмами. Въ это же самое время наши союзники получали по 60 - 80 посылокъ, хотя ихъ было въ 4 раза меньше, чѣмъ насъ.

Англичане даже сдѣлали небольшой запасъ изъ консер-

вовъ, обуви, платья. Какъ только являлся съ фронта ихъ соотечественникъ, онъ былъ напоенъ, накормленъ, одѣтъ и обутъ.

Къ казенному обѣду они не притрагивались; обѣдали они своей компаніей за столомъ, покрытымъ бѣлой скатертью. Ихъ деньщики приносили имъ настоящіе супы, жаркія, овощи, пуддинги.

Утромъ, спускаясь въ садъ, я часто встрѣчалъ англійскаго солдата, который носилъ завтракъ одному изъ своихъ офицеровъ. На подносѣ у него стояли кофейникъ и чашка; рядомъ съ ними тарелка, а на ней большой кусокъ хорошаго, поджареннаго мяса съ картофелемъ. И тутъ же — хлѣбъ, сахаръ.

У насъ же, кромѣ казеннаго пайка, ничего не было. Изрѣдка только Григорій приносилъ изъ кантины нѣсколько пакетиковъ подгнившихъ яблокъ или луку. Это сейчасъ же расхватывалось и съѣдалось въ одинъ моментъ. Лукъ мы ѣли такъ же, какъ и яблоки: у кого былъ хлѣбъ — съ хлѣбомъ, а то и просто съ одной солью.

Однажды вечеромъ, лежа на кровати, я смотрѣлъ, какъ Высотскій поднималъ поочередно ноги и совалъ ладонь за голенища. Потомъ, словно укушенный, онъ вскочилъ и исчезъ. Пропадалъ онъ минутъ пять; вернулся съ клочкомъ бумаги въ рукахъ. Увидѣвъ, что я не сплю, онъ подошелъ къ моей кровати.

— Ты знаешь, — сказалъ онъ: — я за этотъ мѣсяцъ похудѣлъ на 12 кило.

Съ этими словами онъ протянулъ мнѣ бумажку.

— Видишь, вотъ старая запись: 60 кило — мѣсяцъ назадъ. И сегодня — 48 кило. Эти самые сапоги были когда то узки мнѣ въ голенищахъ, пальца не могъ просунуть, а нынче, смотрю — цѣлая ладонь свободно влазитъ.

Романову удалось какъ то получить посылку. Онъ нашелъ въ ней письмо. Жена писала ему:

«Мы живемъ по-прежнему. Театры, кино, рестораны — переполнены. Арцыбашевъ написалъ новую пьесу «Ревность». Со-

держаніе — мужъ не то на войнѣ, не то въ плѣну, а жена ему измѣняетъ. Сама не читала, но пьеса производитъ много шума».

Кончивъ, Романовъ сложилъ письмо и положилъ его въ шкатулку къ остальнымъ. Всѣ молчали.

Случай съ Высотскимъ заставилъ меня задуматься. До сихъ поръ я никуда не обращался за помощью. И матери я не писалъ, боясь потревожить ее. Лицамъ, которыя сами шли мнѣ навстрѣчу съ помощью, я отвѣчалъ благодарностью и отказомъ. Дѣлалось это не изъ упрямства, не изъ самолюбія, а оттого, что, какъ мнѣ казалось, отдѣльная помощь отдѣльнымъ лицамъ мало что значила. Россія должна была притти на помощь всѣмъ своимъ плѣннымъ, умиравшимъ съ голода. И, именно, этой помощи мы всѣ и ожидали, а ея все не было. И, рѣшивъ, наконецъ, что надѣяться не на кого и не на что, и что каждый самъ долженъ спасать себя, какъ только можетъ, я сѣлъ за столъ и принялся писать. Я написалъ всюду, куда было только возможно — матери, знакомымъ, въ управленіе, гдѣ я служилъ до войны, въ полкъ. Я просилъ всѣхъ высылать мнѣ продукты или непосредственно изъ Россіи, или же черезъ комитеты, находившіеся въ Англіи, Голландіи, Даніи и Швеціи.

Но результаты не могли получиться раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а до этихъ поръ, Богъ знаетъ, что могло случиться. Выручилъ, къ счастью, Копенгагенскій комитетъ. Я услышалъ о немъ случайно, отъ кого то изъ плѣнныхъ, и обратился туда съ письмомъ; изложивъ свое положеніе, я просилъ выслать мнѣ продукты въ кредитъ. Сдѣлано это было безъ особой надежды на успѣхъ, и тѣмъ большая была, поэтому, радость, когда я получилъ оттуда благопріятный отвѣтъ.

Мнѣ сообщали, что Комитетъ можетъ оказать кредитъ до 50 кронъ, и спрашивали, въ чемъ я особенно нуждаюсь. Въ концѣ письма секретарь Комитета прибавлялъ, что Императрица Александра Ѳеодоровна снабжаетъ ихъ средствами для помощи русскимъ военноплѣннымъ, и они удивляются, что тѣ не обращаются къ нимъ.

Это было удивительно на самомъ дѣлѣ. Но дѣло объяснилось очень просто: всѣ письма этого Комитета комендатура задерживала у себя, и о немъ узнавали совершенно случайно. Нашъ комендантъ оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ не хотѣлъ задавать комитету много работы и затѣмъ, что комендатура не знала, кто изъ плѣнныхъ могъ вернуть деньги, а кто нѣтъ.

Такъ нѣмцы оберегали русскую честь и русскія деньги.

Я, конечно, немедленно написалъ въ Комитетъ, что нуждаюсь исключительно въ съѣстномъ. И, отославъ письмо, сталъ ждать.

Приближалось Рождество. Я началъ понемногу говорить. Трудно было шевелить языкомъ, но все-таки не было усталости, какъ прежде.

— Наконецъ то, — сказалъ Высотскій, — заговорилъ, а то, вѣдь, мы всѣ хотѣли бѣжать отъ тебя. Лицо страшное, глаза провалившіеся, и ни слова. Что съ тобой было?

Но объяснить ему я ничего не могъ.

— Пойдемъ въ театръ, — сказалъ мнѣ Высотскій на Рождествѣ: — надо развлечься. Тамъ сегодня даютъ оперетку капитана Глаголева.

Объ этой опереткѣ говорили уже давно. Рядомъ съ нашимъ лагеремъ находился домикъ, гдѣ жила старая вдова со своей дочерью. Дочь весь лагерь звалъ уменьшительнымъ именемъ — Катюша, Катя. Катя представляла собой длинную, тощую макаронину, уже не первой молодости. Она была вертлява, какъ вьюнъ, и, когда бѣгала по двору со своей собачкой, было похоже на то, что вѣтеръ раздуваетъ на вѣшалкѣ платье. Но для плѣнныхъ Катя была единственной женщиной, которую можно было постоянно видѣть на такомъ близкомъ разстояніи. Всѣ ее знали въ лагерѣ и говорили о ней. Улыбки ея ловились; цѣлыми часами подстерегали ея появленіе.

Объ этой слабости плѣнныхъ знала сама Катюша, знали караульные, зналъ комендантъ. И капитанъ Глаголевъ сдѣлалъ ее героиней своего произведенія.

Высотскій взялъ билеты — спектакль былъ платный,

чтобы покрыть расходы на парикмахера, костюмера и освѣщеніе. Ставили оперетку въ черепахѣ; кромѣ плѣнныхъ присутствовалъ комендантъ, его знакомые изъ города, нѣмецкіе офицеры; было также и много караульныхъ.

Піанино, за которымъ сидѣлъ самъ авторъ, замѣняло оркестръ.

Когда всѣ разсѣлись по мѣстамъ, авторъ сыгралъ интродукцію. Оперетка начиналась прологомъ, какъ въ «Паяцахъ». Арлекинъ торжественно обѣщаетъ показать жизнь плѣнныхъ, съ ея мрачнымъ началомъ и неизвѣстнымъ концомъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ уголкѣ лагеря, около домика Кати. Между проволокой ходитъ нѣмецкій часовой; минута молчанія. Потомъ въ домикѣ открывается окно и показывается плотная, румяная, златокудрая Катя, въ міру — прапорщикъ Архаровъ. Часовой куда то скрывается. Голосомъ, похожимъ на контръ - альто, Катя, онъ же Архаровъ. поетъ на мотивъ изъ «Гейши»:

«Какъ ужасно
И какъ страшно —
Милый Фрицъ не ѣдетъ къ намъ...»

Фрицъ — Катинъ женихъ; онъ уѣхалъ на войну и давно уже пересталъ писать. Катя безпокоится и ревнуетъ.

«Англичанки и турчанки...
Мудрено - ли тутъ забыть!..»

Изливши душу, Катя закрываетъ окно и исчезаетъ.

Во дворѣ показывается русскій офицеръ. Видъ у него пришибленный, черезъ плечо виситъ гитара. Выйдя на сцену, онъ поетъ речитативомъ:

«Какъ скучно,
Тяжело и грустно
Жить въ плѣну монахомъ,
Безъ утѣхъ любви...»

И, показывая на Катино окно, онъ добавляетъ:

«Вотъ домикъ —
Тутъ живетъ красотка,
И ее Катюшей въ лагерѣ зовутъ...»

Снимаетъ гитару:

« Спою-ка дѣвѣ серенаду,
Можетъ быть, сердечко
Трону я ея... »

И, взявъ нѣсколько аккордовъ, поетъ, глядя на окно :

« Дитя, не тянися весною за розой... »

Дѣва пѣніе услышала: окно открывается, показывается Катя. Она объясняетъ своему обожателю положеніе вещей :

« У меня есть папа,
У меня есть мама,
Только хлѣба нѣтъ у насъ,
Голодаемъ мы сейчасъ.
Коль не врешь, что любишь,
За рѣшеткой будешь
И гостинчикъ принесешь... »

И говоритъ дальше:

« Я люблю ветчинку,
Пирожокъ съ начинкой,
Русскій сладкій леденецъ,
Сыръ швейцарскій, наконецъ... »

Раздается труба на аппель. Офицеръ торопится и, убѣгая, поетъ:

« Я пойду подкопъ копать,
Чтобъ скорѣй къ тебѣ попасть... »

Потомъ появляется англичанинъ, послѣ него — французъ. Катя каждаго обнадеживаетъ и у каждаго проситъ «гостинчикъ».

Второе дѣйствіе происходитъ въ Катиной комнатѣ. Стоитъ огромная кровать, съ перинами подъ самый потолокъ. Одинъ за другимъ являются обожатели съ приношеніями. Катя пробуетъ московскую копченую колбасу, надѣваетъ колье отъ англичанина, восторгается ліонскимъ шелкомъ. Соперники сперва пѣтухами наскакиваютъ другъ на друга, но Катя ихъ миритъ, и они, взявшись за руки, танцуютъ вокругъ нея:

« Катя — ты нашъ кумиръ,
Катя изъ-за тебя забытъ весь міръ... »

Катя мякнетъ и разсказываетъ, какъ ей пришлось увидѣть въ первый разъ плѣнныхъ:

« Въ одну пору
Я къ забору
Тихимъ шагомъ подошла,
О судьбѣ своей вздыхая,
Разныхъ страховъ ожидая . . . »

Но оказалось, что :

« Англичане — сѣверяне,
Джентльмэны на подборъ.
Много разныхъ тамъ племенъ
Русь имѣетъ у знаменъ.
На французовъ заглядѣлась,
Отъ штановъ ихъ закраснѣлась . . . »

И въ заключеніе соглашается, что плѣнные :

« Терпятъ холодъ,
Терпятъ голодъ.
Да, плѣнъ ужасная бѣда,
Gut zu schlafen, господа . . . »

Эта пьеска доставила всѣмъ большое удовольствіе. Смѣялись плѣнные, забывъ свой голодъ, смѣялись нѣмцы. Какъ солнечный лучъ, прорѣзалъ этотъ смѣхъ нашу безрадостную, подневольную жизнь. И я отдохнулъ за эти два часа отъ своихъ мыслей, отъ смятенія своей души, отъ самого себя.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ госпиталь, нѣмцы отобрали среди русскихъ 100 человѣкъ и перевезли ихъ въ другой лагерь. Что онъ изъ себя представлялъ, никто не зналъ. Среди уѣхавшихъ находились Саламаша и Максъ съ Василичемъ. Они сами захотѣли покинуть Мюнденъ. Всѣхъ трехъ соблазняли новыя мѣста и другія условія жизни. Кромѣ того, эта отправка разлучила сотрудниковъ нашего журнала, что и послужило причиной его безболѣзненной и мирной кончины.

Отъ уѣхавшихъ у насъ въ лагерѣ никакихъ извѣстій не получалось. Письма и посылки, приходившія на ихъ имя, отправлялись въ лагерь Штроерморъ, гдѣ то на сѣверѣ Германіи.

Въ концѣ декабря Штроерморскій лагерь былъ расформированъ. Всѣхъ жившихъ въ немъ плѣнныхъ разослали по другимъ мѣстамъ. Къ намъ было прислано 250 человѣкъ. Съ этой партіей вернулось много мюнденцевъ, въ томъ числѣ Саламатинъ, Максъ, Василичъ. Недоставало лишь редакціи журнала, которая была переведена въ лагерь Гютерсло.

Разсказамъ не было конца.

— Понимаешь, Валеріанычъ, — говорилъ мнѣ Максъ, — посадили это насъ честь-честью во второмъ классѣ и повезли. На утро пріѣхали мы на самую такую плюгавую станцію. Только рельсы да начальникъ станціи. Выгрузили насъ, «zu vier Mann» построили, конвоемъ окружили, такъ что воробью не пролетѣть, и пошли мы. Смотримъ — мѣстность ровная, какъ тарелка, вокругъ болота и трава ржавая. Привели къ лагерю; стоятъ четыре длинныхъ, старыхъ барака, вокругъ нихъ проволока — вотъ тебѣ и все. Ввели насъ во дворъ, построили передъ комендатурой. Вышелъ комендантъ и заявилъ: «Прошу прощенія, но я долженъ вамъ объявить плохія новости». У меня сердце такъ и екнуло. Потомъ комендантъ взялъ бумагу и давай читать, а переводчикъ — переводить. Дѣло то оказалось въ слѣдующемъ. Русское правительство для постройки Мурманской желѣзной дороги использовало, въ качествѣ рабочихъ, нѣмецкихъ плѣнныхъ. За плохое обращеніе съ ними германское правительство, въ свою очередь, рѣшило взять тысячу русскихъ плѣнныхъ, посадить ихъ въ Штроерморскій лагерь и подвергнуть репрессіямъ.

Съ первой же минуты репрессіи и начались: изъ вещей разрѣшили взять только смѣну бѣлья, мыло и полотенце, а все остальное сложили въ цейхгаузъ и заперли. Затѣмъ въ баракъ повели. Доски дюймовыя, вездѣ щели съ палецъ — не баракъ, а рѣшето. Полъ земляной; по стѣнамъ нары идутъ въ два этажа. На нихъ тюфяки лежатъ, изъ дерюги, внутри — трава набита... Вырывали, должно быть, всякую сорную траву съ корнями, да такъ съ землей, не отряхнувши, въ мѣшки и совали. Затѣмъ разложили ихъ по нарамъ — вотъ вамъ и постели.

Провели мы этотъ день кое какъ. Скамеекъ нѣтъ, стульевъ нѣтъ — сѣсть некуда. Даже ножа перочиннаго, и того не было — засунулъ его въ чемоданъ. Подошелъ вечеръ. Надо спать ложиться; стали выбирать съ Василичемъ мѣсто. Нары жидкія оказались — чуть тронешь, такъ ходуномъ и ходятъ. Легли мы сначала наверху — свободнѣе, дышется легче. Но неудобства большія: влѣзать и слѣзать — только сосѣдей тревожишь. На другую ночь легли внизу: тоже неладно — тревожатъ тѣ, кто наверхъ лѣзутъ. Ну, это пустякъ, въ концѣ то концовъ, мириться съ тѣмъ, что на ногу наступятъ, еще можно. А главная бѣда — верхнія нары со щелями были; чуть кто тамъ заворочается — пыль, песокъ, трава прямо въ глаза летятъ.

Раздѣваться, конечно, нельзя — простынь нѣту. Снимешь сапоги, положишь ихъ подъ изголовье, шинелью накроешься и ворочаешься съ боку на бокъ: трава грубая, съ палецъ толщиной; то въ бокъ упрется, то въ спину, то въ животъ. Наутро кто то сталъ траву перебирать, а у него изъ тюфяка ящерица выбѣжала. Мы за ней цѣлымъ баракомъ бросились.

И прачекъ — никакихъ. Былъ во дворѣ насосъ. Подъ нимъ и мыли бѣлье. Да и мыть долго нельзя было; всего на часъ выпускали днемъ на прогулку, — хочешь гуляй, хочешь бѣлье мой. Скверно было, Валеріанычъ!.. — закончилъ Максъ свое описаніе.

Впечатлѣнія Саламаши были еще болѣе грустныя.

— Самъ напросился, — каялся онъ: — никто меня туда не гналъ; уговаривали не ѣхать, не послушалъ. Думалъ, хуже Мюндена нѣтъ. А какъ увидѣлъ Штроерморъ, такъ Мюденъ раемъ показался. Мѣстность безрадостная, какъ берега Стикса, но тамъ хоть Харонъ былъ, а тутъ только болота, да ржавая трава.

Думалъ я сначала, что еще хуже Мюденской голодовки можетъ быть, а потомъ узналъ, что есть вещи, которыя голоду не уступятъ.

Въ каждый баракъ нѣмцы по 250 человѣкъ напихали, т.-е.,

сколько всего мѣшковъ на нарахъ помѣщалось. И кого только не было!.. Начиная отъ титулованныхъ и кончая проходимцами и ворами. Недалеко отъ меня спалъ одинъ офицеръ изъ запаса, прогнанный когда то изъ полка за нечистыя дѣла. Хулиганъ и воръ. Ночью сосѣдей своихъ обворовывалъ — все таскалъ: деньги, носовые платки, часы, съѣстное, у кого оно было. И, кромѣ того, шага не могъ безъ ругательства сдѣлать. Съ самаго утра до поздней ночи. Если же замѣтитъ, бывало, что кто нибудь его ругани не выноситъ, такъ нарочно поближе къ такому подойдетъ и начнетъ особенно пакостно ругаться. Положительно, всѣмъ онъ жизнь отравлялъ.

Гвардія, кавалерія, титулы держались отъ остальныхъ подальше. Чуть не у каждаго изъ нихъ имѣлось по нѣсколько мѣшковъ съ провизіей. Ну, а у остальныхъ то почти-что ничего. Первое время насъ кормили очень хорошо. Комендантъ нашъ получилъ приказаніе держать насъ на нѣмецкомъ солдатскомъ пайкѣ. Для насъ и для караульныхъ варили вмѣстѣ. Хорошо было! Лапша съ мясомъ, макароны, копченыя селедки, и всего этого вволю. Но это продолжалось нѣсколько дней. Потомъ для насъ стали варить отдѣльно, — и мы стали ѣсть еще хуже, чѣмъ въ Мюнденѣ. Сначала даже посылокъ не хотѣли выдавать, потомъ дѣло какъ то уладилось. Комендантъ, кажется, на свою отвѣтственность приказалъ выдавать. Написали мы всюду, во всѣ комитеты, что тысяча русскихъ въ штрафномъ лагерѣ находится. Немного, но кое что перепадало отъ нихъ — то молока пришлютъ, то галетъ. Чтобы распредѣлять продукты между плѣнными и для сношеній съ комендатурой, каждый баракъ имѣлъ своихъ выборныхъ представителей. У насъ однимъ изъ такихъ представителей былъ прапорщикъ Германъ. Человѣкъ энергичный, уже не мальчишка, партійный, въ ссылкѣ былъ когда то, братья — видные общественные дѣятели, словомъ, я былъ очень доволенъ его избраніемъ. Облекли мы его нашимъ полнымъ довѣріемъ, и сталъ Германъ хранить и дѣлить молоко, галеты, колбасу, что намъ присылали. А потомъ оказалось, что онъ продавалъ и молоко, и колбасу, и на эти деньги игралъ.

Саламатинъ помолчалъ.

— Я не могу такъ ужъ очень обвинять Германа. Была такая обстановка, что человѣку трудно было не измѣниться. Насъ всего на одинъ часъ выпускали на воздухъ. А остальное время мы всѣ толклись въ баракѣ. Уборныхъ не было и, вмѣсто нихъ, даже днемъ въ баракѣ стояли параши. Пищу принимали мы тутъ же: принесутъ бакъ съ супомъ, всѣ подходятъ съ мисками по очереди, а такъ какъ сидѣть было негдѣ, то ѣли стоя, или на нары забирались. Запахъ супа, вонь отъ парашъ — никогда этого не забуду. Вечера были большіе, а на весь баракъ зажигали только четыре маленькія керосиновыя лампы. Подъ ними больше игроки въ карты дулись. Ходишь, какъ неприкаянный, и самъ не знаешь, что съ собой дѣлать. Понимаете, за эти четыре мѣсяца я въ рукахъ книги не имѣлъ, газеты не видѣлъ. Въ одной и той же комнатѣ воръ сидитъ и ругается, а недалеко отъ него аристократія съ гвардіей разсуждаютъ о своихъ «полчкахъ», о формахъ, о петлицахъ, о поркѣ, о дисциплинѣ. Въ другомъ углу Германъ рѣчь держитъ; ему кричатъ: «Германъ, отдай нашу колбасу!».

Шумъ, гамъ, холодъ. Было всего три небольшихъ желѣзныхъ печки; накалятъ ихъ до-красна, вблизи стоять нельзя, такъ печетъ, дальше отойдешь — холодно. И переписку съ Россіей запретили, только въ самомъ началѣ разрѣшили написать роднымъ одну строку — «я нахожусь въ штрафномъ лагерѣ Штроерморѣ», но многіе и этимъ не воспользовались. И вотъ совершенно не знаю, какъ и почему у меня вспыхнуло желаніе убить этого сквернослова - вора. И именно убить и такъ еще, чтобы онъ зналъ, кто его убиваетъ. И стало меня съ той поры тянуть къ нему. Гдѣ онъ, тамъ и я . Сижу и глазъ съ него не спускаю. Знаю одно: когда ударю его — это будетъ самый блаженный моментъ въ жизни. И если бы его нѣмцы въ тюрьму не посадили за кражу перчатокъ у дежурнаго фельдфебеля, я не знаю, чѣмъ бы это кончилось. Но съ той поры я твердо знаю, что заставлять человѣка бездѣльничать такое же преступленіе, какъ лишать его воздуха, пищи, питья.

Ко всему этому прибавьте физическія переживанія. Ля-

жешь спать — справа и слѣва тѣла сосѣдей чувствуешь. А одинъ изъ нихъ еще въ лицо дышетъ. Повернешься въ другую сторону — другой начинаетъ дышать. За эти четыре мѣсяца я ни разу не раздѣвался. У многихъ чирьи пошли по тѣлу. Докторъ въ околоткѣ только и занимался тѣмъ, что нарывы вскрывалъ. И, вдобавокъ, ни горячаго душа, ни горячей ванны нельзя было получить. Кто желалъ, тотъ могъ мыться холодной водой. Мылись, пока холодно не стало. Еще хорошо, что комендантъ то нашъ хорошимъ человѣкомъ оказался. Если бы не онъ, во много разъ было бы хуже. Онъ, все-таки, входилъ въ наше положеніе и не держался буквы приказовъ.

Саламатинъ даже поблѣднѣлъ, вспоминая картины недавняго прошлаго, и снова быстро продолжалъ, словно боясь, что его прервутъ.

— Ходилъ цѣлыми часами по бараку и думалъ: а что если русское правительство, въ отвѣтъ на Штроерморъ, какой нибудь штрафной лагерь для нѣмцевъ устроитъ. Тѣ тогда, въ свою очередь, для насъ еще что нибудь похуже этого придумаютъ. Боялся я этого. И такъ уже чувствовалъ, что огрубѣлъ и оскотинѣлъ, а, продолжайся такъ дальше, всякое человѣческое подобіе потерялъ бы...

Изъ вновь прибывшихъ въ нашей комнатѣ помѣстили четверыхъ.

— Вы не можете себѣ представить, — сказалъ одинъ изъ нихъ: — какое удовольствіе спать на кровати и не чувствовать своихъ сосѣдей.

Наши новые сожители оказались тихими и порядочными людьми. Въ отношеніи продовольствія они всѣ были обезпечены лучше насъ. Вскорѣ послѣ прибытія одинъ изъ нихъ получилъ большой ящикъ съ продуктами изъ Англіи. Его содержимое едва помѣстилось на столѣ. Тутъ былъ кусокъ сала фунтовъ съ 15, нѣсколько кило сибирскаго масла, четыре большихъ жестянки съ печеньями, консервированный кофэ, сахаръ, шеколадъ. Когда все это развертывалось и разсматривалось — еще можно было терпѣть. Но, когда владѣлецъ взялъ бисквитъ и, намазавъ его масломъ, сталъ ѣсть, я поднялся и ушелъ. Мнѣ

казалось, что въ моихъ глазахъ прочтутъ голодъ, жадность, просьбу. Вернулся я черезъ полчаса; все было уже сложено и спрятано. Но глаза невольно искали, гдѣ находится провизія. Сало, завернутое въ бумагу, лежало за окномъ. Я сѣлъ на стулъ, поближе къ окну и сталъ смотрѣть, какъ будто во дворъ; на самомъ же дѣлѣ меня интересовалъ только пакетъ изъ сѣрой бумаги. На него падали снѣжинки, и вѣтеръ шевелилъ края бумаги. Потомъ прилетѣла птичка съ черной головкой и красной грудью. Она прыгнула на пакетъ и стала его долбить. Бумага развернулась, показалось сало. Птичка клевала, я смотрѣлъ и завидовалъ ей.

Утромъ одни изъ вновь прибывшихъ пили кофэ, ѣли печенье съ масломъ, другіе предпочитали шеколадъ, кому то изъ нихъ Григорій приносилъ омлетъ, сдѣланный на кухнѣ изъ яичнаго порошка. Закусывали они также въ полдень и вечеромъ. Во время ихъ ѣды я или ложился на кровать, или совсѣмъ уходилъ.

Однажды, когда я лежалъ и смотрѣлъ, какъ хозяйничаютъ штроерморцы, ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый офицеръ, Еленкевичъ. Полный и веселый въ началѣ плѣна, онъ сталъ теперь худымъ, молчаливымъ человѣкомъ.

Еленкевичъ сѣлъ ко мнѣ на кровать.

Изъ стоявшей на столѣ миски шелъ паръ столбомъ. Бородатый поручикъ разливалъ супъ, другой дѣлилъ мясо. Полное блюдо макаронъ, приправленныхъ поджареннымъ саломъ, стояло тутъ же. Кто то пробовалъ шкварки, и было слышно, какъ они хрустѣли на зубахъ.

У Еленкевича показались на глазахъ слезы. Голоднымъ, блестѣвшимъ взглядомъ онъ посмотрѣлъ на столъ и сказалъ:

— Однако, какъ у васъ ѣдятъ.

Затѣмъ онъ дернулъ меня за рукавъ и прибавилъ:

— Выйдемъ на минуту, я хочу вамъ кое что сказать.

Мы вышли.

— Вы голодаете? —спросилъ онъ.

— Еще бы! — только могъ я сказать.

— Ну, вотъ. Я говорилъ сейчасъ съ однимъ англичани-

номъ, и мы условились такъ: я плачу ему извѣстную сумму здѣсь марками. А онъ пишетъ отцу, чтобы тотъ изъ Англіи выслалъ мнѣ продуктовъ. Не хотите ли принять участіе?

Конечно, я согласился. У меня какъ разъ было 100 марокъ.

— У меня столько же, — сказалъ Еленкевичъ: — значитъ, то, что выпишемъ, подѣлимъ пополамъ. А теперь пойдемъ искать этого англичанина.

Мы его нашли скоро. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у окна и читалъ какую то книгу. По сравненію съ нимъ, свѣжимъ, цвѣтущимъ человѣкомъ, Еленкевичъ походилъ на сѣрую тѣнь, хотя оба были одинаковыхъ лѣтъ и взяты въ плѣнъ почти въ одно время.

Мы разговорились. Англичанинъ охотно согласился исполнить нашу просьбу.

— Я напишу своему отцу, но только скажите, что вамъ особенно нужно.

— Сахару, — сказалъ я.

— Жировъ, — добавилъ Еленкевичъ.

Подумавъ, мы присоединили еще рисъ и галеты.

— Сегодня же напишу, — сказалъ, прощаясь, англичанинъ: — черезъ мѣсяцъ, я увѣренъ, вы уже получите посылку.

Мы поблагодарили и вышли.

— Только бы не подохнуть до полученія, — сказалъ Еленкевичъ, разставаясь со мной. У меня была такая же мысль относительно самого себя.

Дѣйствительно, начиная съ осени, уже человѣкъ десять умерло отъ туберкулеза. Еще больше — догорали въ госпиталяхъ. Заболѣваній было такъ много, что германское правительство устроило санаторію въ Шпротау только для однихъ легочныхъ. Но изымали изъ нашей среды лишь несомнѣнные и притомъ тяжелые случаи. А сколько бродило неопознанныхъ и затѣмъ просто боявшихся обратиться къ врачу, чтобы не услышать отъ него страшнаго приговора.

Въ глаза бросалась масса старчески - сгорбленныхъ фи-

гуръ съ потухшими глазами, самые сильные изъ насъ казались перенесшими тяжелую болѣзнь. Дѣло дошло до того, что мы сами научились распознавать, по внѣшнему виду, чахоточныхъ.

Мы дышали отчаяніемъ и молчали. Да и кому было говорить, кто могъ услышать наши жалобы изъ-за двойной колючей ограды?

И съ ощущеніемъ могильнаго холода въ костяхъ, я кутался ночью въ одѣяло и стылъ въ преддверіи вѣчнаго мрака.

Въ это же время къ Перелю сталъ часто заходить одинъ изъ вновь прибывшихъ офицеровъ. Это былъ брюнетъ съ темными, прямо смотрящими глазами и твердо сжатыми губами; лѣтъ ему было, на видъ, 25 - 26. Онъ подолгу о чемъ то совѣщался съ Перелемъ; тотъ что то писалъ и написанное отдавалъ гостю. Офицеръ замѣтилъ, должно быть, что я его разглядываю. И, однажды, когда я дѣлалъ два дѣла заразъ, искалъ валета для дамы и вдыхалъ запахъ кофэ штроерморцевъ, онъ всталъ и неожиданно подошелъ ко мнѣ.

— Позвольте представиться, поручикъ Сѣровъ, — сказалъ онъ.

Мы познакомились.

— Я думаю, вамъ интересно будетъ прочесть этотъ документъ, — и, съ этими словами, онъ протянулъ мнѣ листикъ бумаги, смятый и исписанный крупнымъ, неуклюжимъ почеркомъ.

Я взялъ и прочелъ.

«*Господамъ Русскимъ Офицерамъ.*

Русскіе унтеръ - офицеры и фельдфебеля, собранные въ репрессивномъ лагерѣ, умоляютъ обратить вниманіе на ихъ положеніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нѣмцы во всѣхъ лагеряхъ опросили, кто изъ унтеръ - офицеровъ и фельдфебелей хочетъ работать на аммуниціонныхъ фабрикахъ и заводахъ.

Всѣхъ, отказавшихся работать на этихъ фабрикахъ, нѣмцы сослали въ штрафной лагерь.

Раздѣлили насъ тутъ на четыре роты, человѣкъ по триста.

Каждая рота помѣщается въ пустомъ баракѣ. Нѣтъ ничего, даже наръ; спимъ, укрывшись шинелями, если кто можетъ спать, ибо жизнь наша мученическая, и мы хотимъ, чтобы весь міръ узналъ, какъ страдаютъ русскіе унтеръ - офицеры. А у нѣкоторыхъ по пріѣздѣ даже и шинели отобрали. И спятъ они на голомъ полу, въ однѣхъ гимнастеркахъ. Поднимаютъ насъ въ 6 часовъ утра; даютъ кружку кофэ и кусочекъ хлѣба. Съ семи часовъ мы ужъ на плацу. Насъ выстраиваютъ и потомъ свисткомъ команду даютъ. И должны мы такъ — пять минутъ бѣгомъ, пять минутъ шагомъ; и такъ — до 12 часовъ, безъ отдыха. Многіе падаютъ. Ихъ такъ бьютъ прикладами, что приклады ломаются. Когда и это не помогаетъ, то берутъ пожарную кишку и изъ нея поливаютъ человѣка, не глядя на холодъ и снѣгъ; если и послѣ этого не поднимается, то кладутъ такого на рогожу и прочь уносятъ. Въ обѣдъ наливаютъ чашку супа и кусочекъ хлѣба даютъ. А съ двухъ часовъ снова гоняютъ до шести. Совсѣмъ насъ измучили холодомъ, голодомъ, побоями. И просимъ мы господъ русскихъ офицеровъ сообщить о насъ, куда слѣдуетъ, чтобы прекратили нѣмцы эти издѣвательства. Они все намъ грозятъ — не будете работать на нашихъ фабрикахъ — такъ, все-равно, нигдѣ не работать вамъ больше».

Потомъ слѣдовали подписи.

— Это еще не все, — сказалъ Сѣровъ, когда я отдалъ ему воззваніе: — по словамъ того, кто передалъ мнѣ это письмо, русскіе въ этомъ лагерѣ дошли до такого состоянія, что рѣшили объявить голодовку. Въ первый день нѣмцы не обратили на это вниманія, во второй — тоже; на третій, мало кто изъ нихъ имѣлъ силы подняться. Комендатура испугалась и особенно слабыхъ стала разсылать по прежнимъ лагерямъ. Сѣровъ показывалъ это письмо многимъ; нѣкоторые даже переписали его себѣ на память.

Стремясь облегчить судьбу русскихъ унтеръ - офицеровъ, Сѣровъ совѣтовался съ Перелемъ, ходилъ къ нашему старшему — полковнику Ленчевскому. Была составлена бумага къ защитнику русскихъ интересовъ въ Германіи — ис-

панскому послу; пропустили ли ее нѣмцы и что вышло изъ хлопотъ Сѣрова — я не знаю. Но мнѣ вспоминается другой фактъ: въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ 1916 года, въ «Берлинеръ Тагеблаттъ» былъ помѣщенъ протоколъ осмотра нѣмецкихъ военноплѣнныхъ въ Курганѣ, Томской губерніи, чинами сѣверо - американскаго посольства. Въ протоколѣ было сказано:

«...хлѣбъ черный, но хорошо выпеченный, въ совершенно достаточномъ количествѣ. Плѣнные на пищу и на обращеніе не жалуются, имѣютъ крѣпкій, здоровый видъ».

Изъ минусовъ, подмѣченныхъ чинами посольства, было близкое сосѣдство съ жилыми помѣщеніями отхожаго мѣста.

«При опросѣ плѣнные жаловались на отсутствіе книгъ и на то, что письма изъ Германіи шли очень долго...»

Новый годъ прошелъ незамѣтно. Мы сжились со своимъ положеніемъ, какъ рабы. Никто не интересовался, когда кончится война, чѣмъ кончится. Нашу прошлую жизнь покрывалъ толстый слой тоскливыхъ, безпросвѣтныхъ дней. Они падали, какъ осенніе листья, и заглушали воспоминанія о прежней жизни.

Въ концѣ января прошелъ среди насъ слухъ, вскорѣ подтвержденный и самой комендатурой, объ отправкѣ 250 человѣкъ русскихъ военноплѣнныхъ изъ Мюндена въ лагерь Halle an der Saale. Чтобы не раскаиваться и не винить себя впослѣдствіи, я рѣшилъ предоставить все дѣло случаю: повезутъ — поѣду, нѣтъ — значитъ, такая судьба. У меня не было желанія ѣхать, но и не было желанія оставаться. Хотѣлось лучшаго; но ждало ли оно насъ въ Halle, или оно оставалось въ Мюнденѣ — никто не могъ сказать.

Въ первыхъ числахъ февраля Высотскій пришелъ подъ вечеръ изъ столовой и сказалъ:

— Только что вывѣсили списокъ отъѣзжающихъ. Изъ нашей комнаты ѣдутъ Берестовъ, Успенскій, Перель, ты и я.

Когда я узналъ объ этомъ, мнѣ стало грустно. Много было пережито здѣсь. Силы, здоровье, смѣхъ, веселье — все проглотилъ Мюнденъ. И воспоминаніе — какимъ я былъ

раньше, и сознаніе, что ужъ никогда не быть мнѣ такимъ, наполнило всю душу острой тоской.

Изъ старыхъ знакомыхъ въ Мюнденѣ оставались Арцышевичъ, Василичъ, Максъ, Саламаша. Жалко было покидать этотъ видъ на Везеръ, на гору, на мельницу. Тяжело было разставаться съ Григоріемъ; больше двухъ лѣтъ онъ вѣрой и правдой служилъ намъ и, какъ хорошая няня, ухаживалъ за мной во время моихъ недуговъ. На этихъ стѣнахъ остались невидимыя письмена горя, голода и отчаянія. Прочтетъ ли ихъ кто-нибудь и когда-нибудь?

За день до отъѣзда я пошелъ въ околотокъ смазать горло. Ни доктора, ни санитара еще не было. Я сѣлъ на первый попавшійся стулъ. Со стѣны смотрѣлъ на меня Гинденбургъ; въ углу стоялъ шкафъ съ инструментами и лекарствами; на столѣ передъ окномъ лежала раскрытая тетрадь. День былъ солнечный, но морозный; отъ калорифера шла пріятная теплота. Недалеко отъ меня, также въ ожиданіи доктора, сидѣлъ капитанъ Волковъ. Онъ часто ходилъ въ околотокъ; докторъ подозрѣвалъ у него ракъ въ горлѣ. Высокій, грузный, бородатый капитанъ походилъ на раскольничьяго начетчика; лицо у него было желтое, нездоровое. Когда я пришелъ, онъ уже сидѣлъ, согнувъ широкую спину и уронивъ руки между колѣнями. Мы поздоровались. Во второй половинѣ комнаты, за тонкой перегородкой, раздались голоса. Говорили по-русски. Я прислушался. Это былъ голосъ Либермана.

— Дурачье, — говорилъ онъ, — не одни жиды, что не вѣрятъ въ Христа. Вамъ говорятъ — Христосъ былъ; а есть многіе, которые отрицаютъ это. Возьмите Евангеліе — каждый евангелистъ по-своему говоритъ. Кому изъ нихъ вѣрить? Кромѣ того, установлено, что евангелія въ первые вѣка христіанства написаны, когда Христа уже не могло быть въ живыхъ.

— Кабы не было Христа, такъ не было бы ни церквей, ни поповъ. Не зря народъ строилъ. И не у насъ однихъ, у нѣмцевъ, смотри, побольше нашего соборовъ настроенс, — отвѣтилъ чей то голосъ.

— Такъ это все для того, чтобы васъ, дураковъ, держать покрѣпче, — отвѣтилъ Либерманъ. — Все это поповскія выдумки, что Богъ есть, что святой Духъ на Марію сходилъ. Фабричныя дѣвки тоже рожаютъ, только не отъ Духа святого, а отъ парней. Русскіе, французскіе попы — всѣ изъ одного тѣста сляпаны, и всѣ даромъ жить хотятъ, на счетъ рабочаго народа.

— А ты самъ то рабочій, что-ли? — спросилъ другой голосъ, — что за нихъ такъ заступаешься; торговецъ, поди, скорѣе по обличью.

— Это безразлично, кто я, разъ человѣкъ говоритъ правду и желаетъ добра...

— Либерманъ, поди сюда, — сказалъ неожиданно капитанъ.

Голоса за перегородкой смолкли. Послышался шопотъ. Никто не выходилъ.

— Что жъ ты трусишь? Не слышишь? — повторилъ капитанъ.

Показался Либерманъ; лицо у него стало бурымъ. Вставъ у двери, онъ опустилъ руки по швамъ и молчалъ.

— Ты о чемъ съ ними тамъ говорилъ?

Либерманъ не шевелился.

— Позови тѣхъ.

Вышли собесѣдники Либермана — двое русскихъ солдатъ - деньщиковъ. Одинъ былъ, видимо, изъ крестьянъ, другой — походилъ на фабричнаго.

— Что онъ вамъ говорилъ? — спросилъ ихъ капитанъ.

Солдаты замялись.

— Дмитрій, скажи, не лукавя, есть Богъ? — обратился онъ къ первому.

Дмитрій опустилъ глаза; онъ зашевелилъ губами, потомъ поднялъ голову и, точно выстрѣлилъ:

— Есть.

— Константинъ, — обратился капитанъ къ другому, — скажи ты: есть Богъ?

Константинъ глазъ не опустилъ.

— Мы неучены, Вашбродь. Не могу знать. — Но въ его голосѣ была нескрываемая враждебность и холодное невѣріе.

Капитанъ махнулъ имъ рукой. Оба вышли.

Либерманъ продолжалъ стоять въ прежней позѣ.

Прошла минута молчанія.

— Либерманъ, — и въ голосѣ Волкова зазвенѣлъ металлъ, — ты хочешь отнять у людей Бога. Берегись!.. Ты самъ себѣ роешь яму. Такой, какъ Димитрій, врядъ ли бросится на человѣка — у него есть совѣсть. А Константинъ можетъ кинуться на тебя же перваго и убить тебя и твоихъ. Кто удержитъ человѣка, если у него внутри не будетъ Бога, не будетъ совѣсти?..

Возвращаясь изъ околотка, я замѣтилъ въ темномъ углу у кантины кучку людей. Они были заняты разговорами и не видѣли моего приближенія.

— Онъ спрашиваетъ меня: есть Богъ? — долетѣло до моихъ ушей. — а я ему — не могу знать, Вашбродъ.

— А онъ, что жъ? — Да онъ ничего — пошелъ вонъ, говоритъ.

— А Либерману что сдѣлалъ?

— Тѣмъ хуже, говоритъ, для тебя и для твоихъ, начнутъ бить, такъ съ васъ начнутъ...

— Го - го - го . . . — загрохотала компанія.

Наступилъ день отъѣзда. Мы сложили наши вещи и отдали ихъ въ комендатуру для отправки на вокзалъ. Передъ дорогой Арцышевичъ накормилъ насъ съ Высотскимъ супомъ съ мясомъ, пожертвовавъ на это единственную банку консервовъ, а на дорогу далъ большую ржаную галету. Крѣпко пожали мы другъ другу руки. Простился я съ Саламашей, съ нашей комнатой. Много было молчаливыхъ пожеланій, но мало словъ.

Затѣмъ насъ направили къ выходу и выстроили во дворѣ передъ караульнымъ помѣщеніемъ. Провѣрили по фамиліямъ, пересчитали; вышелъ многочисленный конвой и окружилъ насъ. Поднявъ кверху винтовки, нѣмцы съ трескомъ зарядили ихъ. Всѣ эти мелочи взяли много времени, и я на-

чалъ мерзнуть. День былъ пасмурный. Вѣтеръ крутилъ снѣгъ и пробирался за шинель. У Высотскаго покраснѣлъ носъ и выступили слезы; я перебиралъ ногами и съ нетерпѣніемъ ждалъ конца церемоніи. Остающіеся высовывались въ окна верхнихъ этажей и переговаривались съ нами. Раздалась громкая, разрубленная на отдѣльные слоги, команда; часовые открыли внѣшнія ворота. Сѣрой змѣей поползла на улицу наша колонна. Я оглянулся на окна и махнулъ Арцышевичу рукой. Еще нѣсколько шаговъ — и ворота были пройдены. Лагерь остался позади. Съ Мюнденомъ было кончено.

Парижъ

1927

« Rapid-Imprimerie », 12, rue Royer-Collard - Paris (5e)

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

D627
.G3
K67
1927

КНИЖНОЕ ДѢЛО
РОДНИКЪ

Изданіе русскаго Книжнаго Дѣла: «Родникъ», въ Парижѣ.

Адресъ:

Librairie «La Source», 106, *rue de la Tour*, *Paris XVI*